

The book cover features a painting of two figures in a warm, golden-brown color palette. A woman with dark hair is shown in profile, looking down, with her hand resting on her shoulder. Behind her, a man with blonde hair is visible, looking down at the same point. The background is dark and textured, suggesting a draped curtain or a wall with faint patterns. The overall mood is intimate and contemplative.

КАРЕН МАРИ МОНИНГ

ТАЙНА РУКОПИСИ

КЛУБ
КЛУБ

Карен Мари Монинг

Тайна рукописи

Серия «Лихорадка», книга 1

OCR Angelli; SpellCheck Anita

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160772

Тайна рукописи: Клуб семейного досуга; Белгород; 2008

ISBN 978-5-9910-0216-5

Аннотация

«Нам нужно найти „Синсар Дабх“. От этого зависит все. Нельзя позволить им завладеть ею...»

Такое сообщение получила МакКайла от своей сестры Алины Лейн незадолго до ее смерти. Девушка отправляется в Ирландию на поиски убийцы. Ей открывается совсем иная сторона жизни Дублина: он населен Тенями, высасывающими жизнь у неосторожных прохожих, кровожадными Носорогами, беспощадными Королевскими охотниками, эльфами, убивающими в накале страстей... Случай сводит МакКайлу с загадочным и невероятно сексуальным Иерихоном Бэрронсом, он становится ее союзником в поисках «Синсар Дабх» – Темной Книги, способной изменить судьбу человечества.

Содержание

ПРОЛОГ	5
	26
	45
	78
	95
	110
	121
	151
	168
	184
	204
	245
	258
	274
	287
	297
	316
	342
	356
	362
	366
	385
	402

Карен Мари Монинг

Тайна рукописи

*Посвящается Нейлу, за то что взял меня за руку
и прошелся со мной в Темную Зону*

*... Когда стены рушатся,
Когда стены рушатся,
рушатся, рушатся...
Джон Кугар Мелленкамп*

ПРОЛОГ

Моя философия предельно проста – день, когда меня никто не пытается убить, считается хорошим днем в моей жизни.

В последнее время хороших дней мне выпадало мало.

С тех пор как пали стены между Человечеством и королевством Чар.

После этого хороших дней не было не только у меня, но и у всех *ии*-видящих, живущих на Земле.

До того как был заключен Договор между людьми и эльфами (около 4000 г. до рождества Христова, уточняю я для тех, кто не в курсе эльфийской истории), Невидимые Охотники выслеживали нас, как животных, и убивали. Договор

запретил эльфам проливать человеческую кровь, и на протяжении последующих шести тысяч лет, плюс-минус несколько столетий, те, кто обладал Истинным Зрением – такие как я, кого не могут обмануть чары и магия Туата Де, – были взяты в пожизненный плен королевством Чар. Большая разница – умереть или оказаться пленником эльфов до самой смерти. В отличие от некоторых моих знакомых, я не могу быть заколдована Туата Де. Все, что имеет отношение к эльфам, напоминает борьбу человека с дурными привычками – стоит уступить, и они поглотят тебя, но если ты сопротивляешься, ты их побеждаешь.

Теперь стены рухнули, Охотники вернулись и снова принялись убивать нас. Уничтожать так, словно это мы гости на нашей планете.

Эобил, Видимая Королева Света, уже не имеет власти. Кстати говоря, теперь никто не знает, где она, а некоторые начинают задумываться, существует ли она вообще. Видимые и Невидимые после ее исчезновения распространили свою кровавую войну на весь наш мир, и пусть меня назовут испуганной пессимисткой, но я считаю, что Невидимые явно одерживают верх над своими более светлыми собратьями.

Что по-настоящему, по-настоящему плохо.

Не то чтобы Видимые нравились мне больше. Они мне не нравятся. Для меня хороший эльф – это мертвый эльф. Просто встреча с Видимыми не настолько фатальна, как с Невидимыми. Они не убивают нас, лишь только заметив. Мы

нужны им.

Для секса.

После секса с эльфом женщина превращается в грязь. Секс проникает в ее кровь. Она беззащитна перед сексом с эльфом – в ней пробуждается такой сексуальный голод, которого она никогда в себе не подозревала и который никогда не сможет забыть. Требуется долгое время для того, чтобы женщина пришла в себя, – но, по крайней мере, она остается жива.

Что дает надежду на будущую битву. На то, что мы когда-нибудь найдем способ вернуть наш мир в первоначальное состояние.

На то, что эти ублюдки эльфы отправятся обратно в ад, из которого они вылезли.

Но я забегаю вперед, опережая собственное повествование.

Все началось так, как и начинается большинство историй. Не было темной грозовой ночи. Не было зловещей и мрачной музыки, предвещающей что к-тебе-идет-негодяй, жутких знамений вроде оставшихся в чашке чаинок или предредающего гласа с небес.

Начало было тихим и безобидным, как и полагается началу большинства катастроф. Где-то бабочка взмахнула крыльями, изменила направление ветра, где-то у побережья Западной Африки столкнулись горячий и холодный атмосферные фронты, и прежде чем кто-то смог что-либо осознать,

начался ураган. К тому времени, как всем стало ясно, что шторм приближается, было уже слишком поздно предпринимать что-то, кроме затягивания поясов и приготовления к борьбе со стихийным бедствием.

Меня зовут МакКайла. Для краткости – Мак. Я *инди*-видящая, и этот факт я приняла совсем недавно и очень неохотно.

Нас, таких как я, оказалось больше, чем кто-либо мог рассчитывать. И это чертовски хорошая новость.

Поскольку мы – борцы со стихийным бедствием.

Год назад...

9июля. Ашфорд, штат Джорджия.

Тридцать пять градусов жары. Влажность воздуха – девяносто семь процентов.

Летом на юге страны дьявольски жарко, но это вполне приемлемая цена за короткие и теплые зимы. Я люблю почти все времена года и практически любую погоду. Я одинаково ценю безоблачное летнее небо и тяжелые тучи осеннего дня, – когда так приятно валяться на диване в обнимку с интересной книгой, – однако меня никогда не привлекали ни лед, ни снег. Понятия не имею, как жители севера мирятся с подобными вещами. Или почему мирятся. Но, так или иначе, пусть продолжают в том же духе, иначе северяне нагрянут сюда и нам, южанам, придется изрядно потесниться.

С детства привычная к душному южному зною, я валялась возле бассейна на заднем дворе родительского дома, одетая

в любимое, розовое в горошек, бикини. Купальник великолепно подходил к моему новому, розовому же, маникюру и педикюру, выдержанному в стиле «я не то чтобы официантка...» Я нежилась на подушках шезлонга, впитывая свою порцию солнечного света. Длинные светлые волосы я скрутила на затылке, и этот растрепанный узелок был типичным представителем причесок, которые любая девушка предпочитает прятать от посторонних глаз. Мама с папой уехали в отпуск, отмечая тридцатилетие совместной жизни круизом по тропическим островам. Круиз был рассчитан на двадцать один день, путешествие началось две недели назад с острова Мауи, а закончиться должно было в следующие выходные прибытием в Майами.

Пользуясь их отсутствием, я трудилась над своим загаром, добросовестно ныряя в прохладную голубую воду, а потом обсыхая на солнышке. Единственное, о чем я жалела, так это о том, что рядом нет моей сестры Алины, которая могла бы составить мне компанию, и, может, пригласила бы нескольких друзей.

Плеер, который был подключен к отцовскому музыкальному центру, стоявшему тут же, на столике, старательно добавлял музыки этому дню. Список воспроизведения я составляла сама, включив в него как старые проверенные хиты, так и некоторые новые, которые заставляли меня улыбаться. Я постаралась на славу – эта музыка идеально подходила для беззаботного ничегонеделания возле залитого солнцем бас-

сейна. Сейчас из колонок звучал голос Луи Армстронга, исполнявшего старую песню «Какой прекрасный мир». Хотя я и принадлежу к поколению, выбирающему цинизм и равнодушие ко всему, но временами от своего поколения отличаюсь. Ну и пусть.

Под рукой у меня был высокий стакан с холодным чаем и телефонная трубка – на тот случай, если мама с папой сойдут на берег раньше, чем предполагалось. Вообще-то родители должны достигнуть следующего острова только завтра, но уже дважды они опережали расписание.

Несколько дней назад я умудрилась случайно утопить свой мобильник в бассейне, и с тех пор ношу трубку домашнего радиотелефона с собой, чтобы не пропустить звонок.

Дело в том, что я жутко соскучилась по родителям.

Сначала, когда они только уехали, я радовалась свободному времени и одиночеству. Я живу с родителями, и, когда они дома, наше общее жилище приобретает сходство со станцией центрального вокзала. Роль пассажиропотока исполняют мамины подруги, папины партнеры по гольфу, леди из местной церкви и то и дело заглядывающие к нам под различными предлогами соседские дети, – ха, они являются в плавках и одним этим словно напрашиваются на приглашение остаться у бассейна.

Однако две недели долгожданного одиночества доказали мне, что все хорошо в меру, а моя мера исчерпана. Покинутый дом казался необычно тихим, особенно по вечерам. А

ближе к обеденному времени я особо остро ощущала себя брошенной. И голодной. Мама великолепно готовит, а мне уже успели опротиветь заказная пицца, чипсы и чизбургеры.

Я не могла дождаться маминых жареных цыплят, картофельного пюре, салата из свежей репы и персикового пирога с домашним кремом из взбитых сливок – в общем, всего того, что составляло нормальный обед, приготовленный мамой. Предвкушая эти яства, я даже сходила в магазин и купила все, что могло понадобится маме для готовки вкусностей.

Я люблю покушать. К счастью, по мне этого не видно. У меня пышная грудь и округлая попка, а вот талия и бедра очень даже стройные. У меня хороший обмен веществ, хотя мама по этому поводу и говорит: «Ха, вот подожди, будет тебе тридцать. А потом сорок, а потом и пятьдесят». А папа говорит: «Хорошего человека должно быть много, Рейни», и смотрит на маму таким взглядом, что я сразу же переключаю внимание на что-нибудь другое. На что угодно, но другое. Я люблю своих родителей, но есть такая вещь, как СМИ. Слишком Много Информации.

В общем и целом у меня была чудесная жизнь, за исключением того, что я соскучилась по родителям и считала дни до возвращения Алины из Ирландии, но эти исключения казались кратковременными и поправимыми. Совсем скоро моя жизнь должна была вернуться в обычное счастливое русло.

Теперь я думаю: неужели мойры, богини судьбы, могут перерезать одну из нитей, на которых держится наша жизнь, просто потому, что человек был слишком счастлив?

Когда раздался телефонный звонок, я подумала, что звонят мои родители.

Но это были не они.

Странно, что обычная мелочь, пустяк из разряда случающихся десять раз на дню, может стать демаркационной линией.

Какой пустяк – поднять телефонную трубку. Нажать на кнопку соединения.

До того как я нажала кнопку, моя сестра Алина была жива – по крайней мере, в моем сознании. А в тот момент, когда палец мой коснулся кнопки, жизнь моя разделилась на две части: до звонка и после.

До звонка я никогда не пользовалась выражением «демаркационная линия», одним из тех словосочетаний, которые я подцепила в дешевых газетах, и то лишь потому, что была заядлым читателем. До звонка я плыла по течению жизни от одного счастливого момента к другому. «До» я была уверена, что знаю все на свете. Я думала, что знаю, кто я такая, каково мое место в жизни и что конкретно ожидает меня в будущем.

До звонка я думала, что у меня оно есть, это *будущее*.

После звонка я поняла, что никогда ничего не знала.

С того дня, когда я узнала об убийстве сестры, прошло две недели. Эти две недели я ждала – ждала, что кто-нибудь что-нибудь сделает помимо того, что опустит в могилу закрытый гроб с ее телом, усыплет могилу розами и будет тихо скорбеть.

Скорбь не вернет Алину и уж точно не облегчит мне осознание того, что ее убийцы гуляют на свободе и на свой извращенный лад наслаждаются жизнью, в то время как моя сестра, бледная и холодная, лежит под шестью футами могильной земли.

Эти две недели я прожила как в тумане. Я все время плакала, и моя память о тех днях навсегда осталась смутной, словно взгляд залитых слезами глаз. Слезы текли сами по себе. Текли из самой моей души. Алина была для меня не просто сестрой, она была моей лучшей подругой.

Все восемь месяцев, с тех пор как она уехала в Дублин учиться в Тринити-колледже, мы непрерывно переписывались по Интернету и созванивались каждую неделю. У нас не было секретов друг от друга.

Точнее, мне просто так казалось. И как же я ошибалась...

Мы планировали вместе снять квартиру, после того как Алина вернется домой. Планировали переехать в Атланту, где я наконец-то всерьез возьмусь за учебу в колледже, а Алина будет работать над своей кандидатской диссертацией в университете. Ни для кого не секрет, что все амбиции нашей семьи достались моей сестре. После окончания

школы я по пять-шесть вечеров в неделю работала барменом в «Кирпичном заводе», жила дома и старалась экономить деньги, изучая в нашем занюханном университете ровно столько курсов (один или два в семестр, в основном «Как пользоваться Интернетом» и «Дорожный этикет», о чем не особо докладывала родителям), сколько нужно было маме и папе, чтобы продолжать надеяться – когда-нибудь я найду реальную работу в реальном мире. Но, с амбициями или без, после приезда Алины я все же собиралась всерьез взяться за дело и изменить свою жизнь к лучшему.

Месяц назад, когда я попрощалась с сестрой в аэропорту, у меня даже мысли не возникло, что я могу ее больше никогда не увидеть. Алина была чем-то таким же постоянным, как ежедневный восход солнца. Она была очаровательна. Ей было двадцать четыре, мне двадцать два. И мы собирались жить вечно. Тридцатилетие было где-то за миллион световых лет от нас. А сорок лет – вообще в другой галактике. Смерть? Ха. Умирают лишь очень старые люди.

Неверно.

Через несколько недель туман, застилавший мои глаза, стал понемногу рассеиваться. Но боль не прошла. Я подумала, что когда последняя капелька влаги покинет вместе со слезами мое тело, я могу и не выжить. И ярость затопила мою обезвоженную душу. Я хотела ответов. Я хотела справедливости.

Я хотела мести.

Но, похоже, этого хотела только я.

Несколько лет назад я прослушала курс психологии и знала, что люди смиряются со смертью, проходя несколько ступеней скорби, Я не оцепенела, отрицая происшедшее, что должно было стать первой ступенью. Для того чтобы перейти от оцепенения к боли, мне понадобился лишь миг между двумя ударами сердца. Поскольку мамы и папы не было, мне пришлось опознавать тело сестры. Это было жутко и не оставляло никакой надежды отрицать тот факт, что она умерла.

Две недели спустя я перескочила на ступень ярости. Следующей, предположительно, должна была стать депрессия. А после нее, если я психически здорова, придет смирение. Первые признаки всеобщего смирения и так окружали меня, словно все решили перейти от оцепенения к поражению. Они говорили о «случайном акте насилия». Они говорили, что «нужно смириться и жить». Они говорили, что «дело в надежных руках полиции».

Но я не была настолько психически здорова. Не то чтобы я сомневалась в ирландской полиции...

Но принять смерть Алины?

Никогда.

– Ты не поедешь, Мак, и точка. – Мама стояла у кухонного стола, с полотенцем через плечо, в фартуке, усеянном красными, желтыми и белыми аппликациями магнолий, ее руки

были испачканы в муке.

Она пекла. И готовила. И убирала. И снова пекла. Она прекратилась в настоящего тасманского дьявола домашнего хозяйства. Мама родилась и выросла на Глубоком Юге¹, и таким был ее способ справиться с проблемами. Здесь у нас, если кто-нибудь умирает, женщины превращаются в настоящих клуш. Они не могут иначе.

Мы с мамой спорили уже час. Вчера вечером полиция Дублина позвонила нам, чтобы сообщить, что им очень жаль, но за неимением улик, а также потому, что у них нет ни одной версии и ни одного свидетеля, им больше нечего расследовать. Они дали нам официальное объяснение того, что у них нет иного выхода, кроме как передать дело Алины в отдел нераскрытых преступлений. Даже недоумку было понятно, что никакого отдела нераскрытых преступлений у них нет, а есть тусклая комната в забытом Богом подвале, с длинными стеллажами и шкафами, в которых пылятся нераскрытые дела. Несмотря на уверения, что периодически они будут исследовать это дело на предмет появления новых улик, что они приложат к этому все возможные усилия, суть была предельно ясна – Алина мертва, тело отправлено в ее родную страну, и теперь это не их забота.

Они сдались.

Рекордный срок, если я правильно понимаю... Три недели.

---

¹ Глубокий Юг – понятие, связанное с традициями и укладом жизни южных штатов. (Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.)

Жалкий двадцать один день. Это невообразимо!

– Держу пари: если бы мы жили в Ирландии, они ни за что не посмели бы так быстро сдаться! – едко сказала я.

– Ты не можешь этого знать, Мак. – Мама отбросила платиновую прядь, которая упала на ее голубые глаза, покрасневшие от слез, и оставила полоску муки над бровью.

– Вот и дай мне шанс это выяснить.

Ее губы сжались в тонкую белую линию.

– Ни в коем случае. Эта страна уже отняла у меня одну дочь. И я не хочу потерять вторую.

Тупик. Из этого тупика мы не могли выбраться с самого завтрака, за которым я сообщила о своем решении отправиться в Дублин и выяснить, в самом ли деле полиция пытается найти убийцу Алины.

Я потребую у них копию дела и приложу все усилия, чтобы заставить их продолжить расследование. Я стану лицом и голосом – очень громким и, надеюсь, убедительным голосом – семьи погибшей. Я не могла отделаться от мысли, что, если бы хоть кто-то представлял интересы моей сестры в Дублине, полиция отнеслась бы к делу более серьезно.

Я попыталась заставить папу заняться этим, но теперь он был вне досягаемости. Он полностью ушел в свое горе. Несмотря на то, что наши с сестрой лица и фигуры были разными, у меня были те же волосы и глаза, что и у Алины, и несколько раз папа так смотрел на меня, что я мечтала стать невидимой. Или брюнеткой с карими глазами, похожей на

отца, а не на сестру, с ее золотистыми волосами и зеленым взглядом.

Вначале, сразу после похорон, папа был похож на вечный двигатель – делал бесконечные звонки, связываясь с кем только можно. В посольстве с ним говорили вежливо, но направили его в Интерпол. Интерпол несколько дней кормил его отговорками «вникаем в суть вопроса», а потом дипломатично посоветовал вернуться к тем, с кого все началось – к полиции Дублина. Полиция Дублина настояла на своем. Никаких улик. Никаких свидетелей. Никаких следов. Нечего расследовать. «Если вас что-то не устраивает, сэр, обратитесь в посольство».

Отец позвонил в полицию Ашфорда – нет, они не могут поехать в Ирландию и заняться расследованием. Он снова позвонил в полицию Дублина, – уверены ли они, что допросили всех друзей Алины, всех ее знакомых и преподавателей? И мне не нужно было слышать обе стороны *этого* разговора, чтобы понять – у дублинских полицейских закончилось терпение.

Наконец папа позвонил старому школьному другу, который теперь занимал какую-то высокую, но не подлежащую разглашению должность в правительстве. Что бы ни сказал его друг, это лишило папу всяких надежд. Он полностью ушел в себя и не собирался выходить.

В доме Лейнов воцарилась ужасная погода. Мама превратилась в торнадо на кухне, папа стал черной дырой в своем

кабинете. А я не могла просто сидеть и ждать, когда они придут в себя. Время шло, след остывал с каждой минутой. И если кто-то и мог что-то сделать, это следовало делать немедленно. А значит, действовать должна я.

Я сказала:

– Я еду, и мне все равно, нравится вам это или нет.

Из маминых глаз хлынули слезы. Она швырнула тесто, которое замешивала, на стол и выскочила из комнаты. Мгновение спустя я услышала, как хлопнула дверь ее спальни.

Есть одна вещь, которую я абсолютно не переношу – это мамины слезы. И вот, словно за последние дни она мало плакала, я снова довела ее до слез. Я выскользнула из кухни и пошла наверх, чувствуя себя последней дрянью из всех ныне живущих.

Я вылезла из пижамы, приняла душ, высушила волосы и оделась, а потом несколько минут просто стояла, потерянная, в коридоре, глядя невидящими глазами на закрытую дверь, ведущую в спальню Алины.

Сколько тысяч раз мы бегали друг к другу в течение дня, сколько перешептывались по ночам, сколько раз будили друг друга и успокаивали после ночных кошмаров?

Теперь я осталась со своим кошмаром один на один.

Возьми себя в руки, Мак. Я встряхнулась и решила отправиться в университет. Если я останусь дома, эта черная дыра может засосать и меня. Даже сейчас я чувствовала, как надвигается на меня розовой горизонт.

На выезде из города я вспомнила, что утопила свой мобильник в бассейне – Боже, неужели это было так давно? – и решила остановиться у магазина и купить новый телефон, чтобы родители могли связаться со мной после моего отъезда.

Если они вообще заметят мой отъезд.

В магазине я выбрала самый дешевый «Нокиа» из тех, что они предлагали, деактивировала старый телефон и переставила сим-карту в новый.

У меня оказалось четырнадцать новых сообщений, что для меня, наверное, рекорд. Меня трудно назвать общительной девушкой, и меня немного злит мысль о том, что благодаря этой штуке кто угодно может найти меня в любой момент, где бы я ни была. И я не из тех, кто гонится за новыми телефонными наворотами. У меня в телефоне нет камеры, я не пользуюсь текстовыми сообщениями в любом их виде. Мой телефон не поддерживает функции мобильного Интернета, и в нем нет спутникового радио. Телефон – это только телефон, всем спасибо, все свободны. Единственное приспособление, которое мне действительно нужно, это плеер, музыка – лучший способ сбежать от реальности.

Я села обратно в машину, завела мотор, чтобы включить кондиционер – июльская жара была невыносима, – и начала прослушивать сообщения. Большинство из них отправили на прошлой неделе мои друзья по «Кирпичному», с которыми я уже говорила после похорон.

Наверное, где-то в глубине души я помнила, что связь со мной пропала за несколько дней до смерти Алины, и надеялась, что получу сообщение и от нее. Надеялась, что она звонила мне и что ее голос был счастливым. Надеялась, что она сказала нечто, что поможет мне забыть о моем горе, хотя бы ненадолго. Я отчаянно хотела еще хоть раз услышать ее голос.

И когда я его слышала, я чуть не уронила телефон. Голос Алины рвался из динамика, взвинченный и напуганный.

– Мак! Господи, Мак, *где* ты? Мне нужно с тобой поговорить! Я все время натыкаюсь на твою голосовую почту! Что ты делаешь, *почему* у тебя выключен телефон? Позвони мне *сразу же*, как только прослушаешь это сообщение! Это очень, очень срочно!

Несмотря на изнуряющую летнюю жару, меня обдало холодом, по коже поползли мурашки.

– Ох, Мак, все пошло так неправильно! Я думала, что знаю, что делаю. Я думала, что он помогает мне, но – Господи, поверить не могу, что я была такой душой! Я думала, что влюблена в него, а он один из них, Мак! Он один из *них*!

Я моргнула, ничего не понимая. Один из кого? И, если уж на то пошло, кто такой этот «он», который «один из них»? Алина влюблена? Ни за что! Мы с Алиной рассказывали друг другу обо всем. И если не считать парней, с которыми она несколько раз встречалась в первые месяцы в Дублине, она ни разу не упомянула ни одного мужчину, появившегося

в ее жизни. И уж точно не говорила, что в кого-то влюблена!

Алина начала всхлипывать. Я так стиснула телефон, что онемела рука – я словно хотела дотянуться до сестры через пластмассовую трубку. Спасти эту Алину от всего, что ей угрожало. Несколько секунд тишины, а потом она снова заговорила, понизив голос, словно боялась, что ее услышит тот, кто к ней приближался.

– Нам нужно поговорить, Мак! Ты слишком многого не знаешь. Господи, ты даже не знаешь, *кто* ты такая! Мне столько всего нужно было рассказать тебе, но я думала, что могу подождать того момента, когда это будет более безопасно. Я попытаюсь добраться домой. – Она замолчала, потом раздался невеселый смешок, едкий, злой звук, совсем не похожий на обычный смех Алины. – Но я не думаю, что он позволит мне покинуть страну. Я позвоню тебе, как только... – Снова тишина. Затрудненное дыхание. – Мак, он идет! – Потом она настойчиво зашептала: – Слушай меня! Нам нужно найти... – Следующее слово было искаженным или иностранным, что-то вроде «*ми-саду*». – От этого зависит все. Нельзя позволить им завладеть ею! Мы должны первыми добраться до нее! Он все время лгал мне. Теперь я знаю, что это такое, и знаю где...

Тишина.

Связь прервана.

Я неподвижно сидела за рулем, пытаюсь осознать то, что только что услышала. Должно быть, я изначально была раз-

делена на двух разных Мак – одна понимала, что происходит в этом мире и что с этим делать, а второй хватало мозгов лишь на то, чтобы одеться утром и не перепутать правую туфлю с левой. Мак-которая-хоть-что-то-понимала умерла вместе с Алиной, поскольку нынешняя Мак не понимала даже родную сестру.

Алина влюбилась и ни разу не проговорила мне об этом! Ни разу. А теперь выяснилось, что она не говорила мне не только об этом. Я была поражена. Я чувствовала себя преданной. Моя сестра скрывала от меня огромную часть своей жизни, и скрывала ее *несколько месяцев*.

Какая опасность ей угрожала? От чего она старалась меня оградить? Что должно помочь избежать опасности? Что нам нужно найти? И кто ее убил – тот человек, в которого, как думала Алина, она была влюблена? Почему – или какого дьявола – она так и не назвала его имени?

Я проверила дату и время сообщения – оно было отправлено на следующий день после того, как я утопила телефон. Мои внутренности сжались в холодный комок. Меня не оказалось рядом именно тогда, когда моя сестра больше всего во мне нуждалась. В то время как Алина отчаянно пыталась связаться со мной, я лениво нежилась на солнышке на заднем дворе, слушала собственноручно выбранный хит-парад бессмысленных жизнерадостных песенок, а мой мобильный лежал, сломанный и забытый, на кухонном столе.

Я осторожно нажала кнопку сохранения, затем прослуша-

ла остальные сообщения, надеясь, что Алине все же удалось потом перезвонить, но мои надежды не оправдались. Согласно сообщениям полиции, моя сестра умерла приблизительно через четыре часа после того, как попыталась дозвониться до меня, а затем ее тело почти два дня пролежало в аллее, прежде чем его нашли.

Вот эту картину мне по-настоящему трудно выбросить из моего воображения.

Я закрыла глаза и попыталась не думать о том, что я упустила свой последний шанс поговорить с сестрой, попыталась не думать о том, что могла бы как-нибудь спасти ее, если бы ответила на звонок. Эти мысли свели бы меня с ума.

Я снова прослушала сообщение. Что это за *ши-саду*? И как понимать слова «ты даже не знаешь, кто ты такая»? Что имела в виду Алина, говоря мне это?

После третьего прослушивания сообщение отпечаталось в моем мозгу и в сердце.

К тому же стало ясно, что мне нельзя говорить об этом сообщении маме и папе. Не только потому, что оно повергнет их в глубокую депрессию (словно существует депрессия глубже той, в которой они сейчас утонули), но и потому, что после этого они запрут меня в комнате и выбросят ключ. Нет ни малейшего шанса, что они отпустят от себя оставшуюся в живых дочь.

Но... если я поеду в Дублин и прокручу сообщение полиции, разве они не должны будут возобновить расследование?

Это же самая настоящая улика. Если Алина в кого-то влюбилась, она бы наверняка виделась с ним. Где угодно – в колледже, в своей квартире, на работе, где-нибудь еще. И кто-то должен знать, кто ее парень.

Даже если этот загадочный незнакомец не является ее убийцей, в любом случае – он ключ к разгадке этого убийства. К тому же он «один из *них*».

Я нахмурилась.

Кем бы или чем бы эти самые «они» ни были.

Я быстро поняла, что думать о поездке в Дублин и о том, как буду добиваться справедливости во имя моей сестры, — это одно, а вот оказаться, страдая от смены часового пояса, в четырех тысячах миль от дома, за океаном, — это совсем, совсем другое.

Но именно тут я и оказалась — на булыжной мостовой в центре незнакомого города. Вокруг меня сгустились сумерки, а такси быстро удалялось. Вокруг были люди, разговаривающие на практически непонятном мне варианте английского языка, а я пыталась смириться с мыслью, что нахожусь в многомиллионном городе, где не знаю ни единой души.

Ни в Дублине, ни в Ирландии, ни на целом континенте.

Я была настолько одинока, насколько это вообще возможно.

Перед вылетом у меня был короткий, но очень бурный скандал с родителями, и теперь они со мной не разговаривали. Хотя они и друг с другом не разговаривали, так что я постаралась не принимать это на свой счет. Я уволилась с работы и забрала документы из колледжа. Я сняла со счетов все свои деньги. Я была двадцатидвухлетней одинокой белой женщиной, оказавшейся в полном одиночестве в чужой стране, где убили мою сестру.

Вцепившись в чемоданы, оттягивавшие руки, я смеша-

лась с толпой, которая заполонила тротуар. Кто бы мне сказал, куда я иду? Прежде чем мной овладела неконтролируемая паника от ощущения, что, выйдя из такси, я осталась совершенно одна, я пожала плечами, повернулась и зашагала к «Кларин-хаус».

Этот мотель, предоставляющий ночлег и завтрак, я выбрала по двум причинам: во-первых, неподалеку отсюда Али-на снимала маленькую, шумную квартирку, расположенную над одним из многочисленных дублинских пабов, а во-вторых, этот мотель был одним из самых дешевых. Я понятия не имела, сколько здесь пробуду, а потому прилетела самым дешевым рейсом, который только смогла найти. Финансы мои находились в плачевном состоянии, так что предстояло либо тщательно экономить, следя за каждым пенни, либо отправляться домой. Иначе я рисковала застрять за границей без денег на обратный билет. Однако после посещения полиции – или «Гарды Сиоханы» – «Стражей порядка», как их здесь называют, – которые уверяли меня, что делают все возможное, у меня и мысли не возникло сразу же покинуть Ирландию.

Решившись ехать в эту страну, я изучила два немного устаревших путеводителя, которые купила в «Книжном уголке», единственном магазинчике Ашфорда, где продавались подержанные книги. Я изучала карты, пыталась выкопать историю Ирландии и узнать о местных обычаях. Те три часа в Бостоне, во время которых мне пришлось ждать рей-

са, я просидела с закрытыми глазами, выуживая из памяти все, даже самые мелкие детали о Дублине, которыми Алина делилась со мной по телефону и по почте. Так что хоть я и казалась себе зеленой, как незрелый персик родного штата Джорджия, но надеялась, что не похожа на тех неуклюжих туристов, которые попадались мне на каждом шагу.

Я зашла в «Кларин-хаус» и поспешила к конторке.

– Д'рый в'чер, моя д'рогая, – искренне обрадовался мне клерк. – Вы ндеюсь, принсли птверждение заказа, пскольку оно пнадобится в эот пркрасный сезон.

Я моргнула и прокрутила в голове эту обрушившуюся на меня скороговорку, пытаясь замедлить ее и понять.

– Подтверждение, – сказала я. – Конечно.

Я протянула пожилому джентльмену свой и-мейл, подтверждающий заказ. Седые волосы, аккуратно подстриженная борода, сверкающие глаза за круглыми очками без оправы и до странности маленькие уши делали его невероятно похожим на лепрекона² с выдуманных Зеленых холмов. Попросив меня подождать, клерк стал проверять правильность заказа. Он метался за конторкой, словно теннисный мячик, ни на секунду не умолкая, и засыпал меня советами, куда стоит пойти и что стоит посмотреть.

По крайней мере, именно *так* я расшифровала его неразборчивый монолог.

---

² Лепрекон (Лепрехуп) – в ирландской мифологии карлики-сапожники, стережущие клады, любят выпить и никогда не выпускают изо рта трубки.

Честно говоря, я понимала клерка с пятого на десятое. Хотя его акцент и был очаровательным, но подозрение, возникшее у меня еще в аэропорту, только что полностью подтвердилось: моему одноязычному американскому мозгу понадобится много времени, чтобы научиться понимать исковерканные акцентом ирландские слова и необычное построение фразы. Клерк произносил слова так быстро и слитно, что с тем же успехом он мог *заговаривать* меня (одна из новых фраз, почерпнутых из путеводителя) на гаэльском, причем заговаривать во всех смыслах этого слова.

Спустя несколько минут, так и не разобрав ни слова из его рекомендаций, я поднялась на третий этаж и открыла дверь своего номера. Что ж, как я и ожидала, за такую цену ничего особенного меня здесь не встретило. Тесная, три или четыре метра в любом направлении, комнатка казалась еще меньше из-за двуспальной кровати, втиснутой под высокое узкое окно, маленького комода с тремя ящиками, на котором располагалась лампа, окрашивающая тени в желтый цвет, рахитичного стула, раковины на подставке и шкафа, размером ничуть не отличающегося от меня. Я открыла дверцу шкафа – внутри обнаружили две жуткие, искривленные проводочные вешалки. Ванная здесь была общей и располагалась дальше по коридору. Уступкой жаждущим комфорта гостям был красно-оранжевый плед и того же цвета занавеска на окне.

Я бросила сумки на кровать, отдернула занавеску и по-

смотрела на город, в котором погибла моя сестра.

Мне не хотелось, чтобы он оказался красив, но он был прекрасен.

Тяжелая тьма окутала Дублин, ее прорезали бриллиантовые огоньки фонарей. Недавно прошел небольшой дождь, и теперь влажная брусчатка мостовой отливала янтарным, розовым и неоновосиним отсветом реклам и вывесок. Такую архитектуру я раньше видела только в книгах и в кино – Старый Свет, элегантный и величественный. Дома из тесаного камня, богато украшенные фасады, некоторые отделаны колоннами, другие покрыты удивительными деревянными завитушками, третьи щеголяли высокими, замысловатой формы окнами. «Кларин-хаус» находился на краю Темпл Бар Дистрикт, то есть, если верить путеводителю, был расположен в самой оживленной и энергичной части города, полной *крайка* – так ирландцы на своем сленге называли нечто, означающее все оттенки «бесшабашного веселья».

Улица была запружена людьми, которые перебирались от одного из бесчисленных баров к другому. Джеймс Джойс писал, что это интересная задача – пересечь Дублин, не наткнувшись на паб. «Более шести сотен пабов в Дублине!» – значилось в заголовке одной из многочисленных листовок, которые энергичный клерк с радостным гудением всунул мне в руку. Судя по тому, что я видела, добираясь сюда, листовка сообщала чистую правду. Алина старательно училась, чтобы поехать за границу по программе обмена, но я

знала, что ее привлекает не только известный Тринити-колледж, но и энергия, общественная жизнь и разнообразные бары этого города. Моя сестра любила Дублин.

Глядя на то, как люди на улице разговаривают и смеются, я внезапно ощутила себя крошечной пылинкой, скользящей по лунному лучу.

Что касалось связи с внешним миром, мы с пылинкой находились в равных условиях.

«Вот и свяжись с ним! – пробормотала я самой себе. – Ты ведь единственная надежда Алины».

На данный момент Единственная Надежда Алины была более голодной, чем уставшей, – а учитывая три пересадки за двадцать часов пути, устала я как собака. Мне никогда не удавалось заснуть на голодный желудок, так что я прекрасно понимала, что, прежде чем позволить себе отдых, мне придется найти местечко, где можно что-нибудь съесть. Если я рискну сразу же лечь спать, то, когда проснусь, буду еще более голодной и измученной, чем сейчас. А завтра мне предстоит тяжелый день и понадобятся работоспособные мозги.

Вот и настал самый подходящий момент для того, чтобы выйти на связь с этим миром. Я умылась холодной водой, обновила макияж и причесалась. Затем надела свою любимую коротенькую белую юбку, которая открывала мои длинные загорелые ноги, красивую сиреневую блузку и подходящий к ней по цвету кардиган, стянула свои светлые волосы в конский хвост, закрыла номер и скользнула по коридору в

объятия дублинской ночи.

Я остановилась у первого же бара, который показался мне привлекательным и полным национального ирландского духа. Мне достался изящный кусочек Старого Света, окруженный современными заведениями, заплонившими улицу. Я хотела всего лишь вкусной горячей еды в хорошей спокойной атмосфере. И я получила желаемое: порцию вкуснейшей тушеной баранины с луком, картофелем и густой подливкой и ломоть шоколадного пирога с виски, который я сопровождала в путешествие по пищеводу обалденно вкусным «Гиннесом».

Почувствовав себя довольной и сонной после сытной еды, я заказала второй бокал пива и откинулась на спинку стула, оглядываясь по сторонам и впитывая атмосферу паба. Я задумалась, приходила ли сюда Алина, и позволила себе представить ее здесь, смеющуюся и счастливую, в компании друзей.

Паб был необычайно хорош – вдоль стены тянулись уютные скамейки с кожаными сиденьями и подголовниками – здесь их называли «снагсы». Бар находился в центре большой комнаты – красивое сооружение из красного дерева, металла и зеркал. Вокруг стойки располагались высокие столики с барными стульями. За одним из этих столиков я и устроилась.

Паб был наполнен разнородной смесью клиентов – молодые студенты здешних университетов вперемешку с отды-

хающими туристами, люди, одетые в ультрамодные шмотки, и те, кто предпочитал спортивный стиль. Как бармен, я всегда интересовалась, как все обустроено в других барах: что там предлагают, кто туда ходит, какие мыльные оперы в них раскручиваются, поскольку последнее неизбежно. В любом из существующих баров всегда присутствуют несколько привлекательных парней, всегда произойдет несколько драк, завяжется несколько романов и всегда найдется несколько весьма странных личностей.

Та ночь подтвердила, что исключений из этого правила не бывает.

Он вошел, когда я уже заплатила по счету и допивала свое пиво. Я заметила его потому, что его просто невозможно было не заметить. Думаю, я ни разу не моргнула и не отвела от него глаз, пока он пересекал комнату и поворачивался ко мне спиной – спиной настоящего атлета. Высокий, сильный, рельефные мускулы перекатываются под черной кожей штанов, на ногах тяжелые черные ботинки, на плечах – ага, несложно было догадаться, что он не изменит образу Короля драмы, – черная рубашка. Я достаточно времени провела за барной стойкой, чтобы научиться разбираться в том, какие люди носят определенного рода одежду и что эта одежда может о них рассказать. Парни, которые с ног до головы одеваются в черное, делятся на две категории: одни ищут неприятностей, другие неприятности сами по себе. Женщины, которые одеваются во все черное, это совсем другая история,

не имеющая сейчас никакого значения.

Так вот, сначала я заметила его спину, и как только мои мысли перешли к лирическим завихрениям по поводу такого великолепного зрелища (проблема он или нет, но глаз от него не отвести), парень, не снижая темпа, добрался до бара, перегнулся через стойку и *вытащил бутылку самого лучшего виски.*

И никто этого не заметил.

Возмущение мигом отрезвило меня, поскольку я подумала о бармене – это был ощутимый удар по его карману, непочатая бутылка скотча стоила шестьдесят пять долларов, и она явно будет выпита прежде, чем (только после закрытия) начнут проверять счета бара и обнаружат недостачу.

Я начала сползать со своего стула. Да, я собиралась это сделать – я, чужая в незнакомой стране, и никак иначе, – я собиралась сдать этого парня. Потому что мы, бармены, должны помогать друг другу.

И тут он обернулся.

Я замерла, опустив одну ногу на пол. Думаю, я даже забыла, как дышать. Сказать, что он был суперзвездой экрана во плоти – значит ничего не сказать. Определение «невероятно прекрасный» тоже не подходило. Сказать, что архангелы Господни должны были бы выглядеть так, как он, – это значит даже не начать описывать его. Длинные золотые волосы, глаза, такие светлые, что казались серебряными, и золотистая кожа, – этот человек был невероятно прекрасен. Все

волоски на моем теле стали дыбом, все сразу, волной. И тут же возникла странная мысль: *он не человек*.

Я помотала головой, стряхивая наваждение, и снова села на стул. Я все еще собиралась предупредить бармена, но не раньше, чем незнакомец отойдет от бара. Внезапно мне очень захотелось подойти к красавцу поближе.

Но он не уходил. Вместо этого он прислонился спиной к стойке, отвинтил крышку и присосался к бутылке.

Пока я смотрела на него, со мной произошло нечто необъяснимое. Тоненькие волоски на моем теле начали вибрировать, еда в желудке словно превратилась в свинцовый ком, а со зрением приключилось нечто вроде сна наяву. Бар был на месте, незнакомец тоже был на месте, но в этой версии реальности он вовсе не казался прекрасным. Он был ничем другим, как тщательно замаскировавшейся мерзостью, но даже сквозь поверхность его привлекательности пробивалась вонь гниющей плоти. И, если бы я подошла ближе, эта вонь могла удушить меня до смерти. Но это еще не все. Мне казалось, что, если мне удастся раскрыть глаза пошире, я смогу увидеть не только это. Я смогу увидеть, кто он на самом деле, если только внимательнее присмотрюсь к нему.

Не знаю, сколько времени я там просидела, таращась на него. Чуть позже я поняла, что этого времени было вполне достаточно для того, чтобы накликать свою смерть, но тогда я этого не знала.

От собственной глупости и от бесславного конца не успев-

шей начаться истории меня спас крепкий подзатыльник.

– Ой! – Я подскочила на своем насесте, обернулась и уставилась на агрессора.

Она уставилась на меня в ответ – крошечная седая женщина которой с первого взгляда можно было дать лет восемьдесят. Ее густые серебристо-седые волосы были заплетены в косу, и даже челка не закрывала правильные черты лица. Одета старуха была во все черное, и я с раздражением подумала о том, что мне стоит пересмотреть свою теорию по поводу женщин, которые носят черное. Прежде чем я успела завопить: «Вы соображаете, что делаете?!», она подняла руку и постучала по моему лбу, довольно чувствительно ударяя костяшками.

– Эй! Прекратите!

– Как ты можешь так на него смотреть? – прошипела женщина. Ее голубые глаза светились молодым задором, хоть и смотрели на меня с морщинистого лица. – Ты собралась выдать нас всех, дура несчастная?

– А? – Как и в случае с престарелым лепреконом за конторкой в отеле, я медленно повторила про себя ее фразу. Вот только смысла от этого не прибавилось.

– На Темного Туата Де! Как ты можешь предавать нас. Ты, О'Коннор, подумать только! Я обо всем сообщу твоим родственникам, не сомневайся!

– А? – Вдруг оказалось, что ничего более осмысленного я произнести не могу. Я правильно ее расслышала? Что такое

этот «тваде»? И кто я по ее мнению? Старуха снова подняла руку, и я, опасаясь очередного подзатыльника, выпалила:

– Я не О'Коннор.

– Определенно О'Коннор. – Женщина закатила глаза. – Те же волосы, те же глаза. И та же кожа! Ты не можешь быть никем другим, только О'Коннор. Такие как он перекусят пополам такой лакомый кусочек, как ты, и, прежде чем ты откроешь рот, чтобы закричать, он уже будет глодать твои кости. А теперь прочь отсюда, пока ты не испортила все, что можешь!

Я моргнула.

– Но я...

Старуха заставила меня замолчать, бросив устрашающий взгляд, который отрабатывала, по-видимому, не меньше пятидесяти лет.

– Вон! Немедленно! И не возвращайся сюда. Ни сегодня, ни когда-либо еще. Если ты не можешь держать себя в руках и не гордишься своим происхождением – сделай нам всем одолжение, иди и умри где-нибудь в другом месте.

Ого. Все еще моргая, я заерзала на стуле. Мне не нужно было получать по голове еще и клюкой, чтобы понять, что мне здесь не рады. Подзатыльника хватило с лихвой. С высоко поднятой головой, глядя строго вперед, я попятилась от старой сумасшедшей женщины, следя, чтобы она не попала по мне, если ей взбредет в голову снова меня стукнуть. Отойдя на безопасное расстояние, я развернулась и зашага-

ла прочь из бара.

– Молодец, Мак, – пробормотала я себе под нос, вернувшись в свою до жути неудобную комнату. – Добро пожаловать в Ирландию.

Я не могла решить, что же меня больше беспокоит – моя странная галлюцинация или агрессивная старушка.

Последней моей мыслью перед тем, как я заснула, было решение, что бабушка просто сумасшедшая. Потому что или она сошла с ума, или я, а я с ума точно не сходила.

На следующий день у меня ушло немало времени на поиски участка «Гарды» на Пирс-стрит. Когда я поднимала глаза от своей крошечной карты, я понимала, что в Ирландии все не такое, каким кажется. Улицы здесь не расходились аккуратными углами, а их названия сменялись без смысла и системы от одного квартала к другому.

Я трижды прошла мимо одного и того же открытого кафе, возле которого стоял стенд со свежей прессой. «Мужчина видел Дьявола в Канти Клер Корнфилд!» – кричал один из таблоидов. «Медиум предупреждает: Древние возвращаются», – говорилось в другом заголовке. Думая о том, кто такие «Древние» – название забытой рок-группы? – я в четвертый раз прошла мимо и наконец решилась спросить дорогу у пожилого продавца газет.

Что он мне ответил, я так и не поняла. Было ясно лишь одно: чем старше собеседник, тем труднее мне пробиться

сквозь его акцент. Седеющий джентльмен выдал целый фонтан слитных слов, которые абсолютно ничего для меня не значили, а я кивала ему и улыбалась, много улыбалась, пытаясь сойти за умную. Подождав, пока поток слов иссякнет, я решила рискнуть, – какого черта? Мои шансы пятьдесят на пятьдесят, – и повернула на север.

С резким кашляющим звуком джентльмен схватил меня за плечо, развернул в противоположном направлении и, не делая пауз, рявкнул:

– Ты что, глухая, девочка?

Я задумалась. С тем же успехом он мог сказать, что я голая квочка.

Ослепительно улыбнувшись, я направилась на юг.

Утром я узнала от заступившего на смену клерка в «Кларин-хаус» – девушки двадцати с чем-то лет по имени Бонита (которую я тоже понимала с трудом), что я вряд ли не замечу участок «Гарда», когда подойду к нему. Она заверила меня, что это историческое здание похоже на старинную английскую усадьбу, полностью сложено из камня, на крыше множество дымоходов, а по углам круглые башенки. И она была права, это здание я не пропустила.

Войдя в участок через высокие деревянные двери, глубоко утопленные в высокую каменную арку, я направилась к дежурной.

– Я МакКайла Лейн. – Я решила сразу перейти к делу. – В прошлом месяце убили мою-сестру. Мне хотелось бы по-

говорить с детективом, расследующим ее дело. У меня для него есть новая информация.

– А кто работал над этим делом, милочка?

– Инспектор О'Даффи. Патрик О'Даффи.

– Простите, милочка. Наш Патти уехал на несколько дней.

Я могу записать вас к нему на прием в пятницу.

Прием в пятницу? Но у меня есть улики уже сейчас. И я не хочу ждать четыре дня.

– Есть ли другой инспектор, с которым я могу поговорить об этом деле?

Дежурная пожала плечами.

– Можете. Но вам повезет больше, если вы поговорите с тем, кто ведет дело вашей сестры. Если бы речь шла о моей сестре, я подождала бы Патти.

Я нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Необходимость что-то сделать жгла меня изнутри, но я хотела сделать то, что будет лучше для Алины, а не то, что кажется мне срочным.

– Хорошо. Запишите меня на пятницу. Можно назначить время с утра?

Женщина записала встречу со мной первым пунктом в расписании О'Даффи.

После этого я направилась в квартиру Алины.

Арендная плата за текущий месяц была внесена, – и возвращению не подлежала, – но я понятия не имела, сколь-

ко времени отнимет сортировка и упаковка вещей для того, чтобы отправить их в Джорджию, так что решила не откладывать это на потом. Я не оставлю ни одной мелочи, принадлежавшей моей сестре, так далеко от родного дома.

На двери была прилепленная полицейскими ограничительная лента, но ее сорвали. Я открыла дверь ключом, который прислал нам инспектор О'Даффи вместе с маленьким пакетом вещей, найденных у тела Алины. Квартира пахла точно так же, как пахла дома комната моей сестры, это был запах персиково-сливочных ароматических свечей и любимых духов Алины.

Внутри было темно, жалюзи были опущены. Паб, находящийся внизу, еще не открылся, так что в квартире было тихо, словно в могиле.

Я нащупала выключатель и щелкнула им. Конечно, нам сказали, что квартиру обыскивали, но я была не готова к тому, что увидела. Все покрывал порошок для снятия отпечатков пальцев. Все, что могло разбиться, разбилось: лампы, безделушки, тарелки, даже зеркало, висевшее на экране газового камина. Диван был раскрыт и выпотрошен, подушки разбросаны, книги порваны, книжные полки сломаны, и даже обои были разорваны в нескольких местах. Когда я зашла в гостиную, под моими ногами захрустели CD-диски.

Этот разгром учинили до или после ее смерти? Полиция по этому поводу ничего не говорила. И не ясно, было ли то, что я видела, результатом неконтролируемой ярости убий-

цы, или же он что-то искал. Может, он искал то, о чем Алина говорила: «нам нужно найти это». Он мог решить, что эта вещь находится у Алины.

Тело моей сестры нашли за много миль отсюда, на замусоренной аллее парка на другом берегу реки Лиффи. Я точно знала, где это. Я знала, что перед отъездом из Ирландии я пройду по этой аллее, чтобы навсегда попрощаться с Алиной, но пока что не торопилась с этим. И без того все плохо.

Я закрыла дверь и поспешно спустилась вниз, промчалась по узкой, без окон, лестнице и выскочила в туманную аллею, тянувшуюся за пабом. Я была рада, что у меня есть еще три с половиной недели, чтобы разобраться с делами прежде, чем истечет срок аренды. В следующий раз, когда я приду сюда, я найду то, за чем приходила. В следующий раз я приду сюда с коробками, мусорными пакетами и вооружусь половой щеткой.

В следующий раз я приду сюда, сказала я себе, резко проводя рукавом по мокрой щеке, и смогу не расплакаться.

Остаток утра и добрую половину дождливого дня я провела в интернет-кафе, пытаюсь найти что-нибудь о той вещи, которую упоминала Алина – *ии-саду*. Я воспользовалась всеми возможными поисками. Я запросила «Дживз»³.

Я запустила контекстный поиск по местным газетам, надеясь на удачу. Проблема была в том, что я не знала, как пра-

---

³ «Дживз» – одна из поисковых систем.

вильно пишется это слово, не знала, означает ли оно человека, место или вещь, и сколько бы раз я ни прослушивала сообщение, я не была уверена, что правильно понимаю Алину.

Замучившись с первым, я решила поискать второе непонятное слово, то, что упомянула старая женщина вчера вечером – «тваде» или «туаде». С ним мне тоже не повезло.

Несколько часов безуспешного поиска – я еще отправила несколько сообщений, в том числе очень эмоциональное письмо родителям, – я решила заказать себе еще кофе и спросила у двух довольно милых ирландских парней, примерно моего возраста, которые стояли за стойкой, не знают ли они, что такое ши-саду. Они не знали.

– А что насчет *тваде*? – спросила я, ожидая такого же ответа.

– *ТуатаДе*? – переспросил темноволосый, произнеся это слово чуть иначе, чем я.

Я кивнула.

– Вчера пожилая женщина в пабе упомянула это слово. Можете подсказать, что это значит?

– Конечно, – он рассмеялся. – Это то, что вы, чертовы американцы, надеетесь найти, приезжая сюда. А вместе с этим и горшочек с золотом, верно, Симус? – Парень ухмыльнулся своему белокурому напарнику, и тот ухмыльнулся в ответ.

– То есть? – осторожно спросила я.

Парень замахал руками, словно маленькими крыльями, и подмигнул.

– Это означает «маленький эльф», девочка.

Маленький эльф. Ага. А как же. Со штампом «Туристка» на лбу я взяла истекающую паром чашку, заплатила за кофе и унесла свои пылающие щеки обратно за столик.

Сумасшедшая старая карга, злобно подумала я, заканчивая интернет-сессию. Если я еще когда-нибудь ее увижу, она услышит о себе много нового и интересного.

Дублин утонул в тумане, и я заблудилась.

Все было бы нормально, если бы день был солнечным. Но туман менял до неузнаваемости даже знакомые места, превращая их в нечто чуждое и зловещее, а поскольку весь город был для меня чужим, то акцент все больше смещался в сторону «зловещего».

Некоторое время я считала, что иду прямо к «Кларин-хаус». Я оставляла за спиной квартал за кварталом, не особо обращая внимание на то, куда иду, и внезапно очутилась на безлюдной улице, которой никогда раньше не видела. Я оказалась одним из трех прохожих, потерянных на мрачной, залитой туманом улице. Я понятия не имела, куда меня занесло. Я была слишком занята мыслями и вполне могла пройти несколько миль.

Тут мне в голову пришло то, что я почему-то посчитала хорошей идеей: я пойду следом за одним из прохожих, и он точно выведет меня к центру города.

Застегивая жакет, чтобы хоть как-то спрятаться от дождя, я направилась к женщине в кремовом плаще и синем шарфе, явно разменявшей шестой десяток лет. Мне пришлось сильно сократить расстояние между нами, чтобы не потерять ее в пелене густого тумана.

Через два квартала женщина начала судорожно прижи-

мать к себе сумку и нервно оглядываться через плечо. Прошло несколько минут, и до меня наконец-то дошло, что ее напугало – я. Я слишком поздно вспомнила о том, что писали путеводители о разгуле преступности в старой части города. В большинстве случаев преступники оказывались невинного вида молодыми людьми обоих полов.

Я попыталась разубедить женщину.

– Я заблудилась! – крикнула я. – Я просто пытаюсь вернуться в мотель. Не могли бы вы помочь мне?

– Прекратите меня преследовать! Оставьте меня в покое! – закричала она в ответ, ускоряя шаг настолько, что полы плаща захлопали за ее спиной.

– Ладно, оставляю. – Я остановилась. Меньше всего на свете мне хотелось преследовать ее, но других прохожих поблизости не наблюдалось, и я нуждалась в своей проводнице. Туман продолжал сгущаться с каждой минутой, а я все еще не знала, где нахожусь.

– Послушайте, мне жаль, что я напугала вас. Вы не могли бы показать мне, где находится Темпл Бар Дистрикт? *Пожалуйста!* Я американская туристка, и я заблудилась.

Не оборачиваясь и не замедляя шага, женщина неопределенно махнула рукой влево, после чего исчезла за углом, оставив меня в туманном одиночестве.

Я вздохнула. Ну, значит, влево.

Я дошла до угла, повернулась и побрела в указанном направлении. Разглядывая по пути то, что меня окружало, я

постепенно ускоряла шаг. Похоже, я забрела в ветхую промышленную зону города. Фасады магазинов и располагавшиеся над ними квартиры выглядели как старые склады, а здания, которые тоже не могли быть ничем иным, как складами, тянулись по обе стороны улицы, их окна были заколочены, а двери провисли в петлях. Тротуар с каждым шагом становился уже, а мусора на нем прибывало и прибывало. Меня начало подташнивать от вони, поднимающейся из канализации. Где-то поблизости наверняка находилась бумажная фабрика, поскольку улица была усыпана рваными листами пористой желтоватой пергаментной бумаги самых разных форматов. Узкие, мрачные переулки были разрисованы указателями в виде стрелок, направленных на доки, в которые если что и привозили, то никак не меньше двадцати лет тому назад.

С одной стороны полуразрушенные трубы тонули в тумане, с другой застыл пустой автомобиль с приоткрытой водительской дверцей, а возле него лежала стопка одежды и брошенная обувь. Выглядело это так, словно водитель вышел, разделся и решил навсегда оставить здесь надоевшие вещи. Мне стало не по себе от мертвой тишины. Здесь раздавались лишь приглушенные звуки моих шагов и журчание воды, стекающей в канализацию по водостокам. Чем дальше я шла, тем сильнее было желание побежать сломя голову или хотя бы перейти на спортивную ходьбу, но я опасалась, что где-то поблизости обитают недружелюбные абори-

гены и быстрый перестук каблуков по тротуару может привлечь их внимание. К тому же меня не оставляла мысль, что эта часть города была заброшенной потому, что промышленники удрали отсюда, когда на нее заявили права банды преступников. И кто знает, что может скрываться за этими разбитыми окнами? Кто знает, что может поджидать за приоткрытой дверью?

Следующие десять минут были одними из самых страшных в моей жизни. Я была одна в жуткой части незнакомого города, я понятия не имела, шагаю ли я в правильном направлении, или иду напрямик к какой-то неприятности. Дважды я слышала непонятные шорохи в переулках, мимо которых проходила. Дважды я подавляла панику и отказывалась перейти на бег. Было просто невозможно не думать об Алине, о том, что в похожем на это месте обнаружили ее тело. Я не могла понять, что такого неправильного в этом месте, но была твердо уверена, что эта неправильность заключается не только в запустении и разрушении. Эта часть города была не просто пустой. Она казалась какой-то... покинутой... словно я не заметила знака, висящего в десяти кварталах позади: *«оставь надежду, всяк сюда входящий»*.

Тошнота подкатила к горлу, по коже поползли мурашки. Я торопливо проходила квартал за кварталом, стараясь держаться левой стороны, насколько это позволяли улицы. Время было всего лишь обеденное, но дождь и туман превратили день в сумерки, а те немногие фонари, которые не были

разбиты много лет назад, светили неуверенно и мигали. С наступлением ночи здесь будет темно, как в бочке со смолой, а от фонаря до фонаря, с их неверными светлыми пятнами, довольно далеко...

Я еще больше ускорила шаг. Меня почти накрыла истерика при одной мысли о том, что я проблуждаю в этой отвратительной части города до самой ночи, поэтому я всхлипнула от облегчения, когда увидела впереди жилое здание, казавшееся оазисом света.

Я наконец-то побежала.

Когда я поравнялась со зданием, то заметила, что все стекла в окнах целы, а высокие кирпичные стены безукоризненно отреставрированы, и на один только фасад первого этажа, декорированный снаружи латунью и вишневым деревом, ушло немало денег. Огромные колонны обрамляли крытый вход, дверь была сделана из вишневого дерева, со вставкой из цветного стекла, дверная фрамуга идеально подходила к ней по цвету. Высокие окна с железными решетками были обрамлены небольшими колоннами. У входа был припаркован седан новейшей модели, рядом с ним стоял дорогой мотоцикл.

Кроме этого я увидела витрины магазинов и светящиеся над ними окна жилых квартир. И людей, я увидела на улицах людей; абсолютно нормальных завсегдатаев магазинов, ресторанов и пабов.

Я снова почувствовала себя частью большого города! *Сла-*

ва Богу, подумала я. Позже я не была уверена в том, кто в тот день спас меня от опасности, и вообще спасал ли меня кто-то. Есть расхожая фраза для таких случаев: из огня да в полымя. Подошвам моих туфель давно полагалось дымиться.

«Книги и сувениры Бэрронса», – сообщала ярко раскрашенная вывеска, свисавшая перпендикулярно зданию. Она была прикреплена к железному шесту, торчавшему из стены чуть выше входной двери. Неоновые буквы в одном из старомодных, выкрашенных зеленой краской окон, сообщали: «Открыто». Это место выглядело просто великолепно, не хватало только специально для меня вывешенной таблички: «Добро пожаловать, заблудившиеся туристы! У нас вы можете вызвать такси».

С меня на сегодня было достаточно. Никаких больше уточнений куда идти, никаких больше прогулок. Я промокла и замерзла. Я хотела горячего супа и еще более горячего душа. И я хотела этого куда сильнее, чем сэкономить свои ненаглядные пенни.

Когда я толкнула дверь, зазвенел колокольчик. Я зашла и остановилась, моргая от изумления. Я судила по внешнему виду и ожидала увидеть здесь маленький уютный магазинчик с книгами в мягкой обложке и безделушками, размером с университетский «Старбакс»⁴.

---

⁴ Starbucks – американская сеть кофеен, крупнейшая в мире, основана в 1971 году. Название – в честь персонажа романа Германа Мелвилла «Моби Дик»; на логотипе сети – стилизованное изображение сирены.

Но то, на что я смотрела, оказалось огромным пространством, заполненным книжными полками, и по сравнению с ним библиотека, которую Чудовище подарило Красавице в день свадьбы, казалась просто крошечной.

Кстати говоря, я люблю книги, и люблю их гораздо больше, чем фильмы. Хорошая книга всегда дает простор для фантазии. Фильм просто показывает тебе розовый домик. А хорошая книга говорит тебе о том, что был такой розовый домик, и предоставляет возможность самому внести завершающие штрихи в картинку: придумать, какой формы была крыша, мысленно припарковать свою собственную машину у крыльца. Мое воображение всегда справлялось с этой задачей куда лучше, чем это делали создатели фильмов. Стоит вспомнить хотя бы эти паршивые экранизации Гарри Поттера. И то, во *что* они превратили красавицу Флёр Делакур⁵.

И все-таки я ни разу не представляла себе *такого* книжного магазина. Помещение было как минимум тридцать метров в длину и двенадцать в ширину. В первой части магазина перекрытия между четырьмя (или больше) этажами были снесены, и помещение тянулось под самую крышу. На потолке была фреска, детали которой мне не удалось разобрать. Пространство от пола до самой фрески занимали книжные полки, вдоль всех стен, на протяжении всех этажей. Узкие по-

---

⁵ Флёр Делакур (фр. Fleur Delacour) – литературный персонаж из серии романов о Гарри Поттере английской писательницы Дж. К. Роулинг. Училась во французской школе чародейства и волшебства Шармбатон, где была одной из самых примерных учениц.

диумы, огороженные изящными перилами, тянулись вдоль полок на уровне второго, третьего и четвертого этажей. От одной секции к другой можно было добраться по передвижным лестницам, которые ездили вдоль секций по смазанным рейкам.

На первом этаже, слева от меня, находились открытые шкафы и полки, подвешенные в стенных нишах, а справа стояли два уютных диванчика и конторка кассира. Я не могла видеть, что находится во второй части здания, но догадывалась, что там тоже книги и, возможно, упомянутые на выставке сувениры.

И ни одной живой души в поле зрения.

– Эй! – позвала я, крутнувшись на месте, впитывая атмосферу этого здания. Такой книжный магазин был удивительной находкой, великолепным завершением ужасного во всех остальных отношениях дня. Пока я буду ждать такси, я пороюсь в поисках новых книг. – Эй, есть здесь кто-нибудь?

– Одну секундочку, дорогая, – долетел до меня женский голос из дальнего конца магазина. Я услышала тихое бормотание голосов, мужского и женского, затем по паркету застучали каблучки.

Полногрудая, невероятно элегантная женщина, которая вышла ко мне, наверняка имела бы умопомрачительный успех в качестве стареющей кинодивы. Ей было за сорок, к ее гладким темным волосам был приколот шиньон, открывавший бледное лицо с аристократически правильными чер-

тами. Время и земное притяжение поработали над эластичностью ее кожи, но благодаря высокому лбу эта женщина навсегда останется красавицей, до самого последнего дня. Она была одета в строгую серую юбку и тонкую полосатую блузу, которая ничуть не скрывала великолепную фигуру. Сквозь блузу был виден кружевной бюстгальтер. Блестящие жемчужины обвивали запястья и шею, в ушах покачивались жемчужные серьги.

– Я Фиона. Чем я могу помочь вам, милая?

– Я надеялась, что смогу воспользоваться вашим телефоном, чтобы вызвать такси. Ну и, конечно, я за это что-нибудь у вас куплю.

Она улыбнулась.

– Вы купите что-нибудь, только если оно вам понравится, милая. И конечно же, вы можете воспользоваться нашим телефоном.

Я долго листала телефонный справочник. Заказав такси, я не теряла даром двадцать минут ожидания и подобрала себе парочку триллеров и модный журнал. Пока Фиона пробивала в кассе мои покупки, я решила попытать счастья, поскольку человек, который работает с таким количеством книг, просто не может не знать понемногу обо всем на свете.

– Я пытаюсь найти значение одного слова. Но не уверена, на каком оно языке, я даже не уверена, что правильно его произношу, – сказала я ей.

Она провела сканером над последней книгой и назвала об-

щую сумму, а потом спросила:

– И что это за слово, милая?

Я опустила глаза, роясь в сумочке в поисках кредитной карты. Мой наличный бюджет не был рассчитан на покупку книг, придется экономить до возвращения домой.

– Ши-саду. По крайней мере, я думаю, что оно так звучит. – Я нашла бумажник, достала карточку «Виза» и только после этого снова взглянула на Фиону. Она застыла и побледнела как привидение.

– Я никогда раньше не слышала этого слова. А почему вы это ищете? – глухо спросила она.

Я моргнула.

– А кто сказал, что я это ищу? Я не говорила, что ищу это. Я просто спросила, что означает это слово.

– А зачем же еще вам об этом спрашивать?

– Я просто хочу знать, что это значит, – ответила я.

– Где вы его слышали?

– Да какая вам разница? – Я понимала, что это прозвучало не очень вежливо, но ведь и правда – какое ей дело? Это слово определенно что-то значило для нее. Но почему она не говорит мне этого?

– Послушайте, это действительно важно.

– Насколько важно? – спросила Фиона.

Ну чего она добивается? Денег? Это может стать проблемой.

– Очень.

Фиона посмотрела куда-то мне за спину, через мое плечо, и выдохнула одно только слово, словно церковное благословение:

– Иерихон.

– Иерихон? – повторила я, не понимая. – Вы имеете в виду древний город?

– Иерихон Бэрронс, – раздался из-за моей спины густой, вежливый мужской голос. – А вы?

Никакого ирландского акцента. А какой стране принадлежит его акцент, я не имела понятия.

Я обернулась, готовая представиться, но не смогла произнести ни звука. Неудивительно, что Фиона произнесла его имя с таким выражением. Я мысленно отвесила себе пинка и протянула мужчине руку:

– МакКайла, но все называют меня просто Мак.

– У вас есть фамилия, МакКайла? – Он нежно сжал мои малыцы, прикоснулся к ним губами и выпустил мою руку. Кожа покалывала в том месте, к которому прикоснулись его губы.

То ли мое воображение чересчур разыгралось, то ли у этого человека действительно взгляд крупного хищника? Я испугалась, что у меня развивается паранойя. У меня был длинный тяжелый день после тяжелой ночи. Мое воображение сформировало заголовок «Ашфорд джорнел»: «Вторая из сестер Лейн убита в книжном магазине Дублина».

– Просто Мак, – уклончиво ответила я.

– И что вы знаете о ши-саду, просто Мак?

– Ничего. Именно поэтому я и спросила. Что это такое?

– Понятия не имею, – сказал он. – Где вы об этом слышали?

– Не помню. Какое вам дело до этого?

Он скрестил руки на груди.

Я повторила его жест. Почему эти двое врут мне? И что, черт побери, это за штука, та, о которой я спрашиваю?

Иерихон изучал меня взглядом спокойного хищника, оглядывал с ног до головы. Я отвечала ему тем же. Он не просто заполнял собой пространство, казалось, что вся комната буквально пропитана им. Если раньше здесь царили книги, то теперь безраздельно властвовал он. Около тридцати лет, около двух метров роста, темные волосы, золотистая кожа, черные глаза. Черты лица резкие, выразительные. Я не могла точно определить его национальность, точно так же, как и его акцент. Кровь европейцев явно была с примесью древних средиземноморских кровей, или, быть может, в его роду были цыгане. Бэрронс носил элегантный темно-серый итальянский костюм, накрахмаленную белую рубашку и темный галстук. Этот мужчина был не просто привлекателен. Это слишком слабое слово. Он был необыкновенно мужествен. Сексуален. Он притягивал. Было что-то необычайно притягательное в нем, в его темных глазах, чувственных губах, в манере держаться. В общем, он принадлежал к тому типу мужчин, с которыми я еще миллион лет не решусь флиртовать.

Иерихон искривил губы в улыбке. Эта улыбка не прибавила ему привлекательности и ни на миг меня не обманула.

– Вы знаете, что это значит, – сказала я ему. – Почему бы вам просто не ответить мне?

– Вы тоже кое-что об этом знаете, – произнес он. – Почему бы вам не сказать мне?

– Я первая спросила. – Может, это и прозвучало чересчур по-детски, но ничего лучше я не придумала. Такой ответ его не устроил.

– Я ведь все равно узнаю, что это означает, так или иначе, – сказала я.

Если этим людям известно, о чем идет речь, то наверняка кто-то еще в Дублине знает об этом.

– Так же, как и я. Не сомневайтесь, *просто* Мак.

Я бросила на него один из своих ледяных взглядов, опробованных на пьяных, буйных посетителях «Кирпичного».

– Это угроза?

Иерихон Бэрронс шагнул ко мне, и я напряглась, но он просто прошел мимо, чуть не задев меня плечом. Когда он обернулся, в его руке была зажата моя кредитная карточка.

– Конечно, нет, – Иерихон опустил глаза и прочитал мое имя, – мисс Лейн. Вижу, ваша кредитка выдана «СанТраст». Это банк, работающий в южных штатах США, не так ли?

– Может быть. – Я выхватила карточку из его руки.

– Из какого южного штата вы приехали?

– Техас, – соврала я.

– Несомненно. И что привело вас в Дублин?

– Не ваше дело.

– Это стало моим делом, когда вы явились в мой магазин и начали расспрашивать о *ши-саду*.

– Так вы *знаете*, что это такое! Вы только что признались.

– Я ни в чем не признавался. Что ж, скажу вам следующее: вы, мисс Лейн, направитесь на второй этаж. Примите мое приглашение, и вы узнаете все, что хотели. Не упускайте такую возможность.

– Слишком поздно. Я не могу. – Его снисходительный деспотизм разозлил меня. А когда я злюсь, я закусываю удила, и никому меня не переубедить.

– Жаль. Вы ходите по тонкому льду, а из-за своего легкомыслия вы навлекаете на себя дополнительную опасность. Если вы изволите поделиться со мной информацией, я могу увеличить ваши шансы на выживание.

– Ни за что. По крайней мере, пока вы не расскажете мне о том, что знаете.

Он нахмурился и нетерпеливо хмыкнул.

– Дурочка несчастная, вы и понятия не имеете, во что вы...

– Кто заказывал такси? – раздалось одновременно со звоном дверного колокольчика.

– Я заказывала, – не оборачиваясь, откликнулась я.

Иерихон Бэрронс слегка качнулся в мою сторону, словно собирался удержать меня силой. До этого момента агрессия и неопределенная угроза витали в воздухе, а теперь они

вдруг стали явными. Если раньше я просто злилась, то теперь немного испугалась.

Наши взгляды встретились, и на секунду для меня все застыло, словно в живой картине. Я почти видела, как Бэрронс взвешивает: так ли уж ему помешает, – если вообще помешает, – наш неожиданный зритель.

Затем он одарил меня сардонической усмешкой и слегка наклонил голову, словно говоря: «На этот раз вы выиграли, мисс Лейн».

– Не рассчитывайте на повторную удачу, – пробормотал он.

Меня спас колокольчик на двери. Я подхватила сумку с книгами и попятилась. Я не сводила глаз с Иерихона Бэрронса, пока не оказалась на улице.

Общие ваннные – это просто кошмар. Желанный горячий суп я получила, но душ оказался просто ледяным. Вернувшись в «Кларин-хаус», я с грустью обнаружила, что все в этом мотеле ждут раннего вечера, чтобы принять душ перед тем, как отправиться в город на поиски ужина и последующих ночных увеселений. Эгоистичные туристы. Вода была слишком холодной, чтобы решиться вымыть волосы, так что я позвонила портье и попросила разбудить меня в шесть часов утра для следующей попытки. Я подозревала, что постояльцы в это время только начнут возвращаться домой.

Я сменила уличную одежду на прозрачную пижамную ру-

башку персикового цвета и такие же штаны. Вот еще один недостаток общих ванных – либо полностью одевайся после того, как примешь душ, либо полуголым мчись в свой номер мимо дюжин дверей, каждая из которых может распахнуться в любой момент. Я предпочла полностью одеться.

Я закончила распаковывать последнюю сумку с багажом. Я захватила из дома несколько успокаивающих вещичек. Это была одна из свечей Алины с ароматом сливок и персика, два шоколадных батончика «Херши», мои любимые линялые шорты из обрезанных джинсов, которые мама не раз порывалась выбросить, и маленькая фотография моих друзей. Ее я поставила на комод возле лампы.

Затем я порылась в рюкзаке, достала блокнот, который купила несколько недель назад, и села по-турецки на кровати. Алина всегда вела дневник, с тех пор как мы были детьми. Как вредная маленькая сестричка, я всегда удивлялась количеству тайничков, в которые Алина его прятала, – с годами она становилась все изобретательнее, последний тайник я нашла за расшатанным плинтусом под ее шкафом, – а потом безжалостно дразнила сестру по поводу парней, с которыми она когда-либо встречалась, добавляя к дразнилкам чмокающие звуки поцелуев.

Но сама я до недавних пор никогда не вела записей. После похорон я так отчаянно нуждалась хоть в какой-то отдушине, что начала изливать свое горе на бумагу. В основном я составляла списки: что упаковать, что купить, что выучить и

куда прежде всего сходить. Эти пункты держали меня, словно якоря. Они помогали мне прожить день. Ночью было легче, ночью приходил сон. И до тех пор, пока я с точностью могла сказать, куда я отправлюсь и что сделаю завтра, я чувствовала, что не пойду ко дну.

Я гордилась собой: второй день в Дублине прошел в бешеном темпе. Но кроме этой стремительности мне похвастаться было нечем, а сквозь напускную задиристость прекрасно видно мое настоящее лицо. Я не заблуждалась на свой счет: я всего лишь привлекательная девушка, достигшая того возраста, когда позволяется стоять за стойкой бара, никогда не забиравшаяся дальше нескольких штатов от родной Джорджии и недавно потерявшая сестру, и, – если верить словам Иерихона Бэрронса, – я хожу по тонкому льду.

«Пойти в Тринити-колледж, поговорить с ее преподавателями, попытаться выяснить имена ее друзей», – гласил первый пункт моего плана на завтра. У меня была распечатка сообщения со списком дисциплин, фамилий преподавателей и временем начала занятий. Сестра прислала мне его сразу после своего отъезда, для того чтобы я знала, когда она дома и когда ей можно позвонить. Я понимала, что мне повезет, если кто-то из тех, с кем я буду завтра разговаривать, знает, с кем встречалась Алина, и назовет мне имя этого таинственного незнакомца. «Пойти в местную библиотеку, попытаться найти значение слова "ши-саду"», – значилось следующим пунктом. Я твердо решила не возвращаться в книжный ма-

газин, и меня это невероятно злило, поскольку сам магазин был великолепен. Но меня не покидало чувство, что сегодня я чудом уцелела. И что, если бы вовремя не появился таксист, Иерихон Бэрронс привязал бы меня к стулу и пытал до тех пор, пока я не выложила бы ему все, что он хочет знать. «Купить коробки, пакеты и половую щетку, чтобы привести в порядок квартиру Алины», – шло дальше. Этот пункт был под вопросом. Я не была уверена, что готова туда вернуться. Я задумчиво грызла колпачок ручки, размышляя о том, как здорово было бы поговорить с инспектором О'Даффи. Я надеялась прочитывать его рапорты и понять, на какой стадии находится расследование и в каких направлениях его вели. К сожалению, такая возможность появится у меня лишь через два дня.

Я написала коротенький список того, что нужно купить в местном магазинчике: зарядное устройство для плеера, сок, несколько дешевых закусок, которые можно хранить в комнате, потом выключила свет и почти моментально погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Разбудил меня чей-то стук в дверь.

Я села, потерла усталые, словно песком засыпанные глаза, и поняла, что ни капли не отдохнула. Несколько секунд ушло на то, чтобы вспомнить, где я нахожусь, – на раскладной кровати в дешевой комнате в Дублине. В окно легонько стучался дождь.

Мне снился удивительный сон. Мы с Алиной играли в волейбол на берегу одного из искусственных озер, которые на деньги правительства вырыли по всему штату. Возле Ашфорда располагалось три таких озера, и мы ездили то к одному, то к другому каждый летний уик-энд, развлекались, загорали, строили глазки парням. Сон был таким правдоподобным, что я ощущала вкус напитка с лаймом, запах кокосового масла для загара, а под ногами – шелковистый просеянный песок. Я взглянула на часы. Два часа ночи. Я была сонной и мрачной и не собиралась этого скрывать.

– Кто там?

– Иерихон Бэрронс.

Разбудить меня быстрее, чем этот голос, не смогла бы и мамина любимая сковородка, внезапно рухнувшая мне на голову. Что он здесь делает? Как он меня нашел? Я спрыгнула с кровати, рука потянулась к телефону – я была готова в любой момент связаться с портье и вызвать полицию.

– Что вам нужно?

– Обмен информацией. Вы хотите знать, что это такое. Я хочу знать, откуда вы об этом узнали.

Я не собиралась показывать ему, насколько меня выбило из колеи то, что он меня нашел.

– Умник, да? Я еще в магазине это заметила. Что же тебя так задержало?

Последовала такая продолжительная пауза, что я начала гадать, не ушел ли он.

– Я не привык просить то, что мне нужно. Кроме того, не в моих привычках торговаться с женщинами, – наконец сказал Бэрронс.

– Ну вот и привыкай, парень, потому что я никому не позволяю собой командовать. Кроме того, я никому и ничего не собираюсь отдавать даром.

Зазнайка, зазнайка, зазнайка Мак. Но он этого не знает.

– Вы намерены открыть дверь, мисс Лейн, или мы будем вести беседу таким образом, чтобы кто угодно мог нас подслушать?

– Вы действительно намерены обмениваться информацией? – поинтересовалась я.

– Да.

– И вы начнете первым?

– Начну.

Я ссутулилась. Убрала руку с телефонной трубки. И снова расправила плечи. Мне знаком этот метод – улыбайся, когда тебе грустно, и через некоторое время настроение улучшится. С храбростью то же самое. Я не доверяла Иерихону Бэрронсу, поскольку **АБСОЛЮТНО** не могла с ним справиться, но он знал, что такое ши-саду, а я хоть и надеялась найти информацию об этом где-то в другом месте, но не была уверена, что мне повезет. Что, если я несколько недель потрачу на безуспешный поиск? Время – деньги, а они у меня на исходе. Если он действительно хочет совершить обмен, мне придется открыть дверь. Хотя...

– Мы можем обменяться информацией через дверь, – сказала я.

– Нет.

– Почему нет?

– Я предпочитаю конфиденциальность, мисс Лейн. Иначе обмен не состоится.

– Но я...

– Нет.

Я раздраженно вздохнула. По тону его голоса было ясно, что спор с ним будет лишь бесполезной тратой времени. Я встала и потянулась за джинсами.

– Как вы нашли меня? – спросила я, застегивая ширинку и пытаюсь расчесать волосы пальцами. Они вечно спутываются во время сна. У меня очень капризные волосы.

– В моем заведении вы заказывали транспортное средство.

Господи, ну и зануда.

– Знаете, там, откуда я родом, такие заведения называют книжными магазинами. А транспортные средства – такси.

– А там, откуда родом я, имеют представление о хороших манерах, мисс Лейн. Вы знакомы с этим понятием?

– Знакома. И я не виновата. Когда мне угрожают, наружу вырывается моя худшая половина.

Я приоткрыла дверь и попыталась рассмотреть его через щель, предоставленную мне дверной цепочкой.

Я не могла представить Иерихона Бэрронса в детстве,

школьником с нежным пушком на лице, с аккуратно зачесанными волосами и коробкой для завтрака в руке. Нет, он наверняка появился на свет в результате природного катаклизма, а не обычных родов.

Бэрронс склонил голову, глядя на меня сквозь щель, его взгляд на несколько секунд останавливался на каждой детали: всклоченных волосах, припухших ото сна губах и глазах, прозрачной пижамной рубашке, джинсах, тапочках. К тому моменту, когда он закончил меня рассматривать, я чувствовала себя так, словно все мои особые приметы записали на CD.

– Могу я войти? – спросил Иерихон.

– Я не собираюсь пускать вас в свою комнату.

Я злилась на портье, который разрешил ему войти. А я-то думала, что в этом месте система безопасности работает куда лучше. Придется завтра серьезно поговорить с менеджером.

– Я назвался вашим братом. – Похоже, Бэрронс с легкостью читал мои мысли по выражению лица.

– Ну конечно. Мы ведь так похожи. – Если он был зимой, то я была летом. Я была солнечным светом, а он ночью. Темной грозовой ночью.

Ни малейшего смущения не промелькнуло в его черных глазах.

– Итак, мисс Лейн?

– Я думаю.

Теперь, когда Иерихон знает, где я остановилась, ему не

составит труда причинить мне вред, он в любой момент сможет это сделать. И вовсе не обязательно он приступит к делу этой ночью. Он вполне может подождать и наброситься на меня где-нибудь на улице. Так что мое будущее ничем не безопаснее настоящего, в котором Бэрронс стоит рядом со мной. Разве что я буду переезжать из мотеля в мотель, пытаясь сбить его со своего следа, а я не могу себе этого позволить. Мне нужно находиться именно в этой части города. К тому же Бэрронс не походил на типа, способного жестоко убить девушку в номере мотеля; он больше походил на типа, который тихо и спокойно избавится от девушки, наведя на нее прицел снайперской винтовки и не испытывая при этом никаких эмоций. Тогда я посчитала это достаточным аргументом, чтобы впустить его и воспользоваться его помощью. Позже я поняла, что на протяжении первых проведенных в Ирландии недель я все еще пыталась справиться с безразличием, которое завладело мной после смерти Алины, отчего стала куда более отчаянной и безрассудной. Я вздохнула.

– Входите.

Я закрыла дверь, сняла цепочку, снова открыла и жестом пригласила Иерихона войти. Дверь я открыла нараспашку, прислонив к стене, так что любой, проходящий мимо, мог нас увидеть и, если потребуется, услышать, поскольку я собиралась в случае чего громко звать на помощь. Адреналин словно пропитал мое тело, я вся дрожала.

Бэрронс по-прежнему был одет в свой безукоризненный

итальянский костюм, накрахмаленная рубашка сверкала белизной, как и несколько часов тому назад. Маленькая комната внезапно стала чересчур тесной, поскольку ее заполнил собой Иерихон Бэрронс. Если нормальные люди занимают сто процентов того пространства, в котором собираются расположить молекулы своего тела, то он каким-то образом умудрялся довести это значение до двухсот процентов.

Он перешагнул порог и окинул комнату быстрым внимательным взглядом. Я могла бы поклясться, что, если его впоследствии спросят об этом, Бэрронс спокойно перечислит мельчайшие детали, от пятен ржавого цвета на потолке до моего цветастого бюстгальтера, забытого на ковре. Я подцепила бюстгальтер носком тапочки и забросила его под кровать.

– Ну так что же это? – спросила я. – Нет, подождите, можете произнести это слово по буквам?

Иерихон начал медленно обходить меня. Я поворачивалась след за ним, не желая подставлять спину.

– С-и-н-с-а-р, – произнес он.

– Синсар? – повторила я.

Он покачал головой.

– Ши-са. Ши-са-да.

– Ага, от этого оно стало звучать понятнее. А что за «да»?

Он перестал кружить, я тоже остановилась; теперь он стоял спиной к стене, а я – к открытой двери. К тому времени, когда я начала искать закономерность в человеческих

поступках, я поняла, что Бэрронс никогда не занимал уязвимую позицию, не оставлял за спиной открытых дверей и окон. Дело не в страхе. Дело в постоянном контроле.

– Д-а-б-х.

– «Дабх» означает «да»? – скептически повторила я. Неудивительно, что мне не удавалось правильно напечатать это дурацкое слово в строке поиска. – А пабы следует писать как пубхы?

– Дабх – гаэльское слово, мисс Лейн. Паб – нет.

– Со смеху умереть можно. – Меня действительно забавляла ситуация. А он – зануда, как я и думала.

– В Ши-са-да нет ничего смешного.

– Хорошо, больше не буду. Так что же это за мрачнейшая вещь?

Иерихон смерил меня взглядом с головы до ног. Потом с ног до головы. Судя по всему, результат осмотра его не удовлетворил.

– Возвращайтесь домой, мисс Лейн. Оставайтесь молодой. Оставайтесь привлекательной. Выходите замуж. Рожайте детей. Старейте вместе с любимым мужем.

Этот его комментарий опалил мою кожу, словно кислота. Поскольку я блондинка, довольно симпатичная, и парни щелкали меня по спине бретелькой моего лифчика, начиная с седьмого класса школы, я долгие годы прожила, подражая имиджу Барби. Моим любимым цветом был розовый, а любовь к ярким украшениям и высоким каблукам не способ-

ствовала тому, чтобы казаться серьезнее. Но я никогда не собиралась превращаться в куколку для какого-нибудь Кена, – даже в те времена, когда я еще не стащила с игрушечного парня штаны и не увидела, чего в них не хватает. Меня ничуть не привлекали выкрашенные белой краской заборы и семейные автомобили во дворе, меня возмущал стиль жизни Барби – воспроизведи себя и умри, поскольку тебе подобные больше ни на что не способны. Пусть я не лучшая из лучших, но уж, во всяком случае, и не худшая.

– Черт бы вас побрал, Иерихон Бэрронс. Скажите мне, что это. Вы обещали рассказать.

– Только если вы будете настаивать. Не совершайте глупостей. Не настаивайте.

– Я определенно настаиваю. Что это?

– Последнее предупреждение.

– Не прокатит. Мне не нужно последнее предупреждение.

Говорите.

Взгляд его темных глаз стал скучающим. Затем он пожал плечами, и при этом движении его серый костюм зашевелился вместе с телом так естественно, как умеют лишь вещи, сшитые на заказ у хорошего портного.

– «Синсар Дабх» – это книга.

– Книга? Всего лишь? Просто книга? – разочарованно протянула я.

– О нет, мисс Лейн, не заблуждайтесь на этот счет. Не думайте об этом как о простой книге. Это чрезвычайно редкий

и невероятно древний манускрипт, и множество людей готовы на убийство, лишь бы заполучить его.

– Включая вас? Вы бы тоже пошли на убийство, чтобы заполучить его? – Мне важно было это узнать, прямо здесь и сейчас.

– Безусловно. – Иерихон внимательно следил за моим лицом, оценивая реакцию на свои слова. – Передумали остаться, мисс Лейн?

– Безусловно, нет.

– Тогда вы отправитесь домой в гробу.

– Это еще одна угроза с вашей стороны?

– В гроб вас уложу не я.

– А кто?

– Я ответил на ваш вопрос, теперь ваша очередь отвечать на мой. Как вы узнали о «Синсар Дабх», мисс Лейн?

Интересная перемена темы. Во что же впуталась моя сестричка? В некую темную часть Дублина, наполненную украденными артефактами, населенную убийцами и бессовестными ворами?

– Отвечайте, – настаивал он. – И не лгите мне. Я сразу почувствую ложь.

Я внимательно на него посмотрела и убедилась, что он не врет. Нет, это не было шестым чувством, – я в такую ерунду не верю, – просто Бэрронс производил впечатление человека, который изучает окружающих по мельчайшим жестам и смене выражения лица и вполне способен благодаря этому

отличать правду от лжи.

– Моя сестра здесь училась. – Он выдал мне минимум информации. Я собиралась последовать его примеру. – Месяц назад ее убили. Перед смертью она отправила мне сообщение по голосовой почте, сказала, что я должна найти «Синсар Дабх».

– Почему?

– Она не сказала. Она только сказала, что от этого зависит все.

Бэрронс издал нетерпеливый вздох.

– Где это сообщение? Я должен его прослушать.

– Я случайно удалила его, – солгала я.

Иерихон скрестил руки на груди и прислонился спиной к стене.

– Лжете. Вы не совершили бы такой ошибки с сообщением вашей сестры, ради которой готовы рисковать жизнью. Где оно? – Когда я промолчала, он мягко добавил: – Если вы не со мной, мисс Лейн, то вы против меня. А я не питаю ни малейшей жалости к своим врагам.

Я пожала плечами. Он хотел того же, что и я, и готов был убить за это. Это делало нас врагами, как ни посмотри. Я обернулась через плечо, взглянула на отрезок коридора за открытой дверью и обдумала свой следующий шаг. Мне хотелось посмотреть на выражение его лица, когда он будет прослушивать это сообщение. Если Иерихон Бэрронс имеет какое-то отношение к смерти моей сестры, то, как я надея-

лась, это отобразится на его лице, когда он услышит ее голос и то, что она произнесла. Кроме того, я хотела, чтобы он узнал, что мне известно не больше, чем я сказала, и убедился в том, что обо всем уже известно полиции.

– Я передала копию этой записи дублинской «Гарде», – сказала я Бэрронсу, выуживая из сумочки мобильный телефон и выбирая в нем директорию с сохраненными сообщениями. – Они сейчас ищут того человека, с которым встречалась моя сестра.

Вот так блефует Мак. Звучит лучше, чем «вот так убегает Мак». И куда лучше, чем «вот так глупая Мак дает себя убить». Он не отреагировал на мои слова, – хоть и хвастался, что различает ложь. Я нажала кнопку громкой связи, потом кнопку проигрывания, и голос Алины наполнил мою маленькую комнату.

Я застыла. Неважно, сколько раз я прослушивала запись, она все равно заставляла меня непроизвольно сжиматься, – настолько испуганно звучал голос сестры за несколько часов до ее смерти. Даже спустя пятьдесят лет я все равно буду слышать ее сообщение в сердце, слово за словом.

«Все пошло так неправильно... я думала, что влюблена... он один из них... нам нужно найти «Синсар Дабх»... от этого зависит все... нельзя позволить им завладеть ею... он все время лгал мне».

Я внимательно наблюдала за тем, как Иерихон слушал. Он был сосредоточенным и равнодушным, вот и все, что я смог-

ла прочесть по его лицу.

– Вы знали мою сестру?

Он покачал головой.

– Вы оба охотились за этой «чрезвычайно редкой книгой» и ни разу не пересеклись? – обвиняющим тоном спросила я.

– Дублин – это город с многомиллионным населением, к которому ежедневно добавляется бесчисленное количество приезжих из пригорода и нескончаемый поток туристов, мисс Лейн. Странно было бы, если бы мы пересеклись. Что она имела в виду, говоря «ты даже не знаешь, кто ты такая»? – Его темные очи изучали мое лицо, словно он собирался убедиться в искренности ответа по выражению моих глаз.

– Я сама удивилась. Не имею понятия.

– Ни малейшего?

– Ни малейшего.

– Хмм. Это все, что она оставила вам? Сообщение?

Я кивнула.

– Больше ничего? Ни записки, ни посылки, ни чего-то подобного?

Я покачала головой.

– И вы не знали, что она имеет в виду, произнося «Синсар Дабх»? Ваша сестра не была с вами откровенна?

– Я думала, что была. Но я ошибалась. – Мне не удалось сдержать раздражение, и в моем голосе послышалась нотка недовольства.

– Кого она имела в виду, говоря о «них»?

– Я думала, что вы сможете мне это объяснить, – выразительно сказала я.

– Я не один из «них», если вы на это намекаете, – ответил Бэрронс. – Многие ищут «Синсар Дабх», как в одиночку, так и группами. Мне нужна книга, но я занимаюсь поиском один.

– Зачем она вам?

Он пожал плечами.

– Она бесценна. А я коллекционирую книги.

– И только поэтому вы согласны ради нее убивать? И что вы собираетесь с ней потом делать? Продать за баснословную цену на торгах?

– Если вам не нравятся мои методы, держитесь от меня подальше.

– Хорошо.

– Хорошо. Что еще вы можете сообщить мне, мисс Лейн?

– Ничего. – Я забрала у него мобильный, повторно сохранила сообщение и ледяным взглядом указала Бэрронсу на дверь, намекая, что ему пора покинуть помещение.

Он рассмеялся, и это был глубокий, недобрый звук.

– Ну что ж, я отступаю от этого дела. Не могу припомнить, когда в последний раз мне приходилось отступать.

Я не заметила, как это произошло. Он почти прошел мимо меня, почти дошел до двери, но внезапно схватил меня и притянул спиной к себе. Я словно ударилась о каменную стену. Затылком я стукнулась о его грудь, и мои зубы клац-

нули от сотрясения.

Я открыла рот, чтобы закричать, но Иерихон закрыл его своей ладонью. И при этом так стиснул рукой мою грудную клетку, что я не могла вдохнуть. Под этим элегантным костюмом оказалось куда более сильное тело, чем я могла предположить, словно Бэрронс был отлит из цельной стали. Почувствовав это, я поняла, что открытая дверь в коридор была ничем другим, как насмешливой уступкой, плацебо⁶, которое он мне преподнес, и я с готовностью проглотила обманку. Бэрронс мог свернуть мне шею в любой выбранный им момент, и я не успела бы даже вскрикнуть. Или же он мог просто придушить меня, чем сейчас и занимался. Его сила была потрясающей, невероятной. А ведь он наверняка не применил ко мне и малой доли своих возможностей. Я чувствовала, как он сдерживает себя; он был очень, очень осторожен со мной.

Иерихон прикоснулся губами к моему уху:

– Отправляйтесь домой, мисс Лейн. Вам нечего здесь делать. Оставьте дело «Гарде». Прекратите задавать вопросы. Не ищите «Синсар Дабх», иначе Дублин станет вашей могилой.

Я попыталась глотнуть хоть немного воздуха.

– Вы снова мне угрожаете, – просипела я. Лучше умереть

---

⁶ Плацебо (от лат. placebo – понравлюсь) – препарат, которой не имеет физического действия, но по внешнему виду (запаху, вкусу) имитирует лекарство. Применяется для контроля при клиническом исследовании действия новых препаратов, когда одной группе больных дают плацебо, а другой истинное лекарство.

с рычанием, чем со всхлипом.

Бэрронс снова стиснул меня, лишая возможности дышать.

— Я не угрожаю, а предупреждаю. Я слишком долго охотился и слишком близко подобрался к цели, чтобы позволить кому-нибудь все испортить. В этом мире есть лишь два вида людей, мисс Лейн: те, кто выживает любой ценой, и те, кто является ходячей жертвой. — Он прижался губами к моему плечу, и я почувствовала, как его язык скользнул по пульсирующей артерии. — Вы, мисс Лейн, жертва. Вы ягненок в городе волков. Я даю вам время до девяти вечера завтрашнего дня, чтобы убраться к дьяволу из этой страны и с моего пути.

Иерихон отпустил меня, и я рухнула на пол, отчаянно глотая воздух.

К тому времени как мне удалось встать, его уже не было.

– Я надеялась, что вы сможете рассказать мне о моей сестре, – обратилась я к предпоследнему в моем списке преподавателю, профессору С. С. Ахерну. – Вы знаете, с кем она дружила, где проводила время?

На подобные расспросы у меня ушел почти весь день. С расписанием Алины в одной руке и планом общежития в другой я ходила из аудитории в аудиторию, ждала снаружи окончания занятий, а потом приставала к ее преподавателям с расспросами. Завтра мне придется заниматься тем же, вот только опрашивать я буду студентов. Надеюсь, у студентов я смогу разузнать больше. Пока же информации, которую я собрала, хватило бы разве что на наперсток. Да и та была не особо полезной.

– Я уже рассказал полицейским все, что знал, – высокий и узкий, как железнодорожный рельс, профессор деловито и быстро собрал свои записи. – И считал, что инспектор О'Даффи проводит это расследование. Вы говорили с ним?

– На этой неделе у меня назначена встреча с ним, но я надеялась, что вы сможете уделить мне несколько минут.

Профессор спрятал записи в свой портфель и со щелчком захлопнул его.

– Простите, мисс Лейн, но я действительно очень мало знаю о вашей сестре. В те редкие дни, когда она устаивала

вниманием мои занятия, мы с ней практически не общались.

– В те редкие дни, когда она достаивала вниманием ваши занятия? – повторила я. Алина любила колледж, она любила занятия и любила учиться. Она никогда не прогуливала лекций.

– Да. Как я уже сообщил «Гарде», вначале Алина появлялась регулярно, но затем ее посещения стали невероятно редкими. Она начала пропускать по три-четыре занятия кряду. – Должно быть, у меня был очень недоверчивый вид, даже изумленный, поскольку он поспешил добавить: – Это не так уж необычно для студентов, учащихся по программе обмена, мисс Лейн. Молодые люди впервые оказываются вдали от дома... ни родителей, ни правил... и энергетика города, заполненного пабами. Алина же была прелестной юной девушкой... Я уверен, что она нашла гораздо более интересные занятия, нежели сидение в душной аудитории.

– Но Алина не могла так поступить, – запротестовала я. – Моя сестра любила душевные аудитории. Больше всего на свете она любила учебу. И шанс учиться в Тринити-колледже очень много для нее значил.

– Мне жаль. Но я лишь делюсь собственными наблюдениями.

– Вы не знаете, с кем она здесь дружила?

– Боюсь, что нет.

– А парень у нее был? – настаивала я.

– Насколько я знаю, нет. Но поскольку я видел ее лишь

в компании остальных, я мог и не заметить. Простите, мисс Лейн, но ваша сестра, когда вообще посещала занятия, была лишь одной из множества студентов, заполнявших коридоры, и я чаще замечал ее отсутствие, нежели присутствие.

Я подавленно поблагодарила его и ушла. Профессор Ахерн был пятым из преподавателей Алины, с которыми мне удалось поговорить, и портрет девушки, которую они описывали, был мне совершенно не знаком. Она не посещала занятий, не интересовалась учебой, и, похоже, у нее вовсе не было друзей.

Я взглянула на свой список. Остался еще один профессор, с которым нужно было поговорить, но он преподавал только по четвергам и пятницам. Я решила отправиться в библиотеку. Проходя по зеленым лужайкам, заполненным студентами, которые общались, бродили и загорали под послеобеденным солнышком, я думала о том, какие именно причины могли так повлиять на отношение Алины к учебе. Предметы, которые предлагала программа обмена, были направлены на изучение культуры, и моя сестра – получив степень бакалавра, она собиралась стать доктором философии и литературы, – выбрала такие курсы, как «Цезарь в кельтской Галлии» и «Развитие индустрии в Ирландии XII века». Может, лекции ей просто не понравились?

Я не могла в это поверить. Алина всегда интересовалась всем на свете.

Я вздохнула и тут же пожалела о том, что это сделала. Реб-

ра болели. Сегодня утром я проснулась и обнаружила широченную ленту кровоподтеков, опоясывающую тело прямо под грудью. Я не смогла надеть бюстгальтер, поскольку он давил бы на и без того ноющий синяк, поэтому ограничилась кружевной кофточкой, украшенной изящными розочками, поверх нее надела розовый свитер, который сочетался с очень-даже-живенько-розовым маникюром и педикюром. Черные капри, широкий серебряный пояс, серебристые сандалии и чудесная сумочка «от кутюр», на которую ушли сбережения всего лета, заканчивали ансамбль. Волосы я собрала в высокий хвост, заколов их милой заколкой, украшенной эмалью. Пусть я была вне себя, да еще и в синяках, но, честное слово, выглядела я великолепно. Подобно улыбке, которая завершала общее впечатление, хотя мне вовсе не было весело, этот наряд помогал мне почувствовать себя более уверенно, а сегодня мне как никогда была нужна поддержка и уверенность в себе.

«Я даю вам время до девяти вечера завтрашнего дня, чтобы убраться к дьяволу из этой страны и с моего пути». Ну не нахал? Мне пришлось прикусить язык, чтобы подавить ребяческое желание ляпнуть: «Иначе что? Ты мне не начальник», а секундой после я едва удержалась, чтобы не позвать мамочку и не зануть: «Меня здесь никто не любит, а я не понимаю почему!»

А его классификация людей! Ну и циник. «Ходячая жертва, вот петунья», – пробормотала я. А услышав себя, за-

стонала. Мы родились и выросли в библейском поясе, и насчет ругательств мама была непоколебима, воспитывая нас пословицей: «У прелестной девушки не может быть грязного языка». Так что нам с Алиной пришлось придумать свои собственные глупые словечки взамен ругательств. Срань стала чушью свинячьей. Жопа стала петунией. Дерьмо стало маргаритками, а слово из трех букв, которое я уже и не припомню, когда говорила в последний раз, стало жабой. В общем, вы поняли.

К сожалению, мы так часто произносили эти слова, когда были детьми, что это вошло в привычку, от которой избавиться не легче, чем, собственно, от привычки ругаться. С бесконечным стыдом признаю, что чем сильнее я расстраиваюсь, тем чаще прибегаю к детскому словарному запасу. И довольно сложно призвать к порядку отбившихся от рук самцов в баре, сложно заставить их принимать тебя всерьез, когда твои угрозы сводятся вот к такому: «Отвалите от бармена, иначе он выбьет из вас чушь свинячью и вышвырнет ваши петунии за дверь». В наши дни и в нашем безбашенном возрасте чистая речь чаще всего приводит к тому, что над тобой смеются.

Я прочистила горло.

– Ходячая жертва, вот жопа.

Ладно, стоит признать, что с тех пор как я познакомилась с Иерихоном Бэрронсом, мой особый словарь начал забываться. Но я справлюсь с Бэрронсом. Он, без сомнения,

безжалостный человек. Однако *смертельно опасный человек* убил бы меня вчера ночью, и на этом бы все закончилось. А он не убил. Он оставил меня в живых, и, насколько я понимаю, это означало, что так же он будет поступать и впредь. Иерихон будет грозить мне, запугивать, даже оставлять на мне синяки, но не убьет меня.

Ничего не изменилось. Мне все еще нужно было найти убийцу моей сестры, так что я решила остаться. И теперь, когда я знала, как это пишется, я собиралась четко выяснить, что же такое «Синсар Дабх». Мне было известно, что это книга – но *что* это за книга?

В надежде сэкономить я пропустила час пик в забегаловках, поскольку решила есть пореже. Так что я съела поздний ленч/ранний обед, состоящий из хрустящей жареной рыбы и чипсов, а потом направилась прямо в библиотеку. Через несколько часов я нашла то, что нужно. Я понятия не имела, что с этим делать дальше, но я это нашла.

Алина знала какой-то умный способ поиска по компьютерному каталогу, так что она бы сразу отобрала нужные книги. Но я из тех людей, которым необходимы надписи на книжных полках. Первые полчаса в библиотеке я провела, вытаскивая с полок книги по археологии и истории и складывая их в стопку в углу моего стола. Следующий час, или около того, я перелистывала добытое. В свою защиту могу сказать, что пользовалась алфавитными указателями в кон-

це книг, так что к середине второй стопки я нашла это:

«Синсар Дабх»¹ («Sinsar Dubh»): Темная Реликвия, принадлежащая мифологической расе Туата Де Данаан 2. Написанная на языке, известном только старейшинам расы, книга учит, как завладеть смертоносной магией, заклинаниями которой заполнены ее зашифрованные страницы. Принесена в Ирландию Туата Де во время вторжений, описанных в псевдоисторической «Книге захвата Ирландии» («Leabhar Gabhala Eireann»³), затем украдена вместе с другими реликвиями Темных и, по слухам, попала в мир Людей.

Я моргнула. Потом просмотрела сноски внизу страницы.

1 Среди некоторых нуворишей от коллекционирования прокатилась волна интереса к мифологическим реликтам, кое-кто заявлял, что у него имеются фотокопии одной или двух страниц этого «проклятого тома». «Синсар Дабх» не более реальна, чем мифологический персонаж, который якобы написал ее миллион лет назад — Темный король Туата Де Данаан. Интересно то, как эту книгу, написанную автором, которого не существовало, неизвестным кодом на мертвом ныне языке, собираются идентифицировать упомянутые коллекционеры.

2 *Туата Де Данаан, по имеющейся информации, владели восемью реликвиями, дарующими безмерную силу: четыре принадлежали Светлым, четыре – Темным. Светлыми реликвиями считаются камень, копье, меч и котел. Темными – зеркало, шкатулка, амулет и книга («Синсар Дабх»).*

3 *«Leabhar Gabhala Eireann» («Книга захвата Ирландии»)* описывает *Туата Де Данаан* пришедшими тридцатью семью годами позже *Фир Болг* (следовавшими за *Кессайр*, внучкой *Ноя*, партолонцами и народом *Немеда*) и на двести девяносто семь лет опередившими ирландцев и пракельтские, гойдельские народы. Однако более ранние и поздние источники опровергают как истинное существование *Туата Де*, так и дату их вторжения в наш мир, указанную в этом тексте одиннадцатого века.

Я закрыла «Алфавитный определитель артефактов: истинных и мифологических» и уставилась прямо перед собой. Меня можно было сбить с ног даже перышком. Серьезно. Одним из тех мелких перьев, которыми набивают декоративные подушки. Стоило взмахнуть таким перышком рядом со мной, и я свалилась бы со стула.

Мифологическая раса? Темный король? Магия? Это что, глупая шутка?

Алина никогда не интересовалась такими дурацкими вещами, так же как и я. Мы обе любили читать и смотреть

фильмы с мистическим уклоном, но мы ходили только на мистику, триллеры или романтические комедии, а не на экстрасенсорно-паранормальную ерунду.

Вампиры? Тьфу. Зомби? Без комментариев. Путешествия во времени? Ха, покажите мне того, кто будет рад встретить огромного горца с манерами пещерного человека. Обратни? Ой, вот это уже совсем глупо. Что такого можно найти в мужчине, которым управляет его внутренняя собака? Все мужчины и без того подходят под это описание, зачем приплетать еще и ген ликантропии?

Нет, спасибо, меня вполне устраивала реальность. И я никогда не хотела от нее сбежать. Алина полностью разделяла мое отношение. По крайней мере, я всегда так считала. Потому что в последнее время я все чаще задавалась вопросом, знала ли я вообще свою сестру.

Но я все равно не понимала. Зачем она оставила мне сообщение, посоветовала найти манускрипт о магии, которого, если верить «Алфавитному указателю Т. А. Муртога», вообще не существовало?!

Я открыла книгу и снова перечитала первую сноску. Возможно ли, что есть люди, верящие в то, что магическая книга, которой уже миллион лет, действительно существует и что мою сестру убили потому, что она перешла дорогу одному из этих фанатичных искателей?

Иерихон Бэрронс верил, что эта книга существует.

Я поразмыслила над этим с минуту. Что ж, значит, он то-

же чокнутый, решила я, пожав плечами. Как бы хорошо бы сделали этот фолиант, он должен был рассыпаться на кусочки через нескольких тысяч лет. Книга, написанная миллион лет назад, превратилась бы в пыль еще в прошлой эре. Кстати, зачем ее вообще ищут, раз уж ее невозможно прочитать?

Сбитая с толку, я продолжила поиск, пробираясь сквозь книги из второй стопки, затем переходя к третьей. Полчаса спустя я получила ответ на свой вопрос в книге об ирландских мифах и легендах.

Согласно легенде, ключ к расшифровке кода «Синсар Дабх» заключен в четырех мистических камнях. В искусных руках друидов каждый из этих камней может пролить свет на небольшую часть текста, но лишь все четыре камня, объединенные в один, помогут расшифровать текст полностью.

Класс! Теперь еще и друиды присоединились. Я поискала информацию о них.

В дохристианском кельтском обществе друиды руководили правящим религиозным культом, их орден обладал законодательной и судебной властью, они занимались философией и обучением элитной молодежи, которую после привлекали в орден.

Звучит неплохо. Я продолжила чтение. И тут же изменила свое мнение.

Друиды приносили человеческие жертвы и ели желуди, готовясь пророчествовать. Они верили, что день сменяет ночь, и превратили это убеждение в учение о метемпсихозе. Друиды утверждали, что человеческая душа не умирает, а возрождается в иной жизненной форме. В древние времена считалось, что друиды посвящены в тайны богов, могут управлять физической материей, пространством, даже временем. В своем первоначальном значении ирландское слово «друи» означает «маг», «волишебник», «прорицатель»...

Так, приехали. Я захлопнула книгу и решила, что с меня хватит. Здесь моя доверчивость заканчивалась. Это не имело отношения к моей сестре. Ничто из прочитанного не имело к ней отношения. И объяснение такому положению вещей было лишь одно.

Иерихон Бэрронс солгал мне. И в данный момент он наверняка сидит в своем дорогом книжном магазине, одетый в костюм за пять тысяч долларов, и смеется надо мной. Он попытался сбить меня со следа, подкинув такую несусветную дрянь, что вонючая селедка, которой отбивают нюх у собак, покажется цветочками. Он попытался увести меня прочь от того, что Алина *на самом деле* просила найти, и вместо этого ткнул меня носом в какую-то глупую мистическую книгу

о черной магии. Как и любой искусный лжец, Бэрронс четко отмерил дозу правды в свое вранье: как бы то ни было, он *действительно* хотел сам до этого добраться, потому и солгал мне. Удивившись моей наивности, он даже не потрудился сильно изменить то слово, которое произнесла Алина. «Ши-саду». Я повторила его по слогам, думая о том, как по-настоящему оно пишется. Возможно, между тем, что сказала на гаэльском Алина, и тем, как перекрутил для меня это слово Бэрронс, разница всего в несколько букв, которые превратят объект из области фантазий во вполне реальный, материальный предмет, и с его помощью я смогу выяснить обстоятельства смерти сестры. Если, кстати говоря, это слово вообще имеет отношение к гаэльскому, потому что это определение тоже дал Бэрронс. А я не могу доверять ни единому его слову.

Перейдя от обид к оскорблениям, он попытался запугать меня своими угрозами и требованиями покинуть страну. Ну и мои синяки тоже на его совести.

С каждой минутой я злилась все больше и больше.

Я вышла из библиотеки и зашла в магазинчик, чтобы купить некоторые нужные мелочи, потом зашагала по заполненной людьми Темпл Бар Дистрикт в направлении «Кларин-хауса». Улицы были забиты народом. Пабы сверкали огнями, и их двери были гостеприимно распахнуты, впуская посетителей и вечернюю июльскую прохладу, музыка была слышна даже на тротуарах. Всюду бродили симпатичные

парни, и я несколько раз слышала восхищенный присвист мне вслед. Бывшая барменша, молодая одинокая женщина, обожающая музыку... Я привыкла к такой реакции. Это и был *крайк*.

И мне не было до него никакого дела.

Когда я злюсь, я часто веду мысленный диалог, – знаете, те слова, которые действительно стоило бы сказать, но которые мы забываем, лишь дойдет до дела, – и часто я настолько увлекаюсь воображаемой беседой, что совсем не замечаю, что творится вокруг.

Именно так я и оказалась у входа в магазин «Книги и сувениры Бэрронса», к которому дошла вместо «Кларин-хауса». Я не собиралась сюда приходить. Но, по-видимому, мои ноги сами привели меня к месту, которым были заняты мысли. Было двадцать минут десятого, но в крысиной петунии я видела глупое условие, поставленное мне мистером Бэрронсом.

Я остановилась перед зданием и быстро взглянула налево, на заброшенную часть города, в которой я вчера заблудилась. Четырехэтажный, облицованный новым кирпичом, деревом и камнем книжный магазин Бэрронса казался последним бастионом, отделявшим доброжелательную часть города от злобной его части. Справа от меня уличные фонари сияли теплым янтарным светом, люди перекликались, смеялись и разговаривали. Слева светились лишь несколько лампочек, причем свет был тусклым и мерцающим, а сквозь гул-

кую тишину пробивались редкие удары – это ветер трепал о стену сломанные двери.

Я выбросила из головы неприятный район. У меня дело к Иерихону Бэрронсу. Знак «открыто» в окне не светился, – на двери были указаны часы работы – до восьми вечера, и внутри горели лишь тусклые лампы, однако дорогуший мотоцикл все еще стоял у магазина, на том же месте, что и вчера. Я не могла представить Фиону верхом на этом черном хромированном мачо-монстре, точно так же как не могла представить Бэрронса за рулем степенного серого «седана», разработанного для среднего класса. Таким образом, Иерихон наверняка где-то здесь, внутри.

Я сложила пальцы в кулак и загрохотала по двери. Я была в отвратном расположении духа, одураченная и преданная всеми, на кого рассчитывала в Дублине. С момента моего приезда некоторые были отстраненно-вежливыми, но никто не был приветливым, а многие вели себя непростительно грубо. И эти люди считают американцев плохими! Я подождала секунд двадцать и снова бухнула в дверь. Мама говорила, что у меня темперамент рыжеволосой. Но я знала нескольких рыжих, и мне до их характера было далеко. Просто когда мое шило в заднице начинает шевелиться, я обязана что-то сделать. Например, приехать в Дублин затем, чтобы дело Алины снова открыли.

– Бэрронс, я знаю, что ты там! Открывай! – закричала я. Несколько минут я продолжала стучать и кричать. И как

только я начала думать, что его может и не оказаться внутри, из темноты слева от меня раздался глубокий голос, окрашенный нераспознаваемым акцентом, который намекал на то, что его обладатель провел много времени в странных местах. Таких, где гаремы и притоны курильщиков опиума – обыденность.

– Женщина, ты просто невероятно глупа.

Я уставилась в темноту. Через полквартила виднелось чуть более темное пятно, которое я посчитала своим собеседником. Было невозможно рассмотреть его очертания, но в том месте тьма сгущалась и казалась более плотной, чем окружающие ее тени. Кроме того, от вида этого пятна меня мороз продрал по коже. Значит, это точно он.

– Не так глупа, как ты думаешь, Бэрронс. Не такая дура, чтобы поверить в твою идиотскую историю.

– Ягненок в городе волков. Которому из них ты достанешься, хотел бы я знать?

– В пету... в задницу ягненка! Тебе меня не запугать.

– О да, поскольку ты невероятная дура.

– Я знаю, что ты мне солгал. Так что же на самом деле такое эта *ши-саду*?

Я не планировала повышать голос на незнакомом слове, но оно, казалось, скрикошетило от окружающих зданий и прозвучало как выстрел. Из-за этого или по какой-то другой причине в ночи повисла плотная, невероятная тишина, похожая на ту, что всегда повисает в воздухе, стоит тебе ска-

зять нечто вроде «А вы знаете, какая сука эта Джейн До?» и вдруг заметить, что Джейн До стоит неподалеку от тебя, и молчание окутывает комнату, а ты мечтаешь провалиться сквозь землю.

– Можете сразу мне сказать, поскольку я все равно не уйду без ответа.

Он оказался рядом прежде, чем я успела моргнуть. Этот человек двигался со скоростью молнии. Кстати, он стоял не там, где я предполагала. Он вынырнул из тени не более чем в трех метрах от меня и швырнул меня спиной на дверь магазина.

– Идиотка, не смей говорить о таких вещах после захода солнца!

Прижимая меня спиной к двери, Иерихон потянулся к замку.

– Я буду говорить, о чем только захо... – Я замолчала, уставившись ему за спину. То пятно тьмы, которое я поначалу приняла за его силуэт, начало двигаться. К нему присоединилось другое, немного поодаль, отделившись от стены здания на другой стороне. Эта вторая тень была невероятно высокой.

Я взглянула на противоположную часть тротуара, чтобы посмотреть, какой идиот гуляет ночью по этому ужасному району, отбрасывая тень.

Но никакого идиота там не оказалось.

Я снова взглянула на два пятна тьмы. Они приближались

к нам. Быстро.

Я посмотрела на Бэрронса. Он бесстрастно взглянул на меня. Потом обернулся через плечо, окинул взглядом напугавшие меня тени.

И так же спокойно открыл дверь, толкнул меня внутрь, хлопнул дверь и закрыл ее на три засова за нашими спинами.

– Объяснитесь, – грубо сказал Иерихон, подталкивая меня вглубь комнаты, подальше от двери. Затем он повернулся ко мне спиной и начал щелкать выключателями на стене: он включал лампы одну за другой. Внутри магазина зажглись лампы в нишах, потом светильники наверху, пролет за пролетом. Снаружи холодным белым светом засияли прожекторы.

– Объясниться? Что мне объяснять? *Ты* объясни. Зачем ты соврал мне? Боже, я тут ничего не понимаю! Алина говорила так, словно Дублин – это невероятно прекрасный город с милыми приветливыми людьми, где все хорошо... Ни одного приятного человека мне не встретилось, и все просто отвратительно! И я клянусь, что следующий идиот, который посоветует мне отправляться домой, получит от меня по морде!

– Если вам удастся это сделать. Можете обломать коготки. – Иерихон бросил на меня пренебрежительный взгляд через плечо.

– Ты меня абсолютно не знаешь, Бэрронс. – Я ответила ему не менее презрительным взглядом. Он щелкнул последним выключателем и повернулся. Я непроизвольно дернулась к Иерихону, в освещенную часть комнаты. Вчера я, должно быть, плохо его рассмотрела. Он был не только му-

жественным и сексуальным, он был чувственным до такой степени, что хотелось стиснуть зубы и хоть таким образом удержать себя в руках; он почти пугал. Теперь Бэрронс казался выше, тоньше, эффектнее, его кожа словно сильнее натянулась, черты лица заострились, — хотя и вчера его скулы казались острыми, словно лезвия, на лице, являющем собой результат удивительной смеси генов.

— Кто ты по национальности? — не сдержавшись, спросила я, отступая на несколько шагов, чтобы между нами оказалось как можно больше пространства.

Иерихон ошеломленно посмотрел на меня, явно оцепенев от моего тона и от такого личного вопроса, над которым он, похоже, даже не задумывался раньше. Бэрронс помолчал, словно обдумывая ответ, потом пожал плечами:

— В моем роду были баски и кельты. Не взыщите, мисс Лейн, но я сомневаюсь, что это хоть о чем-нибудь вам скажет.

Я не была полным профаном в истории. Я прослушала несколько курсов в колледже. И была знакома с обеими упомянутыми культурами, так что его ответ сказал мне о многом. Преступники и варвары. Теперь я понимала происхождение слегка экзотичного разреза его темных глаз, насыщенного оливкового цвета кожи и плохого воспитания. Думаю, худшую комбинацию генов сложно придумать.

Я и не заметила, что последнее предложение произнесла вслух, пока он не сказал довольно холодно:

– Уверен, что и такое встречается. А теперь скажите мне, что вы видели на улице, мисс Лейн.

– Ничего я не видела, – солгала я. По правде говоря, я не могла понять, что же такое я увидела, и не хотела это обсуждать. Поэтому решила списать все на несвежую рыбу, съеденную на обед. Мне было нехорошо, и это ощущение творило странные вещи с моим воображением.

Бэрронс издал недовольный звук.

– У меня не хватает терпения на лжецов, мисс...

– Quid pro quo⁹, Бэрронс. – Я не смогла сдержать порыва сбить с него спесь. Выражение лица Иерихона свидетельствовало, что никто и никогда раньше этого не делал. Я прошла к одной из зон для отдыха, бросила на стол свою сумочку и пакет с покупками и плюхнулась на кожаный диванчик песочного цвета. Я не собиралась уходить отсюда, не получив ответов, а поскольку с таким упрямым и деспотичным типом, как Иерихон Бэрронс, этот процесс мог затянуться до самого утра, мне стоило устроиться поудобнее. Я забросила серебристые сандалии на кофейный столик и положила ногу на ногу. За такую позу я моментально получила бы от мамы по шее, но мамы тут не было.

– Ты отвечаешь мне, а потом я отвечаю на твой вопрос. Но на этот раз тебе придется подтверждать каждый свой ответ, прежде чем задавать мне вопросы.

Бэрронс оказался рядом со мной прежде, чем я осозна-

---

⁹ Quid pro quo – услуга за услугу (лат.).

ла, что он движется в мою сторону. Этот трюк он проделал уже третий раз, так что мне начало надоедать. Этот мужчина вполне мог быть олимпийским спринтером, поскольку я не то что отпрыгнуть, я вздохнуть не успела, а он уже был рядом со мной. Он двигался на порядок быстрее, чем мне позволяли инстинкты.

Губы Иерихона были стиснуты, лицо напряжено от ярости. Он сдернул меня с диванчика, одной рукой схватив за волосы, другой за горло, и заставил пятиться, пока я не прижалась спиной к стене.

– О, ну давай же, – прошипела я. – Просто убей меня и избавься от проблемы. Избавь меня от страданий!

Потеря Алины была для меня хуже неизлечимой болезни. В конце концов, смертельно больной человек знает, что боль не будет долгой. Отчаяние поглощало меня изнутри, день за днем, ночь за ночью, и я чувствовала, что умираю от него, но даже если бы мне хотелось умереть от отчаяния, я знала, что оно меня не убьет. Я так и буду ходить со сквозной дырой в сердце. И боль от смерти моей сестры не отпустит меня до последнего моего вздоха. Если вы не понимаете, о чем я говорю, или считаете меня чересчур мелодраматичной, значит, вы никогда никого не любили.

– Вы ведь этого не хотите.

– Я же сказала, что ты меня не знаешь!

Он засмеялся.

– Посмотрите на свои руки.

Я посмотрела. Обе мои руки вцепились в его предплечья. Ногти с прекрасным розовым маникюром впились в его рукав, как когти животного, пытаюсь ослабить хватку. Я даже не заметила, когда вцепилась в него.

– Я знаю людей, мисс Лейн. Они думают, что хотят умереть, иногда они даже говорят об этом вслух. Но на самом деле им этого не хочется. В последнюю минуту они всегда визжат как свиньи и дерутся как черти.

Он говорил язвительно, словно исходя из собственного богатого опыта. Внезапно я потеряла всякую уверенность в том, что Иерихон Бэрронс – не убийца.

Он прижал меня к стене и продолжал удерживать, его рука сжимала мое горло, а темные глаза настойчиво скользили по моему лицу, шее, по моей груди под прозрачной кофточкой. Грудь он изучал очень внимательно. Я бы фыркнула, если бы не недостаток кислорода. Иерихон Бэрронс ни при каких обстоятельствах не мог бы счесть меня привлекательной. Мы абсолютно не подходили друг другу. Если он был Антарктикой, я была Сахарой. Ну что ему за дело до меня? Решил сменить тактику запугивания, перейдя от угрозы убить к угрозе изнасиловать? Или взвешивал, стоит ли совместить эти угрозы?

– Я собираюсь задать вопрос в последний раз, мисс Лейн, и советую не играть со мной в игры. Сегодня вечером запас моего терпения невероятно мал. У меня есть гораздо более действенные методы убеждения, чем кое-кому здесь могло

показаться. Так что вы видели на улице?

Я закрыла глаза и прикинула свои возможности. У меня возникла маленькая проблема с самолюбием. Мама сказала бы, что это мой личный маленький вызов. Раз уж я непроизвольно выбрала непокорство, то любое сотрудничество стало невозможным.

Я открыла глаза.

– Ничего.

– Досадно, – сказал Бэрронс. – Поскольку, если вы ничего не видели, вы мне больше не нужны. А если видели, то вы мне понадобится. Если вы ничего не видели, ваша жизнь ничего не стоит. Если видели, ваша жизнь...

– Систему я поняла, – сквозь стиснутые зубы прошипела я. – Не стоит переигрывать.

– Итак? Что вы видели?

– Отпусти шею. – Нужно же мне хоть в чем-то выиграть.

Он отпустил меня, и я пошатнулась. Только сейчас, когда мои пятки, как им и положено, коснулись пола, до меня дошло, что он удерживал меня на цыпочках. Я помассировала шею и раздраженно ответила:

– Тени, Бэрронс. Вот и все, что я видела.

– Опишите мне эти тени.

Я описала, а он внимательно слушал меня, не сводя глаз с моего лица.

– Вы никогда раньше не видели чего-нибудь подобного? – спросил Иерихон, когда я закончила.

– Нет.

– Никогда?

Я пожала плечами.

– Вообще-то нет. – Я запнулась, потом добавила: – Но у меня был странный случай в пабе пару дней назад.

– Расскажите, – скомандовал Бэрронс.

Я все еще стояла между ним и стеной, и мне требовалось больше пространства. Присутствие Бэрронса беспокоило, словно я стояла у мощного магнитного поля. Я проскользнула мимо, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не коснуться его, – что, похоже, немало его развлекло, – и направилась к дивану.

Сев, я начала рассказывать о «раздвоенном зрении», которое посетило меня в пабе, и о странной пожилой женщине, о том, что она сказала. Иерихон задал мне кучу вопросов, заставляя припоминать малейшие детали и расписывать все по минутам. Поскольку я и вполтину не настолько наблюдательна, как Бэрронс, то на большую часть его вопросов мне нечего было ответить. Он попытался скрыть отвращение, вызванное моей неудачной попыткой припомнить больше о странном видении и старой женщине. Когда я закончила отвечать на вопросы, Бэрронс коротко, словно не веря, хохотнул.

– Никогда не думал, что подобные вам люди могут существовать. Неосторожные, необученные. Невероятно. Вы понятия не имеете, кто вы, верно?

– Сумасшедшая? – Я попыталась перевести все в шутку.

Он покачал головой и шагнул в мою сторону. Когда я инстинктивно подалась назад, Бэрронс остановился, и на его губах появилась слабая улыбка.

– Я напугал вас, мисс Лейн?

– Ничуть. Просто я не люблю ходить в синяках.

– Синяки пройдут. А ночью случаются вещи и похуже меня.

Я открыла рот, чтобы ответить ему каким-нибудь развязным комментарием, но он взмахом руки заставил меня промолчать.

– Избавьте меня от своей бравады, мисс Лейн. Я вижу вас насквозь. Нет, вы не сумасшедшая. Однако вы – ходячая невероятность. Не могу понять, как вы умудрились уцелеть. Подозреваю, что вы жили в небольшом провинциальном городке, настолько неинтересном, что они просто не удостоили его своим вниманием. В маленьком городке, начисто лишенном привлекательности, и лишь поэтому они никогда его не посещали и никогда не посетили бы.

Я понятия не имела, кто такие «они», которые меня не посещали, но с остальным не могла поспорить. Я уверена, что напротив Ашфорда в списке городов штата Джорджия стоит буква «П» – провинция, и сомневалась, что рецепт нашего ежегодного жареного цыпленка или празднование Рождества с полудюжиной довоенных маршей чем-то отличают мой городок от других, затерянных на просторах Глубокого

Юга.

– Ну да, – огрызнулась я. Я любила свой родной город. – И что?

– Вы, мисс Лейн, ши-видящая.

– А? Чем видящая?

– Видящая Сидхов. Вы видите эльфов.

Я расхохоталась.

– В этом нет ничего смешного, – грубо сказал Бэрронс. – Это вопрос жизни и смерти, тупица.

Я засмеялась громче.

– А что, вредные маленькие эльфы собираются покусать меня?

Он нахмурился.

– Как вы думаете, чем были увиденные вами тени, мисс Лейн?

– Тенями, – умно ответила я, чувствуя, как меня покидает веселье. Я начала злиться на себя. Я не позволю себя одурачить. Никоим образом те пятна темноты не могли быть чем-то более плотным. Эльфов не существует, люди их не видят, и нет никаких книг о магии, написанных миллион лет назад.

– Эти Тени выпьют вас до дна, оставив лишь высохшую кожу, которую ветер будет носить над тротуарами. Не останется даже тела, которое можно было бы выслать вашим родителям. Мама и папа никогда не узнают, что с вами случилось. Просто еще одна туристка исчезла за рубежом.

– Ага, ну да, – огрызнулась я. – И сколько мешков этой

чепухи ты намереваешься мне скормить? Эта ши-саду действительно книга черной магии? И написана миллион лет назад настоящим Темным королем? Насколько я, по-твоему, глупа? Я просто хотела узнать, что означает это слово, чтобы, возможно, помочь полиции найти того, кто убил мою сестру...

– Как она умерла, мисс Лейн? – голос Бэрронса был почти шелковым, но его вопрос ударил меня, как кувалда.

Я стиснула зубы и отвернулась. Мгновение спустя я ответила:

– Я не хочу об этом говорить. Это не твое дело.

– Ее смерть была ненормальной? Ужасающей, мисс Лейн? Скажите, ее тело выглядело так, словно побывало в зубах животного? Многих животных?

Я резко развернулась.

– *Заткнись ненависть тебя!* – прошипела я сквозь зубы. В глазах Бэрронса мелькнуло нетерпение.

– Вы тоже хотите умереть подобной смертью?

Я уставилась на него. Я не буду плакать у него на глазах. Я не буду вспоминать о том, что увидела в тот день, когда мне пришлось опознавать тело Алины. И даже в самых страшных своих кошмарах я не хотела бы так умереть.

Видимо, ответ был написан у меня на лице, поскольку Иерихон ухмыльнулся половиной рта.

– Вот и я не думаю, мисс Лейн. Слушайте меня и учитесь, и я помогу вам.

– С какой стати тебе это делать? – Я сглотнула застрявший в горле ком. – Ты не похож на Доброго Самаритянина. К тому же мне кажется, что в словаре возле слова «наемник» расположена твоя фотография. А у меня нет денег.

Теперь в движение пришли обе стороны его рта – Бэрронс оскалился и тут же принял вид лощеного европейского горожанина. Ого, кажется, я нащупала болевую точку. Что-то в моих словах глубоко задело его, и, похоже, дело было в слове «наемник».

– Я не могу оставить вас на произвол судьбы. Меня загрызет совесть.

– У тебя нет совести, Бэрронс.

– Вы обо мне ничего не знаете, мисс Лейн.

– И не собираюсь узнавать. Я хочу поговорить с полицией, чтобы они возобновили расследование убийства моей сестры. Я не желаю вновь встречаться ни с тобой, ни с твоими дурацкими тенями. Я даже не собираюсь больше спрашивать, что такое *ши-саду* на самом деле, поскольку не хочу выслушивать бред. Держись от меня подальше, или я расскажу полиции о твоих глупых идеях и угрозах. – Я схватила со стола сумочку и пакет из аптеки и зашагала к двери.

– Вы совершаете огромную ошибку, мисс Лейн.

Я распахнула дверь.

– Ошибку я совершила вчера, поверив тому, что ты сказал. И этой ошибки я не повторю.

– Не переступайте порог. Если вы выйдете на улицу, вы

умрете. В самом лучшем случае жить вам останется три дня.

Я не удостоила его ответом. Хлопок двери за моей спиной прекрасно сыграл роль ответной реплики.

Кажется, Бэрронс прокричал что-то мне вслед, что-то странное, вроде «держитесь на свету», но я была не уверена, и мне было все равно.

Иерихон Бэрронс и я закончили недолгое знакомство.

По крайней мере, так я тогда думала. И это оказалось еще одной вещью, насчет которой я сильно ошибалась. Вскоре нам пришлось жить бок о бок, нравилось нам это или нет.

Поверьте, нам это не нравилось.

В последствии, вспоминая эти несколько дней, я понимала, что то были последние нормальные дни в моей жизни, хотя тогда они казались мне какими угодно, только не нормальными. Нормальными были персиковый пирог и зеленый горошек, вечера за стойкой бара и буксировка машины на тропе в гараж, которая обошлась мне в последние двести пятьдесят долларов. Расследование убийства моей сестры в Дублине нормальным не было.

Весь четверг я провела в кампусе¹⁰ Тринити-колледжа. Я поговорила с профессором, которого не могла застать раньше, но он не добавил ничего нового. Я побеседовала с дюжиной однокурсников Алины, когда у них закончились за-

---

¹⁰ Кампус (англ. campus) – университетский городок, включающий, как правило, жилые помещения для студентов, библиотеки, аудитории, столовые и т. д.

нятия. Истории, которые они мне рассказывали, мало чем отличались одна от другой и от очередной серии бесконечных «Секретных материалов», – всегда ненавидела этот сериал за отсутствие конкретных ответов и открытый финал, я люблю разгаданные тайны, – однако моя сестра, похоже, очень изменилась, приехав сюда.

Студенты рассказали, что первые три месяца она была дружелюбной, общительной, умной, словом, всем хотелось с ней подружиться. Это была та Алина, которую я хорошо знала.

Затем она внезапно изменилась. Начала пропускать занятия. Когда она все же появлялась, то на вопросы о том, где она была, Алина отвечала неопределенно или вовсе уходила от ответа. Она казалась взволнованной и озабоченной собственными мыслями, словно нашла нечто куда более интересное, чем ранее занимавшие ее лекции. Потом, в последние месяцы жизни, моя сестра сильно похудела и казалась изможденной, словно пила и развлекалась ночи напролет, все ночи до единой, за что, как думали однокурсники, и поплатилась.

«Нервная» и «раздражительная» – эти два слова никогда не ассоциировались у меня с сестрой, но однокурсники Алины свободно ими пользовались, описывая ее.

Я спросила, был ли у нее парень. Двое из тех, с кем я говорила, ответили утвердительно, эти две девушки, похоже, знали Алину лучше других. У нее определенно был парень,

сказали они. Они считали, что он старше ее. Богат. Образован и красив, но нет, они ни разу его не видели. Никто его не видел. Она никогда не приводила его с собой.

Незадолго до смерти, в те дни, когда она совсем не посещала занятий, Алина, похоже, сделала последнюю безнадежную попытку вернуть свою жизнь в нормальное русло, но моя сестра выглядела уставшей и разочарованной, словно заранее знала, что эта битва проиграна.

Чуть позже вечером я зашла в интернет-кафе и закачала в свой плеер новые мелодии. Интернетовские сайты с музыкой любили мою «Визу». Мне следовало бы побольше экономить, но у меня две слабости, книги и музыка, а насколько мне известно, это не самые плохие пристрастия, которые могут появиться у человека. Я страстно желала заполучить CD с лучшими хитами группы «Грин Дей» (песня, в которой поется «иногда я сам себя пугаю, иногда мое воображение насмехается надо мной» вспоминалась мне еще о-очень долго) и получила его со скидкой, по цене 9,99 долларов, что было куда дешевле, чем в магазине. Теперь вы знаете, как я оправдываю свои пристрастия – если я могу заплатить за вещь меньше, чем с меня потребуют в «Уолмарт»¹¹, я эту вещь заполучу.

Я написала длинное, вымученно жизнерадостное письмо родителям и несколько более коротких посланий своим дру-

---

¹¹ Wal-Mart Stores, Inc. – американская компания, крупнейшая в мире розничная сеть. Основана в 1962 в г. Роджерс (штат Арканзас) Сэмом Уолтоном.

зьям, оставшимся дома. Джорджия еще никогда не казалась мне такой далекой.

В отель я возвращалась в темноте. Мне не хотелось проводить много времени в комнате. В ней не было ничего удобного или уютного, так что я старалась придумывать себе дела до тех пор, пока не начинала засыпать на ходу. Дважды на пути к дому у меня возникало ощущение, что за мной следят, но оба раза я оборачивалась, и за моей спиной оказывался всего лишь нормальный дублинский вечер на Темпл Бар Дистрикт – ярко освещенный, теплый и приятный, заполненный толпой, состоящей из завсегдатаев пабов и туристов. Ничто в нем не могло вызвать той холодной дрожи, что вместе с мурашками пробегала по моей спине.

Около трех часов утра я проснулась, странно разнервничавшись. Я сбросила одеяло и выглянула в окно. На тротуаре возле «Кларин-хауса» стоял Иерихон Бэрронс, прислонившись спиной к фонарному столбу, скрестив руки на груди и глядя вверх, на окна отеля. Он был одет в длинный темный плащ, доходивший ему до лодыжек, атласную ярко-алую рубашку и темные брюки. Он излучал скучающую европейскую элегантность и надменность. Волосы, ниспадавшие до плеч, обрамляли лицо. Я и не думала, что они настолько длинные, раньше Бэрронс зачесывал волосы назад, убирая их с лица. С таким лицом он вполне мог себе это позволить: костная структура у него была четкой, симметричной. Утром я подумала, что мне это приснилось.

В пятницу я встретила с инспектором О'Даффи, который страдал от избыточного веса и щеголял красным цветом лица и лысины. Пояс его штанов терялся под массивным животом, на котором уже не застегивались пуговицы рубашки. О'Даффи был британцем, а не ирландцем, чему я очень обрадовалась, поскольку мне не пришлось пробираться сквозь буйные заросли акцента.

К сожалению, наш разговор загнал меня в еще более глубокую депрессию, чем это сделали ответы однокурсников Алины. Сначала все, казалось, пошло хорошо. Инспектор сказал мне, что его заметки по делу не подлежат разглашению, но сделал для меня (вдобавок к высланной домой) копию официального рапорта и терпеливо перечислил все, о чем сообщал моему отцу. Да, они опросили профессоров и однокурсников моей сестры. Нет, никто из них не имел ни малейших предположений о том, почему это с ней случилось. Да, некоторые из сокурсников упоминали о ее приятеле, но о нем ничего не удалось выяснить. Богатый, старше ее, образованный, не ирландец, вот и все, что было о нем известно.

Я дала О'Даффи прослушать последнее, бредовое сообщение Алины. Он дважды прокрутил запись, после чего откинулся на спинку стула и опустил подбородок на сцеплен-

ные пальцы.

– Ваша сестра давно пристрастилась к наркотикам, мисс Лейн?

Я моргнула.

– Наркотики? Нет, сэр, Алина не употребляла наркотики.

Инспектор одарил меня взглядом, которым обычно смотрят взрослые на детей, собираясь высказать нечто, что пойдет им на пользу, и при этом остаться вежливыми. Этот взгляд разозлил меня необычайно, поскольку взрослые в подобных случаях слишком часто ошибаются. Однако переспорить взрослого, когда он уже утвердился в своем мнении, просто невозможно.

– Ухудшение ее здоровья, которое описывали сокурсники, это классическое развитие наркотической зависимости. – О'Даффи взял со стола бумаги и начал зачитывать вслух: – «Субъект становится все более возбудимым, раздражительным, нервным, практически параноиком. Субъект теряет вес, все время чувствует усталость».

Инспектор приподнял брови, взглянув на меня с фирменным выражением неужели-вы-не-видите-того-что-находится-у-вас-прямо-перед-носом, которое часто используют люди, словно пытаясь заставить вас произнести то, что им хочется. Я холодно уставилась на полицейского, до кончиков пальцев возмущенная словом «субъект».

– Это не означает, что Алина употребляла наркотики. Это означает, что она была в опасности.

– И она ни разу не сказала ни вам, ни вашим родителям о том, что ей угрожает опасность? Ни разу в течение нескольких месяцев? Вы сами говорили, что у вас очень дружная семья. Неужели ваша сестра не сказала бы, что ее жизни что-то угрожает? Сожалею, мисс Лейн, но больше похоже на то, что Алина скрывала от вас свое пристрастие к наркотикам, чем на то, что она была в опасности и никому ни словом об этом не обмолвилась. Мы постоянно наблюдаем такое поведение в бедных районах города.

– Алина сказала, что пыталась защитить меня, – сухо напомнила я ему. – Именно поэтому она ничего не говорила.

– От чего защитить?

– Не знаю! Это вам и следует выяснять. Разве вы не можете возобновить дело моей сестры и попытаться узнать, кем был ее парень? Этого человека обязательно кто-нибудь где-нибудь видел! Из сообщения Алины ясно, что она от кого-то пряталась. Она сказала, что он приближается. И сказала, что он не выпустит ее из страны. Очевидно, что кто-то ей угрожал!

Инспектор с минуту смотрел на меня, потом тяжело вздохнул.

– Мисс Лейн, на руках вашей сестры обнаружены отметины. Такие отметины обычно оставляет игла шприца.

Я вскочила на ноги, разозлившись уже сверх всякой меры.

– У моей сестры обнаружили отметины по всему телу, инспектор! Не только на руках! И коронер сказал, что они

похожи на следы зубов! – Которые не могли принадлежать ни одному известному виду животных. – А некоторые части тела были просто вырваны!

Я дрожала. Я ненавидела свою память. От воспоминаний к горлу подкатила тошнота. Я очень надеялась, что Алина была уже мертва, когда это вытворяли с ее телом. И не сомневалась, что она не была мертва... Увиденное вышвырнуло маму и папу за грань реальности. Меня тоже, но я смогла быстро вернуться из этого адского местечка, поскольку кому-то из нас нужно было это сделать.

– Вы сами видели ее, мисс Лейн. Зубы людей или животных не могут оставить подобных отметин.

– Иглы тоже не могут, – злобно ответила я.

– Если вы присядете и...

– Вы собираетесь возобновлять ее дело или нет? – Я требовала ответа.

О'Даффи поднял руки раскрытыми ладонями ко мне.

– Послушайте, я не могу позволить себе отрывать людей от дел, бросая их на расследование, в котором нет никаких зацепок, поскольку мои подчиненные стоят на ушах от количества преступлений, в которых зацепки есть. Произошел острый всплеск насилия. Исчезают люди. Я никогда раньше такого не видел, – сказал он с отвращением. – Словно половина этого чертова города сошла с ума. В связи с этим у нас не хватает сотрудников. Я не могу бросить людей на расследование дела вашей сестры, поскольку там не над чем рабо-

тать. Я скорблю о вашей утрате, мисс Лейн. Я знаю, каково это – потерять близкого человека. Но я больше ничего не могу для вас сделать. Советую вам вернуться домой и помочь своей семье пережить этот период.

Вот и вся наша с ним встреча.

Чувствуя себя неудачницей, страстно желая сделать хоть что-то, что приведет к определенному результату, я тащи-лась обратно в мотель, чтобы забрать свои пакеты, коробки и половую щетку, а потом вызвать такси, поскольку я не смогла бы донести все это в руках, и доехать до квартиры Алины. Если уж я не способна ничего сделать как следует, я, по крайней мере, выброшу мусор. Я проделывала это каждый раз, закрывая «Кирпичный», так что это занятие было мне по плечу.

Я плакала все время, пока подметала. Жалела Алину, жалела себя, жалела весь мир, потому что в нем люди, похожие на мою сестру, могли быть убиты с такой же жестокостью, с какой убили ее.

Закончив подметать и плакать, я села на пол, скрестив ноги, и принялась упаковывать вещи. Я не могла заставить себя выбросить хоть что-то, даже то, что стоило выбросить, например, рваную одежду или сломанные безделушки. Каждую вещичку я аккуратно упаковывала и откладывала. Когда-нибудь, через много лет, я сниму эти ящики с чердака родного дома в Джорджии и тщательно их рассортирую. А

сейчас – с глаз долой, из сердца вон.

В квартире Алины я провела весь день, проделав приличную часть работы. Понадобится еще несколько дней, чтобы закончить с упаковкой, убрать квартиру и посмотреть, не нанесен ли ей ущерб, который не покроет арендная плата. К тому времени, как я собралась уходить, небо затянуло облаками и начался сильный дождь. Как назло, в поле зрения не было ни одного такси. Поскольку у меня не было зонтика и я ужасно проголодалась, я зашлепала по лужам в сторону ближайшего паба.

Я не знала, что этим поступком захлопнула книгу с описанием последних нормальных часов моей жизни.

Он сидел за столиком где-то в четырех метрах от моей кабинки, напротив маленькой женщины тридцати с хвостиком лет. Ее тусклые каштановые волосы безжизненно свисали на воротник.

Она мало чем отличалась от миллионов таких же серых мышек. Я заметила эту пару лишь потому, что внимание привлекал великолепный спутник невзрачной дамы. Закройте глаза и представьте себе парня, который одним взглядом заставит вас таять – этот был именно таким. Мы привыкли видеть пары, укомплектованные с точностью до наоборот – страстная возьми-же-меня-парень Бетти Буп¹² обычно по-

---

¹² Бетти Буп – персонаж рисованных мультфильмов. В 1932—1939 годах Paramount Pictures выпустила в общей сложности 99 короткометражных чёр-

является с Джеком Николсоном, но странно видеть Аполлона под руку с Олив Ойл¹³.

Высокий и мускулистый, с гибким загорелым телом, он был одет в линялые джинсы и белую футболку, а его длинные белокурые волосы мерцали в свете ламп, как золото.

У него было лицо экзотического манекенщика: сексуально затуманенные карие глаза, полные и чувственные губы... И все в нем было просто великолепно. Он казался элегантным, но вместе с тем очень страстным, грациозным, но сильным, умудряясь даже в линялых джинсах выглядеть богатым, как Крез.

Я чувствовала, что он буквально околдовывает меня. Его спутница была одета в довольно короткую юбку, шелковую блузу, носила разумно подобранные аксессуары, ногти на ногах щеголяли французским маникюром, но выглядела она в лучшем случае невзрачно. Однако он, похоже, был без ума от нее. И никак не мог прекратить до нее дотрагиваться.

И вдруг ко мне вернулось странное «раздвоенное зрение».

Я только что покончила со своим чизбургером и откинулась на спинку стула, ожидая жареной картошки (я люблю эту еду, по крайней мере, раньше любила, я посыпала ее огромным количеством соли и перца, заливала кетчупом, размешивала и медленно, по штучке за раз, отправляла в рот

но-белых мультфильмов о Бетти. Бетти Буп отличалась неприкрытой сексуальностью персонажа, что привлекло зрителей, но в итоге привело к закрытию проекта.

¹³ Олив (Оливия) Ойл – персонаж детских комиксов, подружка моряка Полая.

после того, как расправлялась со всем остальным на столе), и вот тут-то мне и показалось, что его жесты стали скорее липкими, чем очаровательными, а лицо голодным, а не привлекательным.

Затем, совершенно внезапно, парень исчез на несколько секунд, а его стул заняло нечто совсем другое. Это случилось так быстро, что я не поняла, что же именно заняло его место, но это точно был не он.

Я закрыла глаза, потеряла их, потом снова открыла. Белокурый бог секса вернулся, его рука поглаживала скулы спутницы, пальцы скользили по ее губам, – *пальцы с острыми желтыми когтями на руке, казавшейся рукой скелета, обтянутой серой гниющей кожей!*

Я резко замотала головой, закрыла лицо руками и начала с усилием тереть глаза, на этот раз действительно сильно, размазывая макияж. На обед я выпила два пива, а обычно мне нужно как минимум три или четыре бокала, чтобы поймать легкий кайф, пусть темный «Гиннесс» и крепче того пива, к которому я привыкла дома.

– Когда я открою глаза, – сказала я себе, – я увижу то, что сидит там на самом деле.

Я имела в виду человека, а не галлюцинацию.

Думаю, стоило добавить к пожеланию и последнее предложение, поскольку, когда я открыла глаза, я чуть не закричала. Сексуальный бог исчез, а серенькая мышка, сидевшая напротив него, прижимала к губам ладонь монстра, словно

сошедшего с экрана во время показа фильма ужасов, и целовала ее.

Костлявый, невероятно истощенный монстр был высок — я имею в виду, ростом он был около трех метров. Серый, покрытый чешуей с ног до головы, с кожей, изрытой открытыми язвами, из которых сочилась сукровица. Он был похож на человека, но это касалось лишь основных частей тела: у него были руки, ноги и голова. На этом сходство заканчивалось. Лицо монстра было вдвое длиннее человеческого, при этом оно было необычайно узким — не шире моей ладони. В черных глазах чудовища не было ни зрачков, ни белков. Когда оно заговорило, я увидела его рот, — который целиком занимал всю нижнюю часть его омерзительной морды, — внутри не было ничего розового, язык и десны были того же серого цвета, что и остальная гниющая плоть, и покрыты теми же мокнущими язвами. Губ у монстра не было, зато имелись два ряда острых, как у акулы, зубов. В общем, мерзость неимоверная.

Белокурый красавчик вернулся. И теперь он смотрел на меня. Тяжелым взглядом. Он больше не разговаривал со своей женщиной, он пялился прямо на меня. И вид у него был явно недовольный.

Я моргнула. Не знаю, откуда в тот момент пришло ко мне это знание, словно включилась давно дремавшая во мне генетическая память. Сознание словно разделилось на разные лагеря. Первый настаивал, что то, что я видела, мне просто

показалось. Второй вопил, чтобы я вскочила с места, схватила сумочку и помчалась прочь отсюда со всей доступной мне скоростью. Эти два голоса звучали умеренно истерично, даже для меня.

Третий лагерь был спокоен, хладнокровен и собран. И он решительно настаивал, чтобы я приложила все возможные усилия, чтобы не выдать себя тому, кто сидел за соседним столиком, маскируясь под человека. Если монстр поймет, что я могу видеть сквозь созданную им иллюзию, я умру.

Вот этому внутреннему голосу я повиновалась без промедления. Я заставила себя улыбнуться мужчине-твари, а потом резко наклонила голову, словно пряча румянец, вызванный тем, что на меня обратил внимание такой привлекательный человек.

Когда я вновь подняла глаза, я опять увидела серую, покрытую язвами тварь. Ее голова находилась куда выше того места, где предполагалось лицо сексуальной обманки, так что все, что я смогла – это уставиться в район пупка (которого у монстра не обнаружилось), поскольку именно туда мне полагалось смотреть, если бы я все еще видела человека. Я чувствовала, как по мне скользит подозрительный взгляд твари. Подарив пупочной области монстра еще одну скромную, застенчивую улыбку, я вернулась к картошке фри.

С тех пор я никогда ее не ела. Я заставила себя сидеть на месте и доедать всю порцию, одну палочку картошки за другой. Я заставляла себя притворяться, что гниющий монстр

— это привлекательный мужчина. Сегодня я считаю, что мой блеф сработал только потому, что я осталась тогда на месте. Но я до сих пор борюсь с тошнотой, едва увидев тарелку картошки фри.

Чудовище пожирало свою спутницу каждый раз, когда до-трагивалось до нее. Оно крало по кусочку красоты этой женщины, высасывало ее открытыми язвами на руках. Пока я ела свою картошку, я наблюдала, как ее волосы тускнеют, как тупеет выражение лица, как с каждым его прикосновением она становится все более уродливой, вялой, серой. Подозреваю, что когда-то она была ослепительно привлекательной женщиной. Я думала о том, что от нее останется, когда монстр закончит с ней. Думала о том, проснется ли она завтра утром, чтобы взглянуть в зеркало и закричать. Думала о том, узнают ли ее друзья и родные, которые помнят, как она выглядела.

Они ушли раньше меня, низенькая уродливая женщина и трехметровый монстр. Я еще долго сидела на своем месте, уставившись в свое третье пиво.

Когда я смогла подняться на ноги и заплатить по счету, я направилась к Иерихону Бэрронсу.

Было всего без двадцати восемь, но непрекращающийся ливень превратил вечер в ночь, пока я сидела в пабе. Улицы были темными и практически пустыми, лишь несколько туристов, жаждущих пива, рискнули вымокнуть до нитки, хотя вполне могли позволить себе выпить ту же пинту в холле отеля. Не лучший вечер для барменов, сегодня касса будет небольшой.

Над головой я держала сложенную газету, успевшую полностью промокнуть, пока я прыгала по лужам. К счастью, я переоделась, сменив тонкий желтый костюм, в котором ходила на встречу с инспектором О'Даффи, на джинсы, зеленую футболку с глубоким вырезом и шлепанцы, поскольку готовилась к уборке в квартире Алины. К несчастью, у меня не хватило ума взять еще и куртку. Из-за проливного дождя резко упала температура. Август в этой части Ирландии и без того был не особо теплым, особенно для девушки, привыкшей к палящему летнему солнцу южной Джорджии. Дублинское лето радовало температурой не выше двадцати градусов, а иногда, как сейчас, например, столбик термометра падал до отметки десять.

Я обрадовалась, увидев, что книжный магазин все еще сияет огнями. В тот момент я не знала, что пересекаю еще одну демаркационную линию своей жизни. Раньше мне тре-

бовалась полная темнота, чтобы заснуть, я старалась, чтобы сквозь жалюзи не пробивались блики света, чтобы стереосистема и ноутбук не отсвечивали неоновыми огоньками. Но я уже никогда не смогу заснуть в полной темноте.

Бэрронса на месте не оказалось, но там была Фиона. Она сидела за кассой, рядом переминалась с ноги на ногу очередь покупателей, но как только Фиона меня увидела, она мягко произнесла:

– Здравствуйте, милая! Только посмотрите, что с вами сотворил дождь! Не хотите освежиться? Через секунду я к вам вернусь, – добавила она, обратившись к покупателям. С застывшей улыбкой Фиона подхватила меня под локоть и практически потащила в ванную, находившуюся в задней части магазина.

Когда я увидела свое отражение в зеркале над раковиной, я прекрасно поняла ее реакцию. Я бы тоже себя оттуда утащила. Вид у меня был просто отвратительный. Макияж и подводка для глаз растеклись черными кругами около глаз. Я была бледная как полотно, всю свою помаду я благополучно «съела», зато на правой щеке красовалось большое пятно кетчупа. Я промокла до нитки, а высокий хвост, в который я утром завязала волосы, печально свисал за правым ухом. Кошмар.

Что ж, я решила привести себя в порядок. Стянув футболку, я выжала ее над раковиной, потом бумажным полотенцем промокнула бюстгальтер и вновь надела футболку. Синяки

на ребрах все еще были темными, но болели куда меньше. Я стянула волосы в нормальный хвост, потом оторвала еще бумажных полотенец и как следует вытерла лицо, аккуратно стирая черные полосы с нежной кожи вокруг глаз. Потом порылась в сумочке, достала походный набор косметики – маленькую косметичку с небольшими, но такими необходимыми любой южной красавице принадлежностями. Мама подарила такие наборы нам с Алиной на прошлое Рождество. Я нанесла на лицо увлажняющий крем, припудрилась, подвела глаза и наложила тени, потом снова покрыла губы серебристо-розовым блеском.

После чего открыла дверь, шагнула вперед и буквально ткнулась носом в грудь Иерихона Бэрронса. Я завопила. Я ничего не могла с собой поделать. Этот вопль я сдерживала слишком долго, с тех пор как увидела те странные вещи в пабе, но у меня больше не было сил держать это в себе.

Он схватил меня за плечи – думаю, он просто хотел успокоить меня, – и я ударила его. Не знаю, почему. Может, у меня была истерика. Или я просто злилась, поскольку понимала – со мной происходит что-то странное, и это мне абсолютно не нужно. Когда вокруг вас все сходят с ума, вы понимаете, что у вас большие проблемы. Это была его вина. Он был тем, кто раскрыл мне глаза на вещи, с которых все и началось. Я замолотила кулаками по чем попало. А Бэрронс просто стоял и терпел, сжимая руками мои плечи, глядя мне в лицо. Поймите меня правильно, я не сильно била его, и

он выглядел скорее раздраженным, нежели страдающим. Но он позволил мне ударить себя. И не ответил ударом на удар. Что, подозреваю, было огромной жертвой со стороны Иерихона Бэрронса.

– Что вы видели? – поинтересовался он, когда я наконец-то выбилась из сил. Я даже не спросила, как он догадался. Мы оба знали, что я вернусь к нему лишь в одном-единственном случае: если мне понадобится что-то, что я не смогу получить в другом месте – например ответы на вопросы, от которых я отказалась в прошлый раз. А значит, произошло нечто, что заставило меня передумать.

Иерихон продолжал держать меня за плечи. Сегодня его близость ощущалась по-другому, но от этого тревожила не меньше. Не знаю, доводилось ли вам выходить из машины возле порванной во время грозы высоковольтной линии у дороги. Мне приходилось. Я помню это ощущение энергии, буквально пропитавшей воздух, потрескивание искр на оборванных проводах, которые свисали до земли. Я помню, каково это – стоять возле ряда столбов, излучающих силу, которая может в любой момент оборвать жизнь. Я повела плечами, освобождаясь от его хватки.

– Отпусти меня.

Бэрронс убрал руки.

– Вы сами пришли ко мне. Помните это.

Он никогда не давал мне забыть об этом. «Вы сделали выбор, – напоминал он мне впоследствии. – Вы могли просто

уехать домой».

– Думаю, меня стошнит, – сказала я.

– Нет, не стошнит. Вы этого захотите, но не сможете. Позже вы привыкнете к этому ощущению.

Иерихон был прав. Меня не вырвало той ночью, но чувство, что я могу в любой момент выдать фонтан из пропитанной кетчупом картошки фри, так и не прошло.

– Пойдемте. – Бэрронс провел меня обратно в главное помещение магазина, остановившись у песочного цвета диванчика, на котором я сидела пару ночей тому назад. Иерихон встряхнул сложенным одеялом, которое собирался постелить на диван, чтобы я не запачкала светлую кожу обивки мокрыми джинсами. На юге больше заботятся о людях, чем о диванах – такая мелочь, которую мы называем гостеприимством. Было невозможно не заметить, что меня колотит крупной дрожью, а тонкая футболка не могла скрыть того, как съежились от холода мои соски. Мрачно взглянув на Бэрронса, я стащила одеяло с дивана и завернулась в него сама. Теми же молниеносными движениями, которые он демонстрировал раньше, Бэрронс схватил еще одно одеяло и успел постелить его на диван прежде, чем я хлопнулась мокрым задом на обивку. Затем Иерихон опустил на стул напротив. Фионы не было видно, окна были закрыты. «Книги и сувениры Бэрронса» закрылись на ночь.

– Рассказывайте, – сказал Иерихон.

Я рассказала о том, что видела. Как и раньше, он задал

мне кучу вопросов, заставляя припоминать малейшие детали. На этот раз Бэрронс был удовлетворен моей наблюдательностью. Даже если раньше я была не очень внимательной, встреча со Смертью произвела на меня сильнейшее впечатление.

– Это не Смерть, – сказал Иерихон. – Это Серый Человек.

– Серый Человек?

– Я не знал, что он здесь, – пробормотал Бэрронс. – Понятия не имел, что все зашло так далеко.

Он потер подбородок, явно опечалившись тому, как повернулась ситуация.

Я покосилась на него.

– Что у тебя на руках, Бэрронс? Кровь?

Он застыл, взглянул сначала на меня, потом на свою руку.

– Ах да, – сказал Иерихон, словно только сейчас вспомнил. – Я выходил на прогулку. Увидел на улице собаку, которую сбила машина. И отнес ее умирать в магазин ее хозяина.

– О.

Чудесам несть числа. Иерихон Бэрронс куда больше походил на человека, который добьет эту собаку на месте, чтобы не мучилась, свернув ей шею или сильно пнув в правильно выбранное место, но чтобы он брал в расчет человеческий фактор? Позже я узнала, что интуиция меня не подвела, не было той ночью никакой собаки. Кровь на его руках была человеческой.

– Так что это за Серый Человек?

– То, что вы и подумали. Он выбирает самых красивых людей из тех, кого только может найти, а потом постепенно крадет их красоту, пока в результате не остается ничего.

– Зачем?

Бэрронс пожал плечами.

– А почему бы и нет? Это природа Невидимых. Им не нужны ни причины, ни соответствия. Они Темные. В древних легендах говорится, что Серый Человек был настолько отвратителен, что даже его собственный народ смеялся над ним. Он крадет чужую красоту, поскольку завидует ей и ненавидит. Как и большинство Темных эльфов, он уничтожает только потому, что может это сделать.

– А что случается с женщинами, когда он заканчивает свое дело?

– Подозреваю, что большинство из них совершают самоубийство. Красивые женщины редко сохраняют в себе достаточно сил, чтобы жить, лишившись своего яркого оперения. Стоит оципать их перышки, и они гибнут. – Бэрронс посмотрел на меня, и это был взгляд судьи, присяжных и палача. Я не справилась с сарказмом, и он затопил мой голос:

– Польщена тем, что ты считаешь меня красавицей, Бэрронс, но позволь заметить, что я все еще жива. Я повстречалась с Серым Человеком, и я все еще здесь, такая же привлекательная, как и раньше, кретин!

Иерихон приподнял одну бровь.

– Что у вас со зрением, мисс Лейн?

Трюк не сработал. Я никогда раньше не называла людей «кретинами». Ну что ж. У меня был тяжелый день. Прости, мама.

– Что со мной не так? Это не предложение перечислить недостатки моего характера. Он слабо улыбнулся.

– Я уже говорил вам. Вы ши-видящая, мисс Лейн. Вы видите эльфов. Думаю, вы способны видеть как Темных, так и Светлых, хотя до сих пор вам встречалась лишь отвратительная часть их расы. Будем надеяться, что это продолжится еще какое-то время, достаточное для того, чтобы я подготовил вас. Видимые, или Светлые эльфы, так же невообразимо прекрасны, как отвратительны их темные сородичи.

Я покачала головой.

– Это невозможно.

– Вы пришли ко мне, мисс Лейн, именно потому, что знаете, что это не так. Так что можете тратить свои силы на самообман, ища способы отрицать то, что вы видели этой ночью, или можете поискать способ остаться в живых. Помните, что я говорил вам о ходячих жертвах? Вы видели, как одну из них пожирала этой ночью. Кем вы хотите быть, мисс Лейн? Тем, кто выживает, или жертвой? Откровенно говоря, я не уверен, что даже я смогу сделать что-то приличное из вас, учитывая сырость материала, с которым приходится работать, но я единственный человек, который может попытаться вам помочь.

– Ты просто больной.

Он пожал плечами.

– Я просто называю вещи своими именами. Привыкайте. Пробудете рядом со мной довольно долгое время и, может быть, научитесь быть благодарной за это. – Он поднялся и направился к дальней стене магазина.

– Куда ты?

– В ванную. Помыть руки. Боитесь оставаться в одиночестве, мисс Лейн?

– Нет, – солгала я.

Отсутствовал он достаточно долго, чтобы я начала беспокойно следить за тенью в углах комнаты, пытаюсь удостовериться, что это просто тени, которые отбрасывают стоящие в магазине предметы. И эти тени не собираются нарушать законов физики.

– Ладно, – сказала я, когда Иерихон вернулся. – Давай на несколько минут представим, что я купилась на эту милую сказочку. Где были все эти монстры в течение всей моей жизни? Бродили повсюду, а я просто не замечала раньше их присутствия?

Он бросил в меня комом одежды. Ком ударил меня в грудь.

– Одевайтесь. Я не сиделка. Если вы простудитесь, останетесь в одиночестве.

Хоть я и была благодарна за одежду, но все равно считала, что ему не повредит пара уроков хороших манер.

– Какая трогательная забота, Бэрронс.

Я практически бегом отправилась в ванную, чтобы переодеться. Я замерзла, я дрожала, и одна мысль о том, что я могу заболеть в Дублине, в крошечной мерзкой комнатухе, в одиночестве, без маминого куриного бульона с лапшой и без нежной заботы, приводила меня в отчаяние.

Свитер цвета слоновой кости, который Бэрронс дал мне, был связан вручную из шелка и шерсти и оказался почти вдвое больше нужного размера. Я четыре раза подворачивала рукава. Черные льняные штаны были просто насмешкой. У меня шестьдесят сантиметров в талии. У Иерихона же было девяносто сантиметров в поясе, а его ноги были сантиметром на двадцать длиннее моих. Я закатала штанины, вытащила из своих джинсов ремень и затянула штаны в сборки на талии. Мне было все равно, как я выгляжу. Мне было сухо, и я наконец начала согреваться.

– Итак?

Оказалось, он уже убрал одеяло с дивана и повесил его сушиться, так что я, скрестив ноги, уселась на подушки с кисточками, решив продолжать наш разговор без преамбулы.

– Я уже говорил вам об этом. Должно быть, вы росли в настолько маленьком и неинтересном городке, что его ни разу не посещали эльфы. Вы ведь наверняка не много путешествовали, мисс Лейн?

Я покачала головой. Провинция с большой буквы «П» – это не только обозначение моего родного городка, это еще и мой диагноз.

– Кроме того, эти монстры, как вы их назвали, появились здесь недавно. Изначально только Светлые были способны свободно перемещаться в слоях реальности. Невидимые, прибывшие на нашу планету, тут же оказывались в их тюрьме. Те немногие, которые оставались на свободе, могли действовать исключительно по приказу Видимой Королевы и ее Верховного Совета.

Я заиклилась на одной его фразе.

– Прибывшие на нашу планету? – переспросила я. Потом минутку поразмыслила над этим. – Понятно. То есть эти монстры на самом деле просто космические туристы. И как глупо с моей стороны раньше этого не понять! А сквозь время они тоже умеют перемещаться, а, Бэрронс?

– Вы же не думаете, что они местные, не правда ли? – Он умудрился произнести это еще более сухо, чем я. Не думала, что такой тон вообще возможен. – Что же касается путешествий во времени, мисс Лейн, то ответ будет «нет, не сейчас». Однако раньше Светлые умели это делать, – те из них, кто принадлежал к королевским домам. Но различные события имеют обыкновение происходить внезапно. Непредвиденные события. Никто в точности не знает, что именно произошло и кто находится у власти в данный момент, но факты таковы, что эльфы больше не могут управлять временем. Впервые за многие века они оказались заперты в настоящем, так же как вы и я.

Я смотрела на Бэрронса. Это должно быть шуткой, глу-

мым ответом на мой глупый вопрос. У меня вырвался приглушенный смешок.

– Господи, неужели ты говоришь серьезно? То есть ты действительно веришь в...

Иерихон вскочил со стула одним молниеносным движением.

– Что вы видели в пабе, мисс Лейн? – спросил он. – Вы так быстро об этом забыли? Или вы решили продолжать игру со столь милым вашему сердцу самообманом?

Я тоже поднялась на ноги, скрестив руки на груди и высоко подняв подбородок.

– Возможно, у меня была галлюцинация, Бэрронс. Возможно, я все-таки простудилась, у меня лихорадка и я сейчас лежу в своей комнате в мотеле, брежу. А может, я СОШЛА С УМА!

Меня даже затрясло от силы, с которой я выкрикнула последние слова.

Он пнул стол, стоявший между нами, лежавшие на століке книги разлетелись в стороны, а сам Бэрронс внезапно оказался нос к носу со мной.

– Скольких из них вы должны увидеть, мисс Лейн, чтобы поверить? По одному в день? Это можно устроить. А может быть, вам нужно немедленное напоминание? Пойдемте, давайте-ка я свожу вас прогуляться.

Он схватил меня за руку и потащил к двери. Я попыталась упереться ногами, но я забыла шлепанцы в ванной, и босые

ноги скользили по отполированному паркету.

– Нет! Отпусти меня! Я не хочу туда идти! – Я отчаянно колотила Бэрронса по руке и по плечу. – Я не пойду на улицу!

– Почему же нет? Ведь это просто тени, мисс Лейн. Помните? Вы сами это сказали. Стоит ли мне отвести вас в заброшенный район и оставить там наедине с этими тенями? Тогда вы мне поверите?

Мы были у самой двери. Он начал выдвигать засовы.

– Почему ты издеваешься надо мной?! – закричала я.

Его рука застыла над третьим засовом.

– Потому что у вас лишь одна возможность остаться в живых, мисс Лейн. Вы *должны* поверить, вы *должны* бояться, иначе вы просто зря тратите мое время. Идите к дьяволу со своим «давай представим, что я купилась на твою сказочку». Если вы не можете сказать «расскажи мне, научи меня всему, я хочу жить», тогда убирайтесь отсюда ко всем чертям!

Я готова была расплакаться. Я готова была свалиться кулем у этой двери и захныкать: «Пожалуйста, сделай так, чтобы этого не было! Я хочу вернуть свою сестру, я хочу вернуться домой и забыть о том, что я сюда приезжала. Я хотела бы никогда тебя не встречать. Я хочу, чтобы моя жизнь стала такой же, как раньше!»

– Иногда, мисс Лейн, – сказал Бэрронс, – нужно уметь порвать со своим прошлым и принять свое будущее. Это никогда не бывает просто. Но это главная черта, отличающая способных выжить от жертв. Чтобы выжить, следует забыть

о прошлом. – Он отодвинул последний засов и распахнул дверь.

Я закрыла глаза. И пусть я знала, что я действительно видела этой ночью, часть меня все еще сопротивлялась этому знанию. Мозг отчаянно работал, отказываясь принять возможность существования того, что противоречило его основным убеждениям, а монстроподобные эльфы из Открытого Космоса никак не вписывались в мои понятия о жизни. Ты растешь и думаешь, что все в этом мире имеет смысл – и неважно, что ты не знаешь законов, по которым развивается этот мир, – ты просто уверен, что где-то есть чокнутый ученый, который все эти законы знает, и тебе этого достаточно, чтобы чувствовать себя комфортно.

Я понимала, что ни один ученый в мире не поверит моей истории, и не чувствовала ни малейшего комфорта. Однако я не думала, что мне станет комфортнее, если я умру той же смертью, что и Алина.

Я не могла искренне произнести: «Расскажи мне, научи меня всему», поскольку все, чего я хотела, – это заткнуть уши и по-детски забормотать: «Я тебя не слышу, я тебя не слышу».

Но я искренне могла заявить, что хочу жить.

– Ладно, Бэрронс, – грустно сказала я. – Закрой дверь. Я слушаю.

Эльфы, известные также как Туата Де Данаан. Раз-

делены на два двора: Видимый, или Двор Света, и Невидимый, или Темный Двор. К обоим дворам относятся различные кланы эльфов, каждой кастой управляет королевский дом. Всего королевских домов четыре. Видимая Королева и избранный ею супруг управляют Светлым Двором. Темными управляют Темный Король и его нынешняя любовница.

Я посмотрела на запись в своем блокноте, и покачала головой. Я сидела в четырнадцатом по счету баре, причем не за день, а всего лишь за ранний вечер. Я перебиралась из паба в паб, в надежде, что «двойное зрение» вернется. До сих пор мне с этим не везло, и чем дольше я не видела ничего странного, тем невероятнее казались события прошлой ночи. Я как сумасшедшая заполняла страницы дневника.

Тени: одна из низших каст Невидимых. Могут чувствовать, но неразумны. Они голодны – они питаются. Они не выносят прямого попадания света, поэтому охотятся только по ночам. Они похищают жизнь тем же способом, каким Серый Человек похищает красоту, осушают своих жертв с вампирским проворством. Оценка угрозы: смертельны.

Иерихон Бэрронс многое рассказал мне прошлой ночью, после чего затолкал в такси и отправил в «Кларин-хаус». Я решила все это записать, сильно опасаясь, что записи будут

выглядеть как нечто, увиденное в фантастическом сериале с плохим сценарием.

Королевские Охотники: средняя каста Невидимых. Разумны и агрессивны, внешне полностью подходят под классическое описание Дьявола: раздвоенные копыта, рога, вытянутые, похожие на козлиные, морды, кожистые крылья, хвосты, светящиеся оранжевые глаза. Их первоочередная функция: уничтожение ши-видящих. Оценка угрозы: смертельны.

Что ведет нас к следующему приколу:

Ши-видящие: люди, на которых не действует магия эльфов, способные видеть сквозь иллюзии, или «чары», с помощью которых эльфы скрывают свою истинную сущность. Некоторые ши-видящие способны также видеть Тавры, тайные порталы между реальностями. Некоторые способны чувствовать близость объектов сил, принадлежащих Видимым и Невидимым. Каждый ши-видящий индивидуален, различны степени чувствительности к близости эльфов. Некоторые ограничены, некоторые наделены несколькими «особыми силами».

Я фыркнула. Особыми силами. Кто-то явно насмотрелся фантастики, и этот кто-то – точно не я. Прикол в том, что

я являюсь одной из этих личностей. Согласно утверждениям Бэрронса, «Истинное Зрение» передается по наследству. Он считает, что Алина тоже обладала такой способностью и именно поэтому ее убил кто-то из замеченных ею эльфов.

Я закрыла блокнот. Он был заполнен ровно на две трети. Скоро придется покупать новый. Первая половина записей содержала мои попытки справиться с отчаянием вперемишку с бессвязными воспоминаниями об Алине. Следующие тридцать или около того страниц пестрели списками и идеями по поводу того, как выследить ее убийцу.

А последние страницы были заполнены полной ерундой, которую я все же аккуратно записала. Мама с папой, если когда-нибудь доберутся до меня, запрут свою дочь в комнате и накачают лекарствами. «Мы не знаем, что случилось, доктор. – Я почти слышала, как папа говорит это, держа в руках мой дневник. – Она уехала в Дублин и сошла с ума». Внезапно я поняла, почему Алина всегда прятала свои дневники.

Я моргнула и повторила про себя: *«Алина всегда прятала свои дневники»*.

Ну конечно же, как я могла забыть?

Алина всю жизнь вела дневник. С тех пор как мы были детьми, она ни дня не провела без того, чтобы не сделать в нем запись. Обычно я заставляла ее за этим занятием перед тем, как мы закрывались на ночь в своих комнатах, – она писала, лежа на кровати. «Когда-нибудь я дам тебе это прочитать, Младшая», – говорила она мне. Когда мы бы-

ли детьми, она называла меня Маленький Мак (в противоположность Биг Маку), но когда мы подросли, кличка сменилась на Младшую. «Прочитаешь, когда тебе стукнет восемьдесят и будет слишком поздно *перенимать у меня* плохие привычки». Она смеялась, и я смеялась тоже, поскольку у Алины не было плохих привычек и мы обе об этом знали. Дневник был ее главным поверенным, ее самым близким другом. Она доверяла ему секреты, о которых никогда не говорила мне. Я знала об этом, поскольку нашла несколько ее тетрадей. Когда я подросла, я перестала охотиться за дневниками сестры, но она не переставала прятать их. Думаю, самые ранние свои записи Алина спрятала в закрытом ящике на чердаке, и она все время дразнила меня, говоря, что я никогда не смогу найти ее последний, самый лучший тайник.

– О нет, я его найду, – поклялась я. Я найду его, даже если для этого мне придется разобрать ее квартиру по кирпичику.

Не могу верить, что я раньше не додумалась до этого – ведь где-то в Дублине есть тетрадь, в которой описан каждый день из жизни моей сестры. Алина наверняка записывала все, начиная с самого приезда, и там уж точно есть все о том таинственном человеке, с которым она встречалась, – но я была ослеплена своим желанием договориться с «Гардой», упаковкой вещей и теми странными событиями, которые со мной произошли.

Внезапно я ощутила страх... А что, если квартиру Алины ограбили? Что, если тот, с кем она встречалась, знал, что она

ведет дневник, и тоже искал его? Неужели я опоздала?

У меня и так ушло немало времени на обдумывание сложившейся ситуации. И я не собиралась терять ни секунды. Я бросила на столик деньги, схватила свой дневник и сумочку и рванулась к двери.

Оно стояло там – просто стояло в темноте, но мне-то, черт его дери, откуда было об этом знать? – когда я торопливо завернула за угол.

Я изо всех сил спешила к квартире Алины, я хотела найти ее дневник и доказать себе, что ее убийцей был абсолютно нормальный – хоть и чокнутый – человек, а не какой-то мистический монстр. Если бы я завернула за угол и столкнулась с человеком, я бы испугалась. Но, завернув за угол, я налетела на нечто, по сравнению с которым Серый Человек был идеальным кандидатом в спутники на выпускной бал.

Мое «двойное зрение» запоздало всего на удар сердца, так что я увидела монстра лишь после того, как столкнулась с ним.

Я попыталась увернуться, но не успела. Я врезалась в него плечом, отскочила назад и по инерции отлетела к стене дома. Я оцепенела, оказавшись на четвереньках на тротуаре. Меня скрутил такой ужас, что я могла лишь внутренне сжиматься и смотреть. Чары, которыми пользовалась эта тварь, были такими слабыми, что они либо не долетали до меня, либо просто не действовали. Я понятия не имела, как оно может кого-нибудь обмануть.

Как и у Серого Человека, у этой твари наличествовало большинство нужных частей тела. Но, в отличие от Серого Человека, в данном случае были еще и дополнительные. Некоторые части были меньше, чем нужно, некоторые – несоразмерно большими. У него была огромная безволосая голова, покрытая дюжинами глаз. Ртов у этой штуки было больше, чем я могла сосчитать, – по крайней мере, именно ртами я сочла розовые, похожие на пиявок щупальца, которые покрывали его уродливую голову и большую часть живота – я видела, как блестят острые зубки в этих мокрых морщинистых отверстиях. Отростки тянулись ко мне, явно испытывая голод. Четыре длинные тонкие руки росли из бочкообразного тела, еще две слабые маленькие ручки беспомощно свисали по бокам. Чудовище опиралось на ноги, больше похожие на стволы деревьев, а мужской половой орган был распухшим и гротескно огромным. Я имею в виду, что он был размером с бейсбольную биту и болтался где-то между колен твари.

Я с испугом поняла, что оно смотрит на меня с вожделем – всеми своими глазами и всеми своими ртами. И ужаснулась, когда оно опустило руки и начало теревить и поглаживать свой член.

Я не могла пошевелиться. Я все еще стыдилась таких вещей.

Каждому человеку интересно, как он станет вести себя в критической ситуации – способен ли он драться или просто

притворяется, что где-то глубоко внутри, под ворохом магнолий, в нем скрыт стальной стержень. Теперь я знала правду: во мне такого стержня нет. Только лепестки и пыльца, годные на то, чтобы привлечь насекомых, которые помогут с опылением и производством потомства и обеспечат выживание вида, но бесполезные при самозащите. В конце концов, я всего лишь Барби.

Все, на что меня хватило, это на сдавленный писк, когда чудовище потянулось ко мне.

– Это начало входить у вас в привычку, мисс Лейн, – сухо сказал Бэрронс, бросая на меня короткий взгляд поверх книги, которую он изучал, когда я вломилась в магазин.

Я захлопнула дверь за своей спиной и тут же обернулась, задвигая все засовы.

Он поднял голову от книги на звук щелкнувшего замка и входящего в пазы засова, после чего положил книгу на стол.

– Что случилось?

– Меня сейчас стошнит. – Мне нужно было в ванную. Под обжигающий душ, вымыться со щелочью. Возможно, сотни таких душ будет достаточно, чтобы отмыться.

– Нет, вас не стошнит. Сконцентрируйтесь. Приступ скоро пройдет.

Я подумала о том, действительно ли он уверен в своих словах или просто пытается заговорить мне зубы, чтобы спасти от возможных неприятностей свой обожаемый диван и

свои бесценные ковры.

– Что случилось? Вы бледная как полотно!

Я взглянула на Фиону, которая сидела за конторкой кассы.

– При ней можно говорить свободно, – сказал Бэрронс.

Я подошла к конторке и прислонилась к ней, ища опору.

Ноги у меня дрожали, а колени подгибались.

– Я видела еще одного, – сказала я.

Бэрронс поворачивался вслед за мной, пока я двигалась.

Теперь он остановился спиной к нагруженным, покрытым замысловатым орнаментом книжным полкам.

– И что? Я предупреждал вас, что это случится. Что вас так напугало? Именно в этом все дело? Оно просто напугало вас?

Я сделала глубокий вдох, борясь с подступающими слезами.

– Оно знает, что я его видела.

У Бэрронса отвисла челюсть. Несколько длинных секунд он просто смотрел на меня. Потом повернулся и с такой силой врезал кулаком по деревянным полкам, что книги посыпались на пол, ряд за рядом. Когда он снова повернулся ко мне, его лицо исказилось от ярости.

– Черт побери! – взорвался он. – Не-хрено-ятно! Вы, мисс Лейн, представляете собой угрозу для всех остальных! Ходячую, говорящую катастрофу в розовом!

Если бы взглядом можно было воспламенять, на моем месте осталась бы лишь кучка пепла.

– Вы разве не слышали, что я вчера вам говорил? Или вы даже не слушали?

– Я слышала каждое твое слово, – сухо ответила я. – И, кстати говоря, я вовсе не всегда ношу розовое. Я люблю персиковый и лавандовый цвета. Ты предупреждал меня о Серых Людях, об Охотниках и Тенях. Но ты и словом не обмолвился о том, что мне встретилось.

– И насколько хуже оно оказалось? – недоверчиво спросил Бэрронс.

– Намного, – ответила я. – Ты и представить себе не можешь.

– Опишите его.

Я описала так кратко, как только могла, немного запинаясь на пропорциях некоторых частей тела. Меня все еще тошнило при одном воспоминании о тех вещах, которые я перечисляла, и о том, при каких обстоятельствах я это видела. Закончив описание, я спросила:

– Что это было?

Как оно *убивает*? – вот что я действительно хотела знать. Мне все равно, как оно называется. Я вообще не хочу видеть таких, как оно. Но меня интересовали те способы, которыми меня могли убить. Особенно учитывая то настроение, с которым это существо ко мне направлялось. Лучше уж пусть я достанусь Серому Человеку, или пусть меня поймают Тени. Я не шучу, хоть Королевским Охотникам меня отдавайте. Пусть с меня снимут кожу и поджарят, как они не раз про-

дельвали с другими, по словам Бэрронса.

– Не имею понятия. Оно было одно или в компании?

– Оно было одно.

– Вы абсолютно уверены, что оно узнало о том, что вы его видите? Вы не могли ошибиться?

– О нет. Никаких сомнений. Оно ко мне прикоснулось. – Я передернулась при воспоминании об этом.

Иерихон глухо, невесело хохотнул.

– Смешно, мисс Лейн. А теперь расскажите, что на самом деле произошло.

– Я только что рассказала. Оно ко мне прикоснулось.

– Невероятно, – заметил он. – Если бы оно это сделало, вы бы тут не стояли.

– Я говорю чистую правду, Бэрронс. С какой стати мне лгать? Эта тварь схватила меня.

Я очень хотела помыться, особенно оттереть мочалкой ладони, поскольку я тоже дотронулась до твари, пытаюсь вырваться из ее лап. Кожа монстра напоминала шкуру рептилии, она сочилась слизью, и я подошла достаточно близко, чтобы заметить конвульсивно дергающиеся слюнявые рты.

– И что потом? Оно сказала «Ах, простите, мисс Лейн. Я не хотело помять вашу милую блузку. Могу я погладить ее для вас? Или вы разгладите эту складочку своим милым розовым ноготком?»

Мне стало очень интересно, что Бэрронс имеет против розового цвета, но я догадывалась, почему в его голосе столь-

ко сарказма. Я тоже не могла понять, что потом произошло, хоть и размышляла над этим последние полчаса. Произошло то, чего я никак не ожидала.

– Честно говоря, – сказала я, – меня тоже это удивило. Оно схватило меня, а потом просто застыло, и... если бы оно было человеком, я бы сказала, что оно выглядело смущенным.

– Смущенным? – повторил Иерихон. – Невидимый стоял там и выглядел смущенным? То есть сбитым с толку, расстроенным, испуганным?

Я кивнула.

Из-за моей спины прозвучал голос Фионы:

– Иерихон, это не лишено смысла.

– Я знаю, Фиа, – голос Бэрронса заметно потеплел, когда он обратился к ней. Но когда его внимание переключилось на меня, его слова снова резали, словно нож. – Итак, оно выглядело смущенным. И что потом, мисс Лейн?

Я пожала плечами. Пока эта тварь стояла там, застыв на полпути, я наконец-то – *наконец-то* – почувствовала, что и во мне есть стальной стержень.

– Я толкнула монстра в живот и побежала. Он погнался за мной, но не сразу. Думаю, он простоял там не меньше минуты. Я оторвалась довольно далеко, потом мне удалось поймать такси и уехать. Я попросила таксиста покружить по районам, чтобы убедиться, что за нами нет хвоста. – А еще я пыталась понять, что со мной произошло. Меня схватила сама Смерть, а потом подарила мне отсрочку, и я не понимала

почему. И не могла думать ни о чем, кроме того, что есть человек, который способен все мне объяснить. – А потом я приехала к вам.

– Ну хоть один разумный поступок со дня приезда вы сподобились совершить, – пробормотал Бэрронс. Потом шагнул ко мне, рассматривая так, словно я была редкой монеткой, которая раньше ему не встречалась. – Что же вы такое, мисс Лейн?

– Я не знаю, что ты имеешь в виду.

«Ты даже не знаешь, кто ты такая!» – сказала Алина в своем сообщении. «Если ты не можешь держать себя в руках и не гордишься своим происхождением... иди и умри где-нибудь в другом месте...» – прошипела старая женщина в баре. А теперь еще и Бэрронс намекает на то, что я не та, кем себя считаю.

– Я работала барменом. Я люблю музыку. Мою сестру недавно убили. И с тех пор, похоже, я сошла с ума, – последние слова я произнесла совершенно спокойно, как бы между прочим.

Иерихон взглянул на Фиону, которая по-прежнему стояла у меня за спиной.

– Посмотри, может, найдутся записи, хотя бы приблизительно описывающие подобные явления.

– Мне не нужно этого делать, Иерихон, – сказала она. – Ты и сам знаешь, что такие записи есть.

Он покачал головой.

– Она не может оказаться Нулем, Фиа. Нули – это миф. Смех Фионы оказался воздушным, музыкальным.

– Вот именно. Как и многое другое. Но разве они миф, Иерихон?

– Что за Нуль? – спросила я.

Бэрронс проигнорировал мой вопрос.

– Мисс Лейн, опишите этого Невидимого еще раз, для Фионы, и попытайтесь вспомнить как можно больше деталей. Возможно, ей удастся идентифицировать его.

Затем он обратился к Фионе:

– После того как вы здесь закончите, покажи мисс Лейн ее комнату. Завтра нужно будет купить ножницы и каталог красок для волос, из которого она выберет нужное.

– Комнату?! – воскликнула Фиона.

– Ножницы?! Краску для волос?! – возопила я. Мои руки непроизвольно взлетели к волосам. Надо же, а часть на счет комнаты мне сначала даже понравилась. Но у меня свои приоритеты.

– Не можете смириться с потерей чудесных перышек, мисс Лейн? А чего вы ожидали? Оно знает, что вы его видели. И не прекратит поиски до самой смерти – его или вашей. И, поверьте мне, его очень сложно, если вообще возможно, убить. Вопрос в том, свяжется ли оно с Охотниками, или будет искать вас само. Если вам повезет, оно окажется родственником Серого Человека. Низшие касты предпочитают охотиться в одиночку.

– То есть оно может и не сказать обо мне остальным Невидимым? – У меня появился слабый проблеск надежды. Одного Невидимого я еще переживу, но мысль о том, что за мной будут охотиться толпы чудовищ, заставила бы меня сдаться, даже не начав борьбу. Я легко могла представить орды жутких существ, поджидающих меня в дублинской ночи. Да я умру от инфаркта прежде, чем они меня найдут!

– Они столь же разобщены, как и люди, – сказал Бэрронс. – Эльфы, в частности Невидимые, доверяют друг другу не больше, чем вы можете доверять льву, с которым вас заперли в одной клетке.

Или Иерихону Бэрронсу, думала я четверть часа спустя, когда Фиона проводила меня в комнату. Именно так я себя и чувствовала, готовясь остаться на ночь в «Книгах и сувенирах Бэрронса», – словно собираюсь заночевать в логове льва. Из огня да в полымя. Это обо мне. И все же, по размышлении, я решила не возражать, поскольку я могла либо остаться здесь, либо вернуться в одиночестве в комнату мотеля. И уж лучше я останусь здесь, поскольку это сводит к минимуму шансы умереть в одиночестве и пролежать несколько дней незамеченной, как это произошло с моей сестрой.

Книжный магазин оказался гораздо длиннее, чем я думала, глядя на него с улицы. И задняя часть здания была не продолжением магазина, а жилым помещением. Фиона быстро открыла одну дверь, пропустила меня в короткий коридор, затем открыла вторую дверь, и мы оказались в частной ре-

зиденции Бэрронса. У меня создалось впечатление невероятного богатства, однако рассмотреть всего я не успела. Фиона торопливо провела меня через переднюю, по коридору, а затем направилась прямо к лестнице.

– Вы тоже их видите? – спросила я, когда мы, пролет за пролетом, поднимались на верхний этаж.

– В каждой мифе есть зерно истины, мисс Лейн. Я занимаюсь книгами и артефактами, которые никогда не попадут в музеи и библиотеки, явлениями, которым ни один археолог или историк не сможет найти объяснения. Множество реальностей граничит с той, которую мы привыкли называть своей. Большинство людей слепо проходят по жизни и не видят дальше собственного носа. Но некоторые отличаются от них.

Эти слова ничего мне про нее не сказали, но она явно излучала тепло и дружелюбие, направленные на мою скромную персону, так что я не стала на нее давить. После того как Бэрронс ушел, я снова описала ту тварь. Фиона записывала информацию очень быстро, изредка поднимая на меня глаза. Затем она окинула меня крайне неодобрительным взглядом, поджав губы, – так обычно смотрела мама, когда была чем-то недовольна. Я была уверена, что ее недовольство касалось лично меня, но не могла понять, чем именно я его вызвала.

Мы остановились у двери в самом конце коридора.

– Вот. – Фиона протянула мне ключ и повернулась в сторону лестницы.

– О, и еще одно, мисс Лейн, – сказала она, обернувшись

через плечо. — На вашем месте я бы закрылась.

В подобных советах я не нуждалась. Кроме того, я подперла дверную ручку спинкой стула. Я бы добавила к баррикаде и шкаф, но он оказался слишком тяжелым для меня.

Окна спальни на четвертом этаже выходили на аллею, начинавшуюся сразу за магазином.

Справа аллея тонула в темноте, слева — в непроглядном мраке, разрезанная напополам мощеными дорожками, которые обегали дом с разных сторон. За аллеей располагалось одноэтажное здание, похожее на склад или на огромный гараж, его стеклянные блоки были замазаны черной краской, так что невозможно было определить, что находится внутри. Прожекторы были направлены в промежуток между домами и ярко освещали дорожки, ведущие от двери к двери. Подо мной раскинулся Дублин — целое море крыш, теряющихся в ночном небе. Слева лишь несколько фонарей пронизывали тусклым светом темный покров ночи, напоминая, что та часть города мертва. Я с радостью обнаружила, что в задней части дома нет пожарной лестницы. Не думаю, что кто-то из Невидимых сможет забраться по глухой кирпичной стене. Окрылатых Охотниках я намеренно не вспоминала.

Я дважды проверила все замки и задернула шторы.

Потом вытащила из сумки расческу, села на кровать и начала расчесывать волосы. Я долго трудилась над ними, и в результате они засияли, словно белый шелк.

Мне будет их не хватать.

«Не выходите из магазина до моего возвращения», – говорилось в записке, которую ночью просунули под мою дверь.

Я с раздражением скомкала ее. Ну и что я должна есть? Уже десять часов утра. Я долго спала и изрядно проголодалась. И я принадлежу к тому типу людей, которым сразу после пробуждения требуется завтрак.

Убрав стул, подпиравший ручку, я открыла дверь. Хотя мое специфическое южное воспитание и противилось идее прогулки по чужому дому без разрешения, для того чтобы привыкнуть к новому месту, я не видела иного выхода, кроме как отправиться на поиски кухни. Если я слишком долго просижу тут без еды, у меня разыграется дикая мигрень. Мама говорила, что это из-за моего быстрого обмена веществ.

Открыв дверь, я обнаружила, что кто-то обо мне позаботился, пока я спала. Пакет из бакалеи, бутылка латте¹⁴ и все мои вещи стояли у самой двери. На Юге еда из магазина, оставленная у двери, – это не любезность, это обида. Несмотря на наличие моих личных вещей, Бэрронс не мог бы выразиться яснее: здесь не твой дом. Держись подальше от мо-

---

¹⁴ Латте (latte) – Эспрессо с добавлением горячего молока и молочной пены. Подается в высоких стаканах с соломинкой. Латте принято делать слоеным, не перемешивая кофе с молоком. В латте могут также добавлять различные сиропы – шоколадный, ванильный и проч.

ей кухни, говорила эта сумка, и не разгуливай по дому. На Юге это означало: уходите до обеда, а лучше всего – прямо сейчас.

Я съела пару круассанов, выпила кофе, оделась и проделала обратный путь в книжный магазин. По дороге я даже не смотрела по сторонам. Все любопытство, которое мог бы пробудить во мне Бэрронс, было властно отодвинуто в сторону моей гордостью. Он не хочет видеть меня здесь – ладно, я тоже не хочу здесь находиться. Кстати, я не могла бы с уверенностью сказать, почему я все-таки оказалась здесь. То есть я знала, почему я осталась, но не имела ни малейшего понятия, почему он мне это позволил. Я не настолько глупа, чтобы подумать, будто Иерихон Бэрронс обладает хоть каплей рыцарства, так что вытаскивание девиц из беды явно не его стезя.

– Почему ты помогаешь мне? – спросила я его прошлым вечером, когда он вернулся в магазин. Мне было интересно, где он был. Я сидела там же, где провела весь день: в дальнем углу магазина, неподалеку от ванной и дверей, которые вели в жилую часть дома Бэрронса. Меня практически не было видно. Я притворялась, что читаю, а на самом деле пыталась придать смысл своей жизни и выбрать что-то из каталога красок для волос, который привезла мне Фиона, когда приехала открывать магазин. Она проигнорировала мои попытки завязать разговор и за весь день ни разу не заговорила первой, если не считать предложения съесть сэндвич на

обед.

В десять минут девятого она закрыла магазин и ушла. Несколько минут спустя появился Бэрронс.

Он опустился на стул напротив: элегантный и самоуверенный, в сшитых на заказ черных брюках, черных ботинках и белой шелковой рубашке, которую он не потрудился застегнуть. Белоснежная ткань контрастировала с общим колоритом, из-за чего зачесанные назад волосы казались иссиня-черными, глаза – выточенными из обсидиана, а кожа – бронзовой. Рукава были закатаны, открывая запястья, одно крепкое предплечье украшали платиновые часы с бриллиантами, второе – широкий чеканный металлический браслет, который выглядел очень древним и очень кельтским. Высокий, темный, Иерихон был откровенно сексуальным, – я полагала, что некоторые женщины сочли бы его невообразимо привлекательным, – и излучал свою обычную тревожную энергию.

– Я не помогаю вам, мисс Лейн. Я льщу себя надеждой, что вы можете быть мне полезной. Если я прав, то вы нужны мне живой.

– Как я могу оказаться полезной?

– Мне нужна «Синсар Дабх».

Мне тоже. Но я не понимала, каким образом мои шансы добраться до нее перевешивают шансы Бэрронса. К тому же, в свете последних событий, я вообще не считала возможным самой заполучить эту проклятую штуку. В чем я могу ему

пригодиться?

– И ты думаешь, что я как-то смогу помочь?

– Возможно. Почему вы до сих пор не изменили внешность, мисс Лейн? Разве Фиона не привезла вам все необходимое?

– Я думала, что смогу обойтись бейсболкой.

Бэрронс смерил меня холодным взглядом с головы до ног, потом вновь посмотрел мне в глаза, ясно давая понять, что взвесил мой аргумент и признал меня слабоумной.

– Я могу сильно надвинуть ее на глаза и опустить козырек, – сказала я. – Я уже делала так дома, когда не успевала помыть волосы. Если я надену солнечные очки, даже вы меня не узнаете.

Он скрестил руки на груди.

– Это может сработать, – настаивала я.

Он легонько покачал головой, буквально сантиметр влево, сантиметр вправо.

– Когда закончите стричь и красить волосы, возвращайтесь ко мне. Короткие и темные, мисс Лейн. Расстаньтесь с образом Барби.

Я не плакала, когда делала это. Однако я не сдержалась, – будь проклят Иерихон Бэрронс за свой следующий поступок, – и меня вырвало на персидский ковер в задней части магазина, когда я вернулась вниз.

Оглядываясь назад, я понимаю, что начала ощущать это

еще наверху, когда мыла волосы в прилегающей к комнате ванной. Волна тошноты внезапно подкатила к горлу, но я посчитала это нервной реакцией на столь радикальную смену имиджа. Я уже задавалась вопросом, кто я и что со мной не так, а теперь я еще и выглядела не так.

Чувство тошноты усилилось, когда я спускалась по лестнице, и делалось все сильнее с каждым шагом в сторону магазина. Мне следовало бы внимательнее к этому отнестись, но я слишком жалела себя, чтобы обращать внимание на мелочи.

К тому времени как я перешагнула порог второй двери, отделяющей жилую территорию Бэрронса от рабочей, я одновременно вспотела и начала дрожать, ладони стали мокрыми, а желудок скрутился в узел. Я еще никогда в жизни не переходила так быстро от хорошего самочувствия к отвратительному.

Бэрронс сидел на диване, на котором ранее свила гнездышко я, руки он положил, на спинку, ноги расслабил, и выглядел он, словно лев, отдыхающий после удачной охоты. Однако его взгляд был взглядом ястреба. Он с жадным интересом следил за тем, как я вхожу в комнату. Рядом с ним на диване лежали какие-то бумаги, значения которых я тогда еще не знала.

Я закрыла дверь и тут же согнулась пополам, меня стошнило остатками обеда. В основном на его драгоценный ковер полилась выпитая мною вода. Я вообще жуткий водохлеб.

Увлажнять кожу изнутри даже более важно, чем использовать нужные кремы снаружи. Меня рвало до тех пор, пока в желудке ничего не осталось, после чего было несколько «холостных» позывов. Я снова оказалась на четвереньках, второй раз за два дня, и мне это ни капельки не нравилось. Я прижала рукав ко рту и уставилась на Бэрронса. Я ненавидела свои волосы, я ненавидела свою жизнь, и эта ненависть наверняка горела в моих глазах.

Он же, наоборот, выглядел довольным, как скотина.

– Что только что произошло, Бэрронс? Что ты со мной сделал? – обвиняющим тоном поинтересовалась я. Пусть это и казалось невероятным, но я была уверена, что каким-то образом именно он виноват в моем внезапном недомогании.

Он рассмеялся и поднялся на ноги, глядя на меня сверху вниз.

– Вы, мисс Лейн, способны чувствовать «Синсар Дабх». И именно поэтому вы будете мне очень, очень полезны.

– *Яне хочу* этого! – повторила я, пятясь от него. – Убери их от меня!

– Они не повредят вам, мисс Лейн. По крайней мере – в этой форме, – снова сказал Бэрронс.

Я не поверила тому, что он повторял уже в пятый раз, так же, как не верила с самого начала. Я откинулась назад, опираясь руками в ковер, все еще мокрый от моих попыток вывернуться наизнанку.

– Как ты это назвал? Если бы в моем желудке хоть что-то осталось, я бы все еще стояла на карачках. Не знаю, как ты, а я не могу считать непрерывную рвоту «отсутствием вреда».

Даже не учитывая панического ужаса, внушенного мне этой штукой, я была в шоковом состоянии. Все тоненькие волоски на моем теле стояли дыбом, словно я дотронулась до оголенного провода под высоким напряжением. Мне хотелось, чтобы между мной и этими листьями оказалось как можно больше пространства.

– Вы привыкнете к этому...

– Легко тебе говорить, – пробормотала я.

– ... и ваша реакция станет не такой бурной.

– Я не собираюсь проводить рядом с этим много времени.

«Этим» были фотокопии двух страниц, якобы сделанных с «Синсар Дабх». Фотокопии – даже не настоящие страницы, – он мне и протягивал. Обычные копии заставили меня распластаться по стене в отчаянной попытке к ним не прикасаться. И я чувствовала, что скоро позавидую Человеку-пауку. Потому что, если Бэрронс не уберет эти страницы, я полезу на стену, цепляясь лишь своими наманикюренными в стиле джентльмены-предпочитают-блондинок ногтями, а я серьезно сомневалась, что мои ногти годятся на роль альпинистского снаряжения.

– Дышите медленно и глубоко, – сказал Бэрронс. – Вы справитесь с этим. Сконцентрируйтесь, мисс Лейн.

Я попыталась глотнуть воздуха. Не получилось.

– Я сказал – дышите. А не изображайте вытасценную из воды рыбу.

Я холодно взглянула на него, вдохнула и задержала дыхание. Спустя долгое время Бэрронс кивнул, и я медленно выдохнула.

– Уже лучше, – сказал он.

– Почему это со мной происходит? – спросила я.

– Это часть вашей природы, мисс Лейн. Тысячи лет назад, когда эльфы отправлялись на Дикую Охоту, уничтожая все на своем пути, именно такие чувства испытывали ши-видящие. Когда всадники Туата Де собирались в стаи, это было предупреждением, которое помогало видящей уберечь своих людей.

– Но когда я встречала Невидимых, со мной такого не происходило, – возразила я. Однако, вспомнив первые два раза, я поняла, что меня действительно тошнило, и оба раза во время «видений» я испытывала чувство всеобъемлющего, непреодолимого ужаса. А с последним монстром я столкнулась, слишком занятая мыслью о том, как быстрее добраться до квартиры Алины, и налетела на него так быстро, что не могла вспомнить, испытывала ли я что-то до момента столкновения, или нет.

– Я сказал, что это чувство приходит, когда они появляются во множестве. В одиночку или парами они не оказывают такого сильного *влияния*. Возможно, лишь «Синсар Дабх» вызывает у вас столь сильную реакцию – или же тыся-

чи Невидимых, которые будут приближаться к вам. Темная Книга – самый могущественный артефакт эльфов. И самый смертоносный.

– Не подходи, – огрызнулась я. Он остановился всего лишь в полуметре от меня, сжимая эти жуткие страницы. Потом сделал шаг вперед, и я попыталась превратиться в обои. Очень желтые обои с подгибающимися коленями.

– Боритесь со своим страхом, мисс Лейн. Это всего лишь копии реальных страниц. Только страницы истинной Темной Книги могут причинить вам вред.

– Могут? – Это определенно усложняло и без того проблемную ситуацию. – То есть даже если нам удастся найти эту книгу, я не смогу до нее дотронуться?

Его губы изогнулись в подобии улыбки, но глаза остались холодными.

– Сможете. Но я сильно сомневаюсь, что после этого поступка вы останетесь собой.

– А что она может со мной... – Я запнулась, качая головой. – Забудь, я не хочу этого знать. Просто не подходи ко мне с этими страницами.

– Означает ли это, что вы отказываетесь от попыток найти убийцу вашей сестры, мисс Лейн? Я думал, она умоляла вас найти «Синсар Дабх». Думал, она сказала, что от этого зависит все.

Я закрыла глаза и сползла спиной по стене. До этих слов я на несколько минут полностью забыла про Алину.

– Почему? – прошептала я, словно она все еще могла меня услышать. – Почему ты мне ничего не рассказала? Мы могли бы помочь друг другу. Возможно, даже помогли бы друг другу выжить.

Последняя часть была больнее всего – все могло бы быть совсем иначе, если бы Алина была со мной откровенна.

– Сомневаюсь, что вы бы ей поверили, даже если бы она открылась вам. Вы очень упрямый человек, мисс Лейн. После всего, что вы видели и слышали, вы все еще пытаетесь отрицать очевидное.

Его голос раздался слишком близко. Бэрронс двигался. Я открыла глаза. Он стоял прямо передо мной, но ощущение тошноты не усилилось, – видимо, потому, что я не видела, как он подходит. Он был прав, моя реакция скорее умственного, чем физического плана, то есть ее хоть частично можно контролировать. Я могла отказаться от всего, вернуться домой и попытаться забыть о том, что произошло со мной во время поездки в Дублин, или же могла попытаться решить, как мне жить дальше. Я дотронулась до своих коротких темных локонов. Я все же не срезала под корень свои прекрасные белокурые волосы.

– Ты ведь тоже видишь эльфов, Бэрронс, но ты без проблем прикасаешься к этим страницам.

– Тренировки притупляют даже самые сильные ощущения, мисс Лейн. Вы готовы начинать?

Два часа спустя Бэрронс решил, что с меня достаточно практики на сегодня. Я не смогла заставить себя прикоснуться к фотокопиям страниц, но, по крайней мере, уже не сгибалась от рвоты при их приближении. Я нашла способ управляться с пищеводом, когда накатывал очередной непроизвольный позыв. От близости страниц я все еще чувствовала себя омерзительно, но уже могла собраться и нацепить на лицо пристойное выражение.

– Вы справитесь, – решил он. – Оденьтесь. Мы кое-куда отправимся.

– Я одета.

Бэрронс повернулся и поглядел в окно, на сгустившуюся тьму.

– Идите и наденьте что-нибудь более... взрослое... мисс Лейн.

– Чего? – На мне были белые капри, сандалии из тонких ремешков и розовая блузка-безрукавка на прозрачных бретельках. И, по моему собственному мнению, выглядела я как нельзя более взрослой. Я покрутилась перед ним. – Что со мной не так?

Он коротко взглянул на меня.

– Идите, подберите что-нибудь более... женственное.

Учитывая мою фигуру, никто никогда не мог упрекнуть меня в отсутствии женственности. До меня порой доходит медленно, но – доходит. Мужчины. Заведите их в отдел классического женского белья, и я гарантирую, что они найдут

там для вас ту единственную вещь, что сделана из дешевой черной кожи с заклепками. Я нахмурилась.

– Имеешь в виду что-то более развратное?

– Я имею в виду что-то более похожее на одежду женщины, которую другие готовы увидеть со мной. Взрослой женщины, мисс Лейн, если такая задача вам по силам. Благодаря черному цвету вы будете казаться достаточно взрослой, чтобы впервые сесть за руль. С такой стрижкой вам... лучше. Но с волосами нужно что-то делать. Попробуйте выглядеть так же, как той ночью, когда я вас разбудил.

– То есть в результате я должна стать похожей на помело?

– Если вы так это называете, то – да. Часа вам будет достаточно?

Указанное время означало, что мне понадобится много времени.

– Я посмотрю, что можно сделать, – холодно ответила я.

Мне удалось собраться за двадцать минут.

Мои подозрения по поводу здания, стоящего за магазином, полностью оправдались: это и был гараж, а Иерихон Бэрронс был очень богатым человеком. Думаю, торговля книгами и сувенирами – невероятно прибыльное дело.

Из коллекции автомобилей, заполнявших гараж так, что глаза разбегались, он выбрал сравнительно скромный черный «Порше-911 Турбо», под капотом которого ждали своего часа пятьсот пятнадцать лошадиных сил. Автомобиль,

казалось, довольно заурчал, когда Бэрронс вставил ключ в замок зажигания, находившийся не с той стороны рулевого колеса, и повернул его. Да, я разбиралась в машинах. И любила быстрые, красивые автомобили, и мурлыканье изящного, дорожущего «порше» отдалось в каждой косточке моего двадцатидвухлетнего тела.

Бэрронс опустил крышу и повел машину довольно быстро, с четко выверенной профессиональной агрессивностью управляя автомобилем, который способен разогнаться с нуля до ста километров за три и шесть десятых секунды.

Мы пролетали квартал за кварталом, Бэрронс почти не глядя управлялся с переключением передач, пока мы пробирались в потоке транспорта и тормозили на светофорах. Проехав окраины Дублина, он убрал крышу. Мы мчались наперегонки с ветром под почти полной луной. Воздух был теплым, небо усыпано бриллиантами звезд, – при других обстоятельствах я бы наслаждалась поездкой.

Я взглянула на своего спутника. Кем бы он ни был – еще одним ши-видящим или просто здоровенной занозой в пету... в заднице, – сейчас Бэрронс был просто человеком, который наслаждался красотой момента, управляя мощным автомобилем и мчась по пустынной дороге в кажущейся бесконечной ночи.

– Куда мы едем? – Мне пришлось кричать, чтобы он услышал меня сквозь шум ветра и работу двигателя.

Не сводя глаз с дороги, за что я была ему благодарна, по-

сколько мы мчались со скоростью сто шестьдесят километров в час, Бэрронс прокричал в ответ:

– В этом городе есть три основных игрока, которые тоже ищут эту книгу. Я хочу знать, нашли ли они хоть что-то. А вы станете моей охотничьей собакой, мисс Лейн.

Я посмотрела на часы на приборной панели.

– Два часа ночи, Бэрронс. Что ты собираешься делать? Взломать дверь, пробраться внутрь и ползать по дому, пока в нем все спят?

Да, моя жизнь в последнее время стала абсолютно сюрреалистической: если бы он ответил утвердительно, то, думаю, первой моей репликой стал бы не протест, а жалоба на то, что он заставил меня переодеться в одежду, совсем не подходящую для краж со взломом. На высоких каблуках и в короткой юбке неудобно убегать от полиции или вооруженных собственников.

Он немного притормозил, и теперь мне было лучше слышно.

– Нет, они полуночники, мисс Лейн. И они так же не прочь встретиться со мной, как я не прочь встретиться с ними. Мы любим точить друг о друга когти. Однако у них нет *вас*.

По его губам скользнула слабая улыбка. Бэрронс был весьма доволен своим секретным оружием, которым являлась моя скромная персона. Внезапно меня посетило неутешительное видение моего будущего: меня водят повсюду, непрерывно спрашивая, словно коммивояжеры, распростра-

няющие «Веризон»: «Вас не тошнит?»

Иерихон нажал на газ, и следующие десять минут, или около того, мы проехали в тишине, затем автомобиль свернул на дорогу, ведущую к обнесенному высоким забором поместью. После проверки, учиненной двумя затянутыми в светлую униформу и предельно официозными охранниками, которые после тихого телефонного звонка открыли перед нами огромные железные ворота, наш автомобиль промурлыкал по длинной извилистой дороге, с обеих сторон обрамленной старыми деревьями.

Дом, оказавшийся в конце нашего пути, производил впечатление странного анахронизма в окружении древности. Здесь должен был возвышаться средневековый особняк, но его, по-видимому, снесли, заменив широкой, холодной, ярко освещенной прожекторами конструкцией из металла и стекла, ну просто встретить-меня-Джетсон¹⁵. Прозрачные переходы соединяли пять этажей, которые сужались снизу вверх, обрамленные металлом террасы были заполнены мебелью в стиле Нью Эйдж¹⁶, на которой явно неудобно было сидеть. Ну что ж, признаю, я старомодный человек. Я предпочитаю

---

¹⁵ «Джетсоны» – популярный мультипликационный фильм с элементами научной фантастики и комедии, продержавшийся на американском телевидении с 1962-го по 1988 год. Семья Джетсонов живёт в будущем с невероятным набором бытовой техники, а глава семейства всё время что-то изобретает на её благо.

¹⁶ Нью-эйдж (англ. New Age, буквально «новая эра») – общее название совокупности различных оккультных течений. Зародилось после Второй мировой войны на основе теософии. Достигло наибольшего расцвета в 70-е годы XX века.

крытые веранды с белой ивовой мебелью, качелями по краям, медленно вращающимися вентиляторами под потолком, оплетенными плющом решетками и густыми папоротниковыми зарослями под цветущими магнолиями. А это место казалось мне слишком вычурным и неудобным.

Когда мы вышли из машины, Бэрронс сказал:

– Попридержите свое остроумие и постарайтесь не коснуться никого из нелюдей, мисс Лейн.

Я чуть не подавилась нервным смешком. Что случилось со старыми добрыми советами вроде «держаться рядом, взяться за руки и посмотреть по сторонам, прежде чем переходить улицу»?

Я взглянула на Иерихона.

– Не то чтобы я была против, но зачем мне это делать?

– Подозреваю, что Фиона права, – сказал он, – и вы можете оказаться Нулем. Что означает, – вы можете выдать нас, коснувшись руками кого-то из эльфов.

Я посмотрела на свои руки, на розовый лак ногтей, совсем не сочетающийся с моим новым внешним видом. Темный оттенок волос будет гармонировать с более смелыми тонами. Придется пересмотреть свой гардероб и некоторые аксессуары.

– Нуль? – Мне пришлось почти бежать за Бэрронсом, широко шагающим по мерцающему кварцевыми вкраплениями тротуару.

– Старые легенды упоминают о ши-видящих, обладавших

возможностью замораживать эльфов, дотронувшись до них руками, останавливать их на несколько минут, лишая возможности двигаться и, может быть, телепортироваться¹⁷.

– Телепортироваться?

– Об этом позже. Помните, о чем я вам говорил, мисс Лейн?

Я взглянула на дом. Похоже, внутри была вечеринка. Люди наводнили террасы: смех, музыка, позвякивание льда в бокалах долетали даже до нас.

– Да. Если я почувствую тошноту, я попрошусь в туалет. А ты меня проводишь до него.

– Очень хорошо. И, мисс Лейн...

Я вопросительно взглянула на него.

– Постарайтесь сделать вид, что я вам нравлюсь.

Когда Бэрронс обнял меня и притянул к себе, дрожь пробежала по моему телу до кончиков пальцев на ногах.

---

¹⁷ Телепортация – мгновенное перемещение материального объекта из одной точки пространства в другую.

Дом был оформлен в черно-белом цвете. И люди тоже. Будь моя воля, я бы принесла огромную кисточку и прошлась по дому, беспрерывно раскрашивая все подряд в персиковый, розовато-лиловый, розовый, лавандовый, оранжевый и аквамариновый. А эти ребята, похоже, считали, что обесцвеченный мир – это круто. Я решила, что у них поголовная глубокая депрессия.

– Иерихон, – гортанным голосом поприветствовала моего спутника сногсшибательная брюнетка, одетая в короткое белое вечернее платье и увешанная невероятным количеством бриллиантов. Улыбка у нее была больше похожа на плотоядный оскал и предназначалась мне, а не ему. – Я почти не узнала тебя. Не уверена, что мы видели друг друга в одежде.

– Мэрилин. – Он ответил ей коротким кивком, который, похоже, не на шутку ее взбесил, и мы прошли мимо.

– Кто твоя новая маленькая подружка, Бэрронс? – поинтересовался высокий, худой почти до дистрофии мужчина, увенчанный копной белых волос. Мне очень хотелось ответить ему в сторонку и вежливо намекнуть, что в черной одежде он кажется еще более тощим и болезненным, но я не думала, что ситуация это позволяла.

– Не твое собачье дело, – отрезал Бэрронс.

– Ах, мы как всегда в хорошем настроении, не так ли? –

насмешливо протянул незнакомец.

– Слово «мы» подразумевает, что оба относятся к одному биологическому виду, Эллис. Так что ты ошибся.

– Высокомерный ублюдок, – пробормотал мужчина нам вслед.

– Вижу, у тебя здесь куча друзей, – сухо заметила я.

– В этом доме нет друзей, мисс Лейн. В «Каса Бланке» есть лишь те, кто пользуется, и те, кем пользуются.

– Я ни то и ни другое, – сказала я. Странное название у этого странного дома.

Иерихон окинул меня изучающим взглядом.

– Вы научитесь. Если проживете достаточно долго.

Даже если я доживу до девяноста, я не стану походить на людей, заполнявших этот дом. Мы переходили из комнаты в комнату, а шепоток за спиной не стихал, страстный – в основном женский, и сдобренный проклятиями – мужской. Это было отвратительное скопище людей. Меня с новой силой начала грызть тоска по дому, я невероятно заскучала по маме с папой.

Я не увидела никого, кто был бы не-человеком, пока мы не дошли до последней комнаты в самом дальнем крыле пятого этажа. Пришлось пройти мимо трех постов вооруженной охраны, прежде чем мы добрались туда.

Реальность: я на вечеринке с вооруженной охраной, и я одета во все черное. Это точно не моя реальность. Я не такой человек. Грустно то, что, несмотря на короткую юбку,

открывавшую мои стройные ноги выше середины бедра, облегающую блузку без бретелек и высоченные каблуки, я, по сравнению с остальными женщинами в «Каса Бланке» выглядела лет на пятнадцать. Я считала, что превратила свои, теперь доходящие до плеч, темные волосы в нечто дикое и сексуальное, но теперь поняла, что не знала истинного значения этих слов. А еще я ничегошеньки не знала о том, как правильно накладывать макияж.

– Перестаньте дергаться, – сказал Бэрронс.

Я глубоко вдохнула и задержала дыхание.

– В следующий раз мне не помешает узнать чуть подробнее о том, в какого типа место мы направляемся.

– Внимательно смотрите по сторонам, мисс Лейн, и в следующий раз подробности вам не понадобятся.

Мы вошли в огромные двери и оказались в белоснежно-белой комнате: белые стены, белый ковер, белые шкафы со стеклянными дверцами в нишах между белыми же колоннами, на полках шкафов и верхушках небольших колонн – бесценные произведения искусства. Я застыла, поскольку мое «двойное видение» сработало с удвоенной силой. Теперь, когда я знала, что такие монстры существуют, мне стало проще их увидеть. Я решила, что эти двое не могут наводить сильных чар, или же я все лучше сопротивляюсь их магии, поскольку, как только я рассмотрела сквозь классную блондинистую оболочку то, чем они являлись на самом деле, они не начали мерцать, а остались похожими на Невидимых.

– Тише, – пробормотал Бэрронс, почувствовав мое состояние. А затем скучающим, словно это он сам удостоил остальных аудиенции, тоном поприветствовал мужчину, сидевшего перед нами на абсурдном, похожем на трон, стуле.

– МакКейб.

– Бэрронс.

Мне обычно не нравятся крепко сбитые, коренастые рыжие мужчины, так что я удивилась тому, насколько привлекательным мне показался МакКейб, привлекательным на свой, грубовато-ирландский лад, который невозможно отполировать ни богатством, ни драгоценностями, которыми он себя окружил. Однако два Невидимых, которые обрамляли его справа и слева, привлекательными отнюдь не были. Это были огромные, обтянутые серой кожей существа, которые напомнили мне носорогов грубыми, несуразно большими головами, маленькими глазками, выпирающими нижними клыками и безгубыми отверстиями ртов. Толстые, обрюзгшие, бочкообразные тела были затянuty в совершенно не подходившие им белые костюмы. Руки и ноги существ казались обрубками, и они оба постоянно подергивались, издавая горловые хрюкающие звуки, словно свиньи, роющиеся в грязи, или в чем там еще свиньи роются. Они не были страшными, они были просто уродливыми. Я постаралась не сосредотачиваться на них. Если не обращать внимания на учащенное сердцебиение и чувство тревоги, они никак не повлияли на мое самочувствие. Неудивительно: с недавних

пор ни один из эльфов не сможет оказать на меня такого же разрушительного влияния, как «Синсар Дабх».

– Что привело тебя в «Каса Бланку»? – спросил МакКейб, поправляя белый галстук на белой рубашке под пиджаком белого костюма. «А толку от этого?» – подумала я. Галстуки относятся к категории аксессуаров, а предназначение всех аксессуаров сводится к тому, чтобы подчеркнуть или дополнить общую цветовую гамму, текстуру и стиль. Эй, кто-нибудь здесь слышал о такой вещи, как цвет? С тем же успехом МакКейб мог просто облиться белой краской. Бэрронс пожал плечами.

– Хорошая ночь для прогулки.

– Почти полнолуние, Бэрронс. И то, что снаружи, может стать опасным.

– Опасность может поджидать где угодно, МакКейб.

МакКейб рассмеялся, показывая по-голливудски белые зубы. Потом оглядел меня:

– Сменил вкусы, Бэрронс? Кто эта малышка?

«Молчите, – сказал мне Бэрронс по пути сюда, – неважно, кто и что будет говорить. Мне все равно, насколько они вас разозлят. Держите себя в руках». Это насмешливое «малышка» звенело у меня в ушах, и я сильно прикусила язык, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего.

– Просто последняя подстилка, МакКейб.

Теперь язык прикусывать не пришлось. Я просто онемела. МакКейб рассмеялся.

– Она разговаривает?

– Нет, пока я ей не разрешу. Обычно рот у нее занят. Я чувствовала, как горят мои щеки.

МакКейб снова захохотал.

– Когда она подрастет, перебрось ее мне, договорились?

Теперь он рассматривал меня более вдумчиво, холодные голубые глаза медленно оценивали мою грудь и задницу, и к тому времени как МакКейб закончил осмотр, я чувствовала, что он не только раздел меня взглядом, но и прекрасно рассмотрел маленькое родимое пятнышко на моей левой ягодице и еще одно такое же, на правой груди, чуть левее соска. Настроение Мак-Кейба изменилось, ноздри расширились, а глаза затуманились.

– С другой стороны, – пробормотал он, – ей не стоит слишком взрослеть. Что ты за нее хочешь?

Бэрронс насмешливо улыбнулся.

– Есть одна книга, которая меня интересует.

МакКейб фыркнул, щелчком указательного и большого пальцев сбил невидимую пылинку со своего рукава.

– Ни одна шлюшка не может быть настолько хороша. Есть женщины, а есть сила, и я знаю, что в этой жизни по-настоящему ценится.

Его настроение снова сменилось, он поджал губы, и взгляд его стал пугающе пустым.

Вот и все, МакКейб утратил ко мне всякий интерес, и я поняла, что для него я даже не была человеком. Я была чем-

то вроде... ну, презерватива... которым он воспользовался, а потом выбросил за ненадобностью, – а ехал ли он в это время по автобану или наслаждался круизом по Атлантическому океану – какая разница?

Попадала ли в этот мир Алина? Знала ли она этого маниакально-депрессивного типа в белом? Я прекрасно могла представить, как он убивает ее, да и вообще, как он убивает кого угодно. Но могла ли я представить, что именно в этого человека влюбилась Алина? Да, он определенно был богат, образован и обладал своеобразным шармом грубой силы. Но инспектор и те две девушки, с которыми я говорила, были абсолютно уверены, что парень Алины не принадлежал к жителям Изумрудного Острова, а МакКейб, – несмотря на всю его претенциозность, – был солью ирландской земли, и никак иначе.

– Слышал о ней что-то новенькое? – Бэрронс тоже утратил ко мне всякий интерес и перешел к другой теме. Просто двое мужчин собрались поговорить о деле, а сексуальные игрушки всегда были у них под рукой – на тот случай, если в них возникнет потребность. Игрушки могли ходить, разговаривать, но чаще – молчать. Ими интересовались не больше, чем открытыми устрицами, ожидающими на подносе первого, в ком проснется аппетит.

– Нет, – сухо ответил МакКейб. – А ты?

– Нет, – не менее сухо отозвался Бэрронс.

МакКейб кивнул.

– Ну что ж. Оставь ее и уходи. Или просто уходи.

Было странно, но его, похоже, ничуть не интересовало, как поступит Бэрронс. Кстати, я не была уверена, что МакКейб вообще заметил бы мое присутствие, вздумай Бэрронс оставить меня там.

Белый король закончил аудиенцию.

Чары: иллюзия, при помощи которой эльфы маскируют свой истинный вид. Чем сильнее эльф, тем сложнее проникнуть сквозь эту маскировку. Обычные люди видят только то, что эльфы хотят им показать. Особой частью эльфийской магии является небольшой периметр искаженного пространства, окружающий их, он отпугивает людей и не позволяет им наткнуться на эльфов или нечаянно задеть их.

Именно поэтому монстр с ослиными гениталиями и пиявками вместо рта, с которым мы встретились в аллее, понял, кто я такая, – я была неспособна не налететь на него.

Любой другой человек, завернув за угол, был бы отброшен назад и остановился, удивляясь тому, что не заметил препятствия. Знаете, иногда это бывает, в таких случаях люди говорят: «Боже, да что со мной такое – спотыкаюсь о собственные ноги». Вот вам повод призадуматься.

Если верить Бэрронсу, МакКейб понятия не имел, что его «телохранители» на самом деле Невидимые, которые пред-

ставились как Об и Ирг, когда провожали нас из Тронного Зала. Мы с Бэрронсом притворились, что не слышим их гор- тайных голосов. Настоящие телохранители МакКейба исчез- ли около трех месяцев тому назад, и их сменили Носоро- ги, тип Невидимых, которых Бэрронс относил к касте ниже средних; они были чем-то вроде сторожевых псов более вы- сокопоставленных эльфов.

Поразмыслив над этим минутку, я пришла к логическому заключению и спросила: «Значит ли это, что Невидимые то- же охотятся за "Синсар Дабх"?»

«Похоже на то, – ответил Бэрронс. – Самые могуществен- ные из них, если уж на то пошло. До меня дошел слух о ком- то, кого Невидимые называют Гроссмейстером, но мне до сих пор не удалось узнать, кто такой этот Гроссмейстер. Я говорил вам, мисс Лейн, что вы понятия не имеете, во что ввязались».

Невидимые пугали меня до невозможности. И мне вовсе не хотелось встречаться с тем, кого они считают своим пра- вителем. «Возможно, сейчас самое подходящее время по- кончить со всем этим», – сказала я.

«Попробуй», – ответил мне взгляд Бэрронса. Даже если мне удастся зажать сердце в кулак и не думать об убийстве моей сестры, Иерихон Бэрронс не отпустит меня.

Самое печальное, что мы нужны друг другу. Я могу по- чувствовать «Синсар Дабх», а он обладает информацией о ней, в том числе относительно того, где она может находить-

ся и кто еще за ней охотится. Своими силами я ни за что не вышла бы на такие места как «Каса Бланка» и не добилась бы приглашения на подобную вечеринку. Своими силами Бэрронс никогда не сможет узнать, что книга находится неподалеку, возможно даже — в одной комнате с ним. Он может стоять с ней рядом и так и не догадаться об этом.

Прошлой ночью я получила полное представление о том, насколько я ему нужна. Если бы книга была металлической, меня можно было бы назвать персональным металлодетектором Иерихона Бэрронса. После того как Об и Ирг вернулись к МакКейбу, Бэрронс сопровождал меня с этажа на этаж этого скудно декорированного дома. Когда я ничего не почувствовала, он протащил меня по всему вылизанному участку, в том числе и к надворным постройкам. Он заставил меня внимательно изучить даже землю, так что, вернувшись в свою временную спальню, я рухнула на кровать и заснула как убитая. Хоть мне и не хотелось, чтобы это отвратительное ощущение возвращалось, я была разочарована, когда поняла, что мое шестое чувство ничем не проявило себя.

Однако моей конечной целью была вовсе не Темная Книга. Я надеялась выяснить подробности тайной жизни моей сестры. Я не хотела ввязываться в нереальные вещи, я просто хотела узнать, кто убил Алину, и я желала смерти этому кому-то или чему-то. А затем я собиралась вернуться в свой милый провинциальный городок имени Захолустья, в тихую южную Джорджию, и забыть обо всем, что произошло

со мной во время поездки в Дублин. Эльфы не посещают Ашфорд? Великолепно. Я выйду замуж за местного парня со стареньким «шевроле-пикапом», из радиоприемника которого звучит песня Тоби Кейта «Кто твой папа?», и восьмью поколениями честных, работающих ашфордских предков, украшающих его генеалогическое древо. И за исключением коротких поездок в Атланту за покупками я никогда больше не покину свой дом.

Однако сейчас сотрудничество с Иерихоном Бэрронсом было для меня единственным выходом. Люди, которых я встречу во время наших с ним поисков, могли быть знакомы с Алиной. И мне удастся как-нибудь проследить ее путь по этому неестественному, жуткому миру, что должно будет привести меня прямо к ее убийце.

Я не знала, что скоро начну сомневаться в мудрости своего решения.

Я взялась за фломастер. Был вечер воскресенья, «Книги и сувениры Бэрронса» сегодня не работали. Я проснулась абсолютно дезориентированной и сильно скучала по маме, но когда я позвонила, папа сказал, что она еще спит, и он не хочет ее будить. Мама плохо спала в последнее время, сказал он мне, хоть и принимала какое-то лекарство, которое должно было ей помочь. Несколько минут я вела с ним невыносимо односторонний разговор, однако его ответы были настолько вымученными, что я сдалась. Не оставалось ничего иного, кроме как схватить свой дневник и спуститься в ма-

газин.

И вот теперь я лежала на животе на удобнейшем диванчике в зоне отдыха, положив блокнот на подушку перед собой. Телепортация: способ передвижения эльфов. Я грызла кончик фломастера, разлохмачивая его до состояния одуванчика, и думала о том, как бы записать то, что узнала. Когда Бэрронс объяснил мне это, я была в ужасе.

«То есть ты хочешь сказать, что им достаточно подумать о каком-то месте, и они могут туда переместиться? Они просто хотят куда-то попасть – и моментально туда попадают?»

Бэрронс кивнул.

«Хочешь сказать, что я могу просто идти по улице, а какая-то тварь может просто материализоваться рядом со мной и схватить меня?»

«Ах, ну у вас же есть огромное преимущество, мисс Лейн. Схватите тварь и заморозьте ее, как вы уже проделали это с тем монстром из аллеи. Однако действуйте быстро, пока тварь не унесла вас туда, где вы будете не рады оказаться».

«А потом что мне делать? Прикажешь таскать с собой повсюду оружие, чтобы убить их, пока они обездвижены?» Какими бы страшными ни были Невидимые, мысль о том, чтобы ранить их, когда они не способны даже пошевелиться, внушала мне отвращение.

«Сомневаюсь, что у вас это получится, – сказал Бэрронс. – Как Видимые, так и Невидимые эльфы практически не поддаются уничтожению. Чем выше их каста, тем сложнее их

убить».

«Классно, – ответила я. – Так какие будут предложения по поводу того, что мне делать, когда я превращу их во временные статуи?»

«Есть одно, мисс Лейн, – сказал он с мрачной саркастической усмешкой. – Бегите сломя голову».

Я подкрасила ресницы черной тушью и задумалась над тем, что надеть, собираясь в гости к вампиру.

Шикарный красный свитер, который я привезла из дому, не только не подходил к темным волосам, я боялась, что он еще и может быть истолкован как приглашение попробовать мою кровь. Тонкие серебряные сережки с крестиками, которые мне подарила тетя Сю на прошлый день рождения, тоже, без сомнения, могли быть расценены как провокация. Я взглянула на часы. Из-за нерешительности в выборе одежды я и так опаздывала на встречу с Бэрронсом, назначенную в полночь. У меня не оставалось времени на то, чтобы заскочить в церковь, находившуюся чуть дальше по улице, и капнуть святой водой на запястья, шею и за уши – мой вариант одеклона, «Оденекусон».

Я посмотрела в зеркало. Я не смогла бы стать похожей на женщин из «Каса Бланки», даже если бы захотела, но такого желания у меня и не возникло. Я нравилась себе. И любила свои цвета. И мне до боли не хватало моих волос...

Напевая, я мотнула головой, наклонившись, чтобы свободно растрепать волосы, потом начала возиться с ними,

пользуясь феном и баллончиком лака. Когда я снова выпрямилась и пробежала пальцами по волосам, – спасибо средству мисс Клерол для быстрой укладки и средней фиксации – у меня была копна взъерошенных в стиле «арабских ночей» локонов, которые чарующе обрамляли мое лицо, заставляя зеленые глаза казаться еще больше, чем они были на самом деле. Немного оттененные в уголках, обрамленные длинными ресницами, глаза были моей гордостью, они сияли зеленью, словно молодая трава на Пасху. У меня было чистое, слегка бледное лицо, к которому подходил почти любой вариант макияжа. С темными волосами мне было совсем не плохо. Просто я сама себя не узнавала. Я казалась старше, особенно с карамельно-яблочной красной помадой на губах, уступкой Бэрронсу, поскольку я была твердо уверена – ему крайне не понравится мой внешний вид, учитывая то, какие вещи я решила надеть.

Скользнув в одежду, я вспомнила, как мы с Алиной смеялись над фильмами про вампиров и книгами о них, и над той невероятной истерией, что поднялась в мире после написания книги о маленьком черноволосом мальчике в очках, который жил в чулане под лестницей.

Но все это было до того, как я узнала – в ночи существуют невероятные твари и непонятные вещи.

– Что, черт побери, вы на себя напялили, мисс Лейн?! – взорвался Бэрронс.

Я выбрала симпатичную прозрачную юбку, плотно облегающую мои бедра и заканчивавшуюся на лодыжках, цвет которой представлял собой смесь почти всех пастельных оттенков, и соответствующую розовую кофточку с разрезными шелковыми рукавами и окантованным шелком глубоким вырезом, открывавшим большую часть груди, а также туфли на высоких тонких каблуках, которые застегивались с помощью ремешков, обвивавших лодыжку. Цветовая гамма великолепно гармонировала с моей загорелой кожей и темными локонами. Я выглядела женственной, мягкой и сексуальной, как и положено юной девушке, а не стервам из «Каса Бланки». Я быстро прошагала вдоль ряда книжных полок к тому месту, где стоял Иерихон – у входной двери, нетерпеливо ожидая моего появления. Я ткнула в его сторону указательным пальцем.

– Если ты снова начнешь вести себя со мной, как с одной из своих страхолюдин, Бэрронс, то можешь сразу забыть о нашем маленьком соглашении. Я нужна тебе не меньше, чем ты нужен мне. Это делает нас равноправными партнерами.

– Вы ошибаетесь, – сухо сказал он.

– Нет, это ты ошибаешься, – не менее сухо ответила я. – Найди другой способ объяснить мое присутствие. Поскольку если ты еще раз назовешь меня своим последним куском петунии или будешь делать прозрачные намеки на мой рот и оральный секс с тобой, наши пути разойдутся.

Бэрронс приподнял бровь.

– Петунии, мисс Лейн?

Я сердито глянула на него.

– Жопы, Бэрронс.

Он скрестил руки на груди и оценивающе взглянул на ядовито-алую помаду на моих губах.

– Вы упомянули какие-то намеки на ваш рот и оральный секс со мной, мисс Лейн. Могу я услышать, в чем вы эти намеки усмотрели?

Я нахмурилась и решила не поддаваться на его глупые подначки.

– Этот Мэллис действительно вампир, Бэрронс?

Иерихон пожал плечами.

– Сам он представляется именно так. И окружил себя людьми, которые в это верят.

Бэрронс оглядел меня с ног до головы.

– Прошлой ночью вы выразили желание заранее узнавать о местах, в которые я собираюсь вас отвести, чтобы правильно подобрать стиль. Я сказал вам, что мы отправляемся на готическую вечеринку. Так почему же, мисс Лейн, вы выглядите словно взбесившаяся радуга?

Я пожала плечами, копируя его жест.

– Или бери меня с собой, Бэрронс, или вали сам.

Он решил взять меня с собой. Я в этом и не сомневалась. Есть несколько вещей, без которых не может обойтись хороший охотник. Охотничья собака входит в их число.

МакКейб жил в двадцати минутах езды к северу от города, в доме, показавшемся мне модернистским кошмаром.

Мэллис жил в десяти минутах на юг от Дублина, утопая в якобы истинных обломках прошлого. В Викторианской эпохе, если быть точной, – в тех шестидесяти трех годах, с 1837 по 1901, в течение которых королева Виктория правила Великобританией и называла себя императрицей Индии. Все было выдержано в стиле той эпохи – пышность, бархатные костюмы и драпировки, чувственность и тому подобное буквально затопили этот дом.

Темой ночи у Мэллиса был стимпанк: стиль Викторианской эпохи был разорван, разрезан и раздерган смешанной толпой готов, рокеров и панков – тут я должна признаться, что иногда мне сложно определить, к какому стилю относится та или иная деталь мира Темной Моды. Думаю, чтобы понять его, им нужно проникнуться.

Мы вышли из «порше», и навстречу нам шагнул Невидимый Носорог, исполняющий роль привратника, чьи чары призваны были изображать дед-панк как он есть. По сравнению с Носорогом я действительно напоминала взбесившуюся радугу.

Логово Мэллиса представляло собой огромное, хаотичное нагромождение камня и кирпича, являющее собой смесь

различных стилей Викторианской архитектуры, – в общем и целом его особняк сильно походил на готический домик семьи Адамсов, с разнообразными башенками и портиками, коваными металлическими перилами и решетками, окнами в нишах, карнизами с таким количеством украшений и накладок, что они скорее утомляли взгляд, чем радовали душу.

Четыре высоких этажа казались невероятно неустойчивыми, остроконечная крыша, утопающая своими многочисленными башенками в ночном небе, похоже, была воплощением чьего-то каприза – единственным ее достоинством было то, что вор, ступив на крутой скат, живым с нее не слезет. Деревья с высохшими ветвями, которые давно нуждались в подрезке, царапали черепицу, звук неприятно напоминал скрежет ногтей по дубовой крышке гроба.

Дом занимал не менее акра земли, так что я не удивилась бы, узнав, что внутри находятся шестьдесят или семьдесят комнат. В высоких окнах верхнего этажа мерцал свет, вспышки, видимо, сопровождали быструю, заводную музыку. На первых этажах обстановка была иной – черные и красные свечи приглушенно мерцали, музыка была тихой, задумчивой и чувственной.

Бэрронс хорошо описал мне то, что ожидало нас в этом доме. Мэллис был рожден под именем Джон Джонстон Младший в семье богатых выходцев из Британии. Когда Джонстоны-старшие погибли в подозрительной автокатастрофе, оставив младшенькому наследство в несколько сот

миллионов долларов, Джей Джей Джуниор не стал заниматься финансовой империей отца, распродал компанию за компанией и ликвидировал все активы. Он легально сменил свое труднопроизносимое, но вполне обычное имя на романтическое Мэллис, окружил себя рафинированным стимпанком и презентовал готическому сообществу свою персону в качестве нового не-мертвого.

Спустя несколько лет сотни миллионов долларов создали вокруг него круг рьяно верующих в его вампирскую природу, к клубу присоединилась немалая группа поклонников, и имя Мэллис стало почти синонимом имени Лестат¹⁸.

Бэрронс никогда не встречался с Мэллисом лицом к лицу, но пару раз видел его в известных ночных клубах. В основном их интересы пересекались в сфере бизнеса, поэтому Иерихон многое знал о его поисках и приобретениях.

– Он охотится за многими артефактами, за которыми охочусь и я, – сказал мне Бэрронс. – В последний раз Мэллис попытался перебить мою цену на эксклюзивном интернет-аукционе, – богатый коллекционер, Лукан Тревейн, внезапно исчез, и спустя всего несколько дней большая часть его коллекции оказалась на черном рынке. Я связался с хакером, который в решающий момент заморозил компьютерную сеть Мэллиса. – Темные глаза заблестели, Бэрронс улыбнулся, словно хищник, смакующий воспоминание о заветном убий-

---

¹⁸ Лестат – персонаж книг Энн Райс, известный по фильму «Интервью с вампиром».

стве.

Однако его улыбка исчезла, когда он продолжил:

– К сожалению, в коллекции Тревейна уже не было вещей, которые я надеялся обнаружить. Кто-то опередил меня. Но, в любом случае, Мэллис изучал «Синсар Дабх» задолго до смерти своего отца. Джонстон-старший буквально купался в артефактах, и было много шума в мире антикваров, когда фотокопии страниц, которые все полагали мифическими, – как же, смешно думать, что такая книга существует, – всплыли на черном рынке. Я не знаю, сколько комплектов фотокопий вышло в свет, но твердо уверен, что Мэллис видел эти страницы. С тех пор этот не-мертвый хрен вечно путается у меня под ногами.

Судя по тону, каким Бэрронс произнес «не-мертвый хрен», он явно желал Мэллису смерти и его ничуть не смущало мнимое бессмертие соперника.

– Ты не думаешь, что он вампир, – тихо сказала я, пока мы шагали из комнаты в комнату, мимо людей с застывшими взглядами. Гости расположились на бархатных диванах с низкими спинками, на обитых атласом стульях и просто на полу, причем не все из них были одеты. Мы искали вход в подвальное помещение, в котором, если верить расслабленно-малоподвижной готской девушке с застывшим взглядом, находился «Мастер». Я пыталась не замечать ритмичных движений, стонов и вздохов, доносившихся с пола, и старалась не споткнуться о полуобнаженные клубки тел, катав-

шиеся по полу.

Бэрронс тихо, невесело хохотнул:

– Даже если Мэллис и вампир, ничто не мешает утопить его в святой воде, вырвать клыки, оторвать яйца, содрать с него кожу, забить кол в задницу и положить загорать на солнышке.

Потом он помолчал минуту и спросил:

– Чувствуете что-нибудь, мисс Лейн?

Я понимала, что Иерихон говорит не о моем смущении при виде того, через что я только что переступила, поэтому покачала головой.

Мы прошли мимо еще полудюжины Невидимых, пока не приблизились к входу в полуподвал. Смешавшись с толпой белокожих, покрытых пирсингом и цепями, щеголявших черной помадой и маникюром готов, Темные эльфы, как всегда, напускали на себя чары и вытворяли со своими жертвами такое, что я не могла на это смотреть. Хотя они и не были так уродливы, как Серый Человек и Многоротая Тварь, я начала думать, что нет такого понятия как привлекательный Невидимый.

– Неверно, – сказал Бэрронс, когда я поделилась своим умозаключением. – Верховные Невидимые, принцы и принцессы четырех домов, настолько же нечеловечески прекрасны, как и Видимые. Кстати, практически невозможно отличить высших Темных от Светлых.

– А почему здесь так много Невидимых?

– Болезненная увлеченность смертью для них словно кислород, мисс Лейн. Им легко дышится в подобных местах.

Некоторое время мы плутали в лабиринте подземных коридоров. И в результате оказались в полутемном холле, который заканчивался огромной квадратной черной дверью, обитой железными полосами. Двенадцать охранников преграждали путь к Мэллису, и, видимо, чтобы отгонять излишне рьяных поклонников, стражи были увешаны запасными обоймами на перекрещенных ремнях, охватывавших торс, а в руках сжимали автоматы.

Огромный быкоподобный мужчина с обритой головой шагнул вперед и преградил нам путь. Английские булавки у него в ушах не произвели на меня впечатления. А вот те, которыми он проколол веки – произвели.

– И куда это вы собрались? – прорычал мужчина, одной рукой направляя автомат на Бэрронса, а вторую опуская на рукоять пистолета, торчавшего за поясом черных кожаных штанов.

– Скажи Мэллису, что пришел Иерихон Бэрронс.

– И какого хрена Мастер станет тобой интересоваться?

– У меня есть нечто, очень нужное ему.

– Да ну? И что же это?

Бэрронс улыбнулся, и я впервые заметила вспышку искреннего веселья в его темных глазах.

– Скажи ему, пусть попробует получить доступ к любому из своих банковских счетов.

Десять минут спустя дверь в святая святых Мэллиса распахнулась. Рывком. Бритоголовый охранник вылетел оттуда с пепельным лицом и в окровавленной рубашке.

За ним вышли два Невидимых Носорога. Они ткнули стволы нам в спину и проводили в вампирское логово. Тошнота волной поднялась к горлу; я обеими руками стиснула сумочку, чтобы случайно не коснуться наших отвратительных проводников.

Комната за обитой железом дверью оказалась настолько роскошно декорирована бархатом, атласом, газом и парчой, настолько заставлена неовикторианской мебелью, что сначала было трудно определить, где, собственно, находится сам хозяин. Не особо помогало и то, что одет Мэллис был в соответствии с окружением, просто воплощение романтического гота.

Я заметила его в последнюю очередь. Он неподвижно сидел на низком диване, богато украшенном и заваленном подушками. Мэллис был одет в обтягивающие брюки в черно-коричневую полоску и хорошо сшитые итальянские тапочки. Льняная желтовато-белая рубашка со шнуровкой у ворота и на запястьях и кровь на жабо завершали картину. Его жилет был сочетанием атласа и бархата янтарного, красновато-коричневого, кровавого и золотого цветов, и, пока я смотрела, Мэллис достал из внутреннего кармана белоснежный платок и аккуратно вытер кровь со щеки, потом промокнул губы, стирая оставшиеся капельки. Мускулистый и

грациозный, как кот, он казался бледным и гладким, словно мраморное изваяние. Мертвые желтые глаза придавали его узкому и слишком бледному, словно действительно мраморному, лицу жутковатый вид. Длинные белые волосы были зачесаны назад и заплетены в старомодную косу, что только подчеркивало его нездоровую бледность.

Вампир волнообразным движением поднялся с дивана и встал перед нами, держа в руках крайне неуместный тут современный ноутбук. Грациозным щелчком длинных пальцев захлопнув крышку устройства, он небрежно поставил ноутбук на покрытый бархатной скатертью стол и внезапно оказался прямо перед нами.

Я смотрела на них – на мертвенную неподвижность Мэллиса, лицом к лицу столкнувшуюся с чувственной мужественностью и тревожащей жизненной силой Иерихона Бэрронса, и внезапно поняла, что, несмотря на то что мы находимся в логове вампира, в окружении его вооруженных охранников и монстров-прислужников, если бы меня спросили, кто из мужчин, стоявших передо мной, был более опасен, выбор был бы не в пользу Мэллиса. Нахмурившись, я переводила взгляд с одного на другого. Что-то тревожило меня, но я не могла определить что. Мне слишком долго не удавалось понять, что же это было, а потом стало слишком поздно. Гораздо позже я пойму, что той ночью все было не таким, каким казалось, и что Бэрронс так спокойно стоял перед кровожадным «Мастером» лишь потому, что твердо

знал – что бы ни случилось, он выйдет отсюда живым. И не только благодаря тому, что он крепко держал Мэллиса за его финансовые яйца.

– Что ты сделал с моими деньгами? – поинтересовался вампир, и его шелковый голос странно контрастировал с мертвым взглядом желтых глаз.

Бэрронс рассмеялся, на темном лице сверкнули белоснежные зубы.

– Считай это моим страховым полисом. Я верну все на свои места, когда выйду отсюда, Джонстон.

Вампир оскалился, открывая длинные острые клыки. На них все еще была кровь. На мертвом лице мелькнуло выражение безумной, всепоглощающей ярости.

– Меня зовут Мэллис, говнюк, – прошипел он.

Один ноль в пользу Бэрронса, подумала я. Джей Джей Джуниор ненавидел свое имя. И потеря контроля над состоянием бесила его куда меньше, чем упоминание имени, которое было дано ему при крещении.

Бэрронс смерил собеседника взглядом – всего, от окровавленного жабо до остроносых, расшитых шелком кожаных тапочек.

– Мэллис Говнюк, – повторил он. – А я-то думал, что твоим последним прозвищем было «изысканный кошмар».

Желтые нечеловеческие глаза Мэллиса прищурились.

– Ты хочешь умереть, человек?

Он быстро пришел в себя, лицо снова побледнело, голос

стал бесстрастным и таким мелодичным, что, казалось, долго еще продолжал вибрировать в барабанных перепонках.

Бэрронс снова засмеялся.

– Может быть. Но в исполнении этого моего желания помощник из тебя никудышный. Что ты знаешь о «Синсар Дабх», Младшенький?

Мэллис вздрогнул – почти незаметное движение, но оно было. Если бы я не стояла так близко и не смотрела на вампира так внимательно, я бы этого не заметила. Мэллис дважды выдал себя эмоциями, что, насколько я понимала, для него неслыханная редкость. Взглянув на охранников, потом на дверь, он сказал:

– Все вон. Кроме тебя, – указал он на Бэрронса.

Бэрронс обнял меня за плечи, и я непроизвольно вздрогнула, так же как вчера, когда он дотронулся до меня. Этот человек действительно излучал странную, физически ощутимую энергию.

– Она останется со мной, – сказал Бэрронс.

Мэллис смерил меня уничижительным взглядом. Медленно, очень медленно искривил губы. Эта якобы улыбка не коснулась его странных, мертвых, нечеловеческих глаз.

– Кое-кто здесь, похоже, принял близко к сердцу старую песню «Роллинг Стоунз», не так ли? – пробормотал он.

И все-то тут критики... Я знала, о какой песне он говорит: «Она – Радуга». Сколько бы раз я ни слушала ее на своем плеере, я закрывала глаза и кружилась, представляя, что

танцую под теплым летним дождем, раскинув руки и запрокинув голову, а из кончиков моих пальцев вырываются разноцветные струи, словно из водяных пистолетов, и раскрывают во всевозможные цвета деревья, птиц, пчел, цветы и даже солнце. Я любила эту песню. Когда я не ответила, – мы с Бэрронсом договорились, насколько он может управлять мной, так что я все еще слушалась приказа держать рот закрытым, – Мэллис повернулся к своим охранникам, которые не сдвинулись с места, и зашипел:

– Я сказал «вон»!

Двое Невидимых переглянулись, и один из них протянул замогильным голосом:

– О Великий Не-мертвый...

– Джуниор, ты, должно быть, шутишь, – качая головой, пробормотал Бэрронс. – Неужели ты не смог придумать чего-то более оригинального?

– Немедленно.

Стоило Мэллису оскалить клыки в сторону охраны, как Носороги быстро ретировались. Но было непохоже, что это доставило им удовольствие.

Что ж, мы только впустую потратили время, – рычал Бэрронс, когда мы пробирались сквозь старинные и новомодные комнаты к выходу из дома Мэллиса.

Я ничего не говорила. Невидимые Носороги топали за нашими спинами, чтобы убедиться, что мы ушли. Их хозяина

встреча с нами не обрадовала.

Отпустив охрану, Мэллис притворился, что понятия не имеет, о чем говорит Бэрронс, и вел себя так, словно никогда не слышал о «Синсар Дабх», хотя и слепой увидел бы, что он не только слышал, но и знает о ней нечто такое, что очень сильно его беспокоит. У них с Бэрронсом разыгралось целое представление со взаимными выпадами, оскорблениями и колкостями, так что на несколько минут они абсолютно забыли обо мне.

Спустя десять минут тестостероновой битвы в дверь сунулся один из охранников Мэллиса – человек, – и я поняла, что Джей Джей Джуниор действительно не человек или, по крайней мере, обладает *определенными* сверхъестественными силами. Вампир поднял почти двухметрового громилу в воздух, одной рукой взяв за горло, а потом швырнул через всю комнату с такой силой, что тот врезался в стену, рухнул на пол и остался лежать, вывернув голову под углом, невозможным для живого человека. Из ушей и носа охранника текла кровь. Затем желтые глаза Мэллиса ярко заблестели, и я испугалась, что он не сдержится, бросится к телу и начнет слизывать кровь.

Пора сваливать, поняла я, пожав руку собственной истерии. Но Бэрронс снова сказал что-то нелицеприятное, и они с Мэллисом вернулись к своей грызне, а я стояла, пытаюсь держать свой ужас в узде, нервно притопывая ногой и уговаривая желудок не портить здешние ковры.

Носороги не остановились у дверей, они провожали нас до самого «порше», а потом наблюдали, как мы садимся внутрь. Я следила за ними в зеркало бокового обзора, пока они не пропали вдаль, а потом позволила себе громкий облегченный вздох. Это определенно было самое разрушительное для нервов событие в моей жизни, даже встреча с Многоротой Тварью не могла с ним сравниться.

– Скажи мне, что нам никогда не придется возвращаться туда, – попросила я Бэрронса, вытирая о юбку вспотевшие ладони.

– Нам придется это сделать, мисс Лейн. У нас не было возможности прощупать почву. Нам придется вернуться через день-два и как следует все осмотреть.

– Ничего там нет, в этой почве, – сказала я ему.

Иерихон бросил на меня быстрый взгляд.

– Вы не можете этого знать. Имение Мэллиса тянется на сотни акров.

Я вздохнула. У меня не было ни малейших сомнений в том, что если Бэрронс решил это сделать, он протащит меня за шкуру по всему имению, причем не раз, и ткнет носом во все подозрительные уголки.

– Под землей ничего нет, Бэрронс, – сказала я.

– Повторяю, мисс Лейн, вы не можете этого знать. Вы не почувствовали фотокопии «Синсар Дабх», пока я не достал их с третьего этажа под гаражом и не принес наверх, в магазин.

Я моргнула.

– Под гаражом есть три подземных этажа? Господи, зачем?

Бэрронс закрыл рот, явно сожалея, что проговорился. Но мне сразу стало ясно, что больше я от него ни слова не добьюсь, поэтому я решила сменить тему на более перспективную. *Я не собиралась* возвращаться в логово вампира ни завтра, ни послезавтра, ни даже на следующей неделе. Когда они меня увидят, они меня убьют, в этом я была уверена. Поскольку я повела себя очень невоспитанно.

– Я не согласна, – сказала я. – Думаю, действительно важные вещи Мэллис держал бы под рукой. Чтобы в любой момент можно было схватить и позлорадствовать, а может, и что похуже.

Бэрронс покосился на меня.

– Теперь вы у нас эксперт по мэллисам?

– Не эксперт, но я кое-что узнала, – огрызнулась я.

– И что же вы узнали, мисс Радуга?

Иногда он такой тупой. Но я лишь пожала плечами, поскольку этот факт делал мою маленькую месть еще слаще. Я почти смирилась с тем, что пришлось оставить подаренный мамой набор косметики, расческу, мою любимую розовую пилочку для ногтей и два шоколадных батончика на столе у вампира, что ж, потерю компенсировало выражение лица Бэрронса, когда он увидел, как я расстегиваю сумочку и достаю эмалированную коробочку, поднимаю ее повыше и ты-

чу ему под нос.

– Например, то, что это находилось, – самодовольно сказала я, – там, где и должно было находиться. Под рукой.

Бэрронс так сильно повернул руль и ударил по тормозам, что колодки завизжали, а покрышки задымились.

– Я молодец. Давай, скажи это, Бэрронс, – подначивала я.
– Я ведь молодец, правда?

Как оказалось, я могу чувствовать не только «Синсар Дабх», но и все Объекты Силы, ОС, как я решила для краткости их называть, – и я заслуженно гордилась собой, а также тем, как аккуратно мне удалось совершить первую в жизни кражу.

Мы вернулись в книжный магазин, чуть-чуть не дотянув до скорости света, и теперь сидели на знакомом диване и Бэрронс рассматривал мою первую криминальную добычу.

– Если учесть, что вы оставили свою визитную карточку на столе, для всеобщего обозрения, мисс Лейн, – сказал он, вертя в руках эмалированную коробочку, – что было поступком за гранью идиотизма, то единственное, что я могу поставить вам в заслугу – вы не дали им себя убить. Пока.

Я фыркнула. Но, черт возьми, я готова была поклясться, что это самая высокая оценка, которой кто-либо когда-либо удостоивался от Иерихона Бэрронса. Когда мы, в клубах дыма, остановились на дороге – не так уж далеко от поместья Мэллиса, – и я призналась, что оставила на столе личные ве-

щи, Бэрронс снова разогнал «порше», и мы наперегонки с луной помчались в город.

– У меня не было выбора, – в который раз сказала я. – Я уже говорила, что иначе коробочка не помещалась в мою сумку.

Я взглянула на него, но он не сводил глаз с ОС, пытаюсь понять, как открывается коробочка.

– В следующий раз я буду умнее и оставлю эту вещь лежать на месте, – ядовито сказала я. – Тогда ты будешь счастлив?

Он поднял на меня глаза, наполненные высокомерием Старого Света.

– Я не это имел в виду, и вы это знаете, мисс Лейн.

Я симитировала выражение его глаз и ответила любезностью на любезность.

– Тогда нечего обвинять меня в том, что я приняла единственно верное решение, Бэрронс. Я не могла спрятать это под юбкой, и оно не помещалось в мой лифчик.

Его взгляд скользнул по моей груди и застыл не несколько секунд.

Когда его внимание вновь переключилось на коробочку, я перевела дыхание и тупо уставилась на темную макушку. Бэрронс только что одарил меня самым чувственным, самым сексуально напряженным, самым голодным взглядом из тех, что доставались мне в течение жизни, и я была абсолютно уверена, что он этого даже не заметил. Мои груди внезапно

потеплели и отяжелели, а во рту стало до неприятного сухо.

Возможно, Иерихон Бэрронс был всего на семь или восемь лет старше меня, и, возможно, он был тем, кого иные женщины называют «невероятно привлекательным на свой темный, опасный лад», но он и я – выходцы из разных миров, мы по-разному смотрим на жизнь. Газель не может спать со львом, разве что мертвым сном в луже крови. После минуты озадаченного молчания я помотала головой, выбрасывая из головы невероятный взгляд, – все равно он в моей бедной голове не укладывался, – и решила сменить тему разговора.

– Ну так что это? Есть идеи? – Ощущение, которое вызывала коробочка, отличалось от того, что вызывали фотокопии «Синсар Дабх». Хоть я и почувствовала тошноту, как только зашла в комнату, но она не была невыносимой, даже когда я обнаружила, что стою прямо возле этой вещи. Я воспользовалась глупой перепалкой Бэрронса и Мэллиса, чтобы опробовать свои воровские способности. Держать коробочку в руках было неприятно, но я справилась со своим бунтующим желудком.

– Если это то, что я думаю, – ответил Бэрронс, – то оно почти так же важно, как сама Темная Книга, и так же необходимо нам. Ага, – удовлетворенно заметил он, – вот ты где.

Со слабым «кלאц» коробочка раскрылась.

Я наклонилась вперед и заглянула в нее. Внутри, на черном бархате, лежал полупрозрачный черно-синий камень,

выглядевший так, словно его откололи, судя по острым чистым сколам, от большей плиты. Гладкая поверхность с двух сторон и неровные места скола были покрыты рунами. Внешние края камня словно светились странным синеватым светом, такой отблеск бывает на свежесколотом угле. От одного взгляда на него меня охватил ледяной ужас.

– Ах да, мисс Лейн, – пробормотал Бэрронс, – вам, конечно же, нужны объяснения. Отстраняясь от несовершенства методов, теперь мы владеем двумя тайными камнями, необходимыми для того, чтобы раскрыть секреты «Синсар Дабх».

– Я вижу только один, – сказала я.

– Второй хранится у меня в подвале. – Иерихон нежно провел пальцами по поверхности тихонько жужжащего камня.

– А почему он издает этот звук? – Я начала всерьез интересоваться тем, что еще может скрываться под гаражом Бэрронса.

– Он, должно быть, чувствует близость своего сородича. Этот звук означает, что когда все четыре камня соберутся вместе, они споют Песнь Творения.

– То есть они что-то создадут? – спросила я.

Бэрронс пожал плечами.

– В языке эльфов нет эквивалента «созиданию» и «разрушению». Есть только Творение, Действие, оно включает обе указанные вещи.

– Странно, – сказала я. – Наверное, у них очень бедный

язык.

– У них очень точный язык, мисс Лейн. Если вы с минутку подумаете, вы придете к выводу, что это не лишено смысла: рассмотрев вопрос, вы поймете, в чем смысл, а поняв смысл, избавитесь от замешательства.

– А? – Я не только не избавилась от замешательства, я провалилась в него еще глубже.

– В процессе создания чего-либо, мисс Лейн, вы уничтожаете то, чем оно *являлось изначально*. Даже если вы начинаете с пустого места, оно тоже будет уничтожено, когда на этом месте что-то появится. Для Туата Де нет разницы между созиданием и уничтожением. Есть лишь покой и изменение.

Я никудышная ученица. Я едва справилась с курсом философии в колледже. Когда я пыталась читать Жан-Поля Сартра «Бытие и ничто», я впадала в непреодолимую нарколепсию, которая начиналась после двух-трех параграфов и заканчивалась глубоким, похожим на кому сном. Единственное, что я могу припомнить из «Превращения» Кафки, это отвратительное яблоко, упавшее на спину жука, а глупая история Борхеса «Аватары черепахи» не научила меня ничему, кроме того, что мне гораздо больше нравится маленький кролик Фу-Фу – эти слова ритмичные, и под них можно прыгать через скакалку.

Насколько я поняла, Бэрронс пытался объяснить мне следующее: эльфам все равно, останусь я жива или умру, они

даже не заметят, что я умерла, вся разница будет заключаться в том, что до смерти я ходила, говорила и сама переодевалась, а после я не смогу этого делать, поскольку из меня вынули батарейки.

Я поняла, что способна научиться по-настоящему ненавидеть эльфов.

Пробормотав извинения перед мамочкой, я схватила разорванную подушку и швырнула ее через всю разрушенную спальню, завопив:

– Черт, черт, черт! Куда ты его дела, Алина?

По комнате закружились перья. Что напомнило мне о запущенной в свободный полет подушке, которая врезалась в раму картины с изображением крытого соломой коттеджа на морском берегу – одну из немногих уцелевших вещей в квартире Алины – и сшибла картину со стены. К счастью, она упала на кровать и стекло не разбилось. К несчастью, за картиной не обнаружилось тайника.

Я сползла на пол и прислонилась спиной к стене, глядя в потолок и ожидая озарения. Озарение не торопилось. Я проверила *все* места, в которые Алина прятала дневники дома, потом остальные места, но безрезультатно. Кроме того, я обнаружила, что пропал не только ее дневник, но и другие вещи: фотоальбомы и ежедневник исчезли. Алина вела свой ежедневник так же аккуратно, как и дневник, и я знала, что она взяла с собой в Дублин два фотоальбома: один – с фотографиями семьи и дома в Ашфорде, чтобы показывать друзьям, и второй – пустой, для ее фотографий отсюда.

Мне не повезло найти ни один из них. А искала я действительно тщательно.

Я даже остановилась по пути у магазина инструментов и купила молоток, чтобы можно было отломать заднюю стенку шкафа в спальне. Я даже использовала острый конец молотка, чтобы простучать все пустоты и обшивки в квартире, ища слабо держащиеся части. Я простучала даже половицы. Я осмотрела всю мебель в квартире сверху, с боков и снизу и даже проверила внутри, равно как и снаружи, туалетный бачок.

Я ничего не нашла.

Если дневник Алины был спрятан где-то в этом помещении, то на сей раз она победила. Все, что мне осталось – это полностью уничтожить это место: выбить стены, разбить на части все шкафы, сорвать полы, но в таком случае мне придется купить это чертово здание, чтобы оплатить нанесенный ущерб, а у меня не было таких денег.

Я задержала дыхание. Но у Бэрронса эти деньги были. И я могу предложить ему купить это место, используя в качестве стимула его желание найти книгу. Мне нужен был дневник Алины, поскольку он мог помочь вычислить ее убийцу, однако имелись неплохие шансы и на то, что там содержится информация о местонахождении «Синсар Дабх». В конце концов, последними словами моей сестры в сообщении были: «Теперь я знаю, что это такое, и знаю, где...», после чего звонок был прерван. Шансы на то, что она написала что-то по этому поводу в дневнике, довольно велики.

Вопрос в том, могу ли я доверять Иерихону Бэрронсу, и

если могу, то насколько?

Я уставилась в пространство, думая о том, что мне о нем известно. Немногое. Мрачный экзотический полубаск, полукельт был загадкой в загадке, и я считала, что он никогда и никому не позволит себя разгадать. Может быть, Фиона и знает о нем кое-что, но она сама по себе тоже загадка.

Я знала лишь одно – Бэрронс зверски на меня разозлится, когда мы снова встретимся, поскольку последним, что он сказал мне ранним утром в своей типичной высокомерной манере, прежде чем я без сил рухнула на кровать, было: «У меня на сегодня запланированы дела, мисс Лейн. Оставайтесь в книжном магазине до моего возвращения. Фиона позаботится обо всем, что может вам понадобиться».

Я проигнорировала его приказ и почти сразу после того, как проснулась во втором часу дня, выскользнула через черный ход в аллею за магазином. Нет, я не полная идиотка, и я не хочу умереть. Просто у меня была миссия, и я не могла позволить страху взять надо мной верх, поскольку с тем же успехом я могла сесть на следующий же рейс обратно в Джорджию, поджать хвост и сбежать домой, к безопасности и маме с папой.

Да, я знала, что Многогорлая Тварь охотится за моим легкомысленным, белокурый вариантом. Да, я не сомневалась, что пока Мэллис дремлет, игнорируя дневной свет, где-то на романтически-готической кушетке и переваривает чью-то кровь, его люди прочесывают Дублин в поисках вороватой

мисс Радуги.

Но такую меня никто не станет искать. Я была инкогнито. Я собрала свои потемневшие волосы в короткий хвостик и заправила их под бейсболку, плотно надвинув ее на глаза. Я надела свои любимые линялые джинсы, неряшливо растянутую, почти изношенную футболку, которую я стащила у папы перед отъездом (много стирок тому назад она была черной), и растоптанные теннисные туфли. На мне не было ни единого аксессуара, а вместо сумочки я захватила коричневый бумажный пакет. Я не нанесла ни грамма косметики, нуль, зеро, ничто, даже помадой не воспользовалась, отчего губы как-то странно себя чувствовали. Я слишком привыкла их увлажнять. Думаю, эта привычка родилась из-за жизни в жарком климате Юга. В таких условиях, как дома, даже самая здоровая кожа нуждается в поддержке. Но апофеозом моей маскировки были по-настоящему отвратительные увеличивающие очки, которые я купила в аптеке по пути сюда и которые теперь висели у меня на шее, на вороте выцветшей футболки.

Вы можете подумать, что я выглядела предельно отталкивающе, но я знаю кое-что о людях. Мир замечает симпатичных, красиво одетых юных девушек. И изо всех сил старается не обращать внимания на непривлекательных нерях. Если хорошо постараетесь, то в результате от вас начнут шарахаться минимум за десять метров. Без сомнения, я выглядела отвратительно, как никогда в жизни. И я не гордилась

этим, хотя в то же время это было мне на руку. Пусть я не смогла сделать из себя уродину, но мне хотя бы удалось превратиться в невидимку.

Я взглянула на часы и вскочила на ноги. Поиски в квартире Алины заняли несколько часов, сейчас было около семи. У Бэрронса, похоже, была привычка возвращаться в магазин в начале девятого, и я хотела попасть назад до его прихода. Я знала, что Фиона заложит меня в любом случае, но решила, что он не так разозлится, если увидит, что его детектор ОС уже вернулся, целый и невредимый, и будет шуметь гораздо меньше, чем шумел бы, если бы я заставила его некоторое время переживать потерю столь ценного инструмента.

Я собрала свою бумажно-пакетную сумочку, нацепила обратно на нос отвратительные очки, надвинула бейсболку на лоб так низко, как только могла, выключила свет и закрыла квартиру.

Когда я вышла из дому, воздух оказался теплым, а великолепный закат красил небо в оранжевый и кроваво-красный цвета. Приближался прекрасный дублинский вечер, была середина лета. Квартира Алины и магазин Бэрронса находились в разных концах оживленной Темпл Бар Дистрикт, но я не возражала против того, чтобы по пути в магазин проталкиваться сквозь толпу радостных завсегдатаев пабов. Пусть я сама не могла быть счастлива, но приятно было видеть, что другим это состояние доступно. Это заставляло меня более

оптимистично оценивать собственные шансы на упомянутое ощущение.

Я спешно шагала по заполненным улицам, и ни одна живая душа не достаивала меня взглядом. Я была довольна своей невидимостью и решительно, боролась с чужим и давящим на психику внутренним миром, настраивая свой плеер. Я слушала одного из своих любимых исполнителей, которых хватает на один хит – Джеймса с песней «Laid» – «Эта кровать в огне страстной любви, соседи жалуются на шум наверху, но она кончает, лишь оказавшись сверху» – и тут увидела его.

И захотела трахаться, как только скользнула по нему глазами.

Я уже говорила, что ругательные слова нелегко мне дают, особенно те, которые я вообще нечасто употребляю, так что можете себе представить, как повлиял на меня эльф, если уж это слово вылетело на середину моего сознания и радостно там загарцевало. Эго и суперэго отключились со скоростью звука, уступив место моему новому контролеру – этому примитивному маленькому гедонистическому ублюдку.

В трусах стало мокро, жарко и скользко, и каждая клеточка тела буквально изнывала от желания. Мои груди и бедра дернулись от одного только взгляда на него, стали мягче, полнее, отяжелели. Трение сосков о ткань бюстгалтера внезапно превратилось в невыносимую сексуальную пытку, а трусики причиняли больше неудобств, чем могли бы при-

чинить веревки и цепи, и мне отчаянно требовалось нечто между моих ног, проникающее в меня, заполняющее изнутри. И мне нужно было трение. Грубое трение чего-то толстого, горячего, длинного внутри меня. Входящего и выходящего, снова и снова, о Боже, пожалуйста, мне нужно хоть *что-нибудь*. Ничто другое не успокоило бы моей боли, ничто другое не смогло бы удовлетворить эту отчаянную потребность — я хотела трахаться!

Одежда раздражала кожу. Мне нужно было ее снять. Я схватила край футболки и начала стягивать ее через голову.

Прохладный ветерок, коснувшийся обнаженной кожи, отрезвил меня. Я застыла на месте, держа край футболки на уровне глаз.

Что за *фигню* я вытворяю?

Моя сестра мертва. Похоронена и разлагается в могиле за церковью, в которую мы ходили с тех пор, как были детьми. За церковью, в которой мы мечтали когда-нибудь венчаться. Алина никогда не сможет пойти под венец.

Из-за эльфов, у меня не было в этом сомнений. После событий последних нескольких дней я была уверена, что одна или несколько этих тварей несут ответственность за жестокое убийство моей сестры. Это они кусали и рвали ее своими зубами и когтями, и один Бог знает, что еще они с ней вытворяли. Нет, коронер не *нашел* в Алине следов спермы, но то, что он в ней нашел, невозможно было идентифицировать. Большую часть времени я старалась не думать об этом

слишком часто.

– Ну уж нет, – прошипела я, одергивая футболку. Заодно я вытащила наушники из ушей. Слушать, как Джеймс поет о сексе, повторяющемся снова и снова, было все равно что плескаться бензином в открытый огонь.

– Что бы ты со мной ни делал, можешь сразу прекратить. Это пустая трата времени.

– Я ничего не делаю, ши-видящая, – ответили мне. – Это то, чем я *являюсь*. Я – каждая эротическая фантазия, которая посещала тебя, и я же – тысячи фантазий, которых ты себе и представить не можешь. Я – секс, который вывернет тебя наизнанку, а после испепелит дотла. – Существо улыбнулось. – А если ты попросишь, я буду повторять с тобой это снова и снова.

Голос существа был глубоким, богатым и мелодичным, казалось, он обволакивает и нежно, чувственно посасывает мои напряженные соски. Внутри меня снова начало нарастать эротическое инферно. Я попятилась, прижалась спиной к окну паба и задрожала.

Алина умерла из-за такой же твари. Я схватилась за эту мысль, как за спасательный круг.

Эльф стоял посреди запруженной народом улицы, в пяти или шести метрах от меня, и не делал попыток подойти ближе. В этой части улицы движение машин было запрещено, а пешеходы обтекали существо, даже не глядя на него.

И никто не смотрел в мою сторону, что меня немало уди-

вило, поскольку я снова стянула футболку, открыв всеобщему обозрению свой любимый розовый кружевной лифчик и большую часть груди. Тяжело дыша, я опять натянула футболку.

Даже сегодня, после всего что я видела, я не могу описать В'лейна, принца Туата Де Данаан. Есть такие вещи, которые просто невозможно описать словами, слишком они потрясающи и невыразимы. Лучшее описание, которое я могу предложить: представьте себе высокого, сильного, могущественного архангела, пугающе мужественного, ужасающе красивого. Потом раскрасьте его в самые изысканные оттенки каштанового, бронзового и золотистого цветов, которые только можете себе представить. Наделите его гривой с блеском корицы, вызолоченной солнцем смуглой бархатной кожей и глазами цвета янтаря с вкраплениями расплавленного золота.

Этот эльф был невыразимо прекрасен.

А я хотела трахаться, трахаться, трахаться и трахаться, пока не умру.

И тут я поняла. У каждого эльфа есть собственный особый дар, своя «визитная карточка». Серый Человек крадет красоту. Тени выпивают жизнь. Многоротая Тварь предпочитает пожирать плоть.

Этот был смертью от секса. Его пищей был оргазм, и самое страшное в том, что его жертвы какой-то частью сознания вполне понимают, что они умирают, хотя сами же умо-

ляют о сексе, который их убивает. Внезапно меня посетило жуткое видение меня самой, на той же улице, раздетой, жалкой, извивающейся в мольбе у ног этой твари, которая была невидима для прохожих, умирающей вот так...

Никогда.

У меня была единственная надежда: если мне удастся познакомиться достаточно близко, я смогу заморозить его и сбежать. Опираясь на силу воли и отрезвляющие воспоминания о том, как выглядела Алина в тот день, когда я опознавала ее тело, я отлепила себя от окна и шагнула вперед.

Эльф тут же сделал шаг назад.

Я моргнула.

– А?

– Это не отступление, человек, – холодно произнесло Существо. – Это нетерпение. Я знаю, кто ты, ши-видящая. И нам не нужно играть в твои глупые игры с преследованием.

– Ладно, – огрызнулась я, – однако у тебя было время, чтобы поиграть со мной в глупую игру умри-от-секса, не так ли?

Существо пожало плечами.

– Я бы не убил тебя. Ты нужна нам.

Когда он мне улыбнулся, мое сердце пропустило удар, это было как солнце, которое вынырнуло из-за туч и засияло для меня одной, но оно было настолько жарким, что обжигало до костей.

– Я только доставил бы тебе удовольствие во всем моем

великолепии, – продолжал он, – но не боль. Мы можем и так, ты ведь знаешь.

Я задрожала от одной мысли об этом – волшебство, но никакого льда, секс, но никакой смерти. Вечерний воздух вдруг показался мне необычайно холодным, коснувшись моей груди и остудив пылающие соски. Я опустила глаза. Футболка и лифчик лежали в сточной канаве у моих ног, смешавшись с дневным мусором и городской грязью.

Стиснув зубы, я дрожащими руками вытащила оттуда свою одежду. Вспыхнув сразу дюжиной оттенков красного, я снова надела лифчик и натянула через голову футболку. Потом вытащила из грязи бейсболку и бумажный пакет с плеером, надвинула бейсболку на глаза, но нырять за очками не стала, – я не хотела, чтобы это Существо показалось мне больше, чем на самом деле. А затем, без промедления, я резко рванулась к эльфу. Я должна его остановить. Это моя единственная надежда. Потому что только Бог знает, что еще я могу натворить.

Однако прежде чем я добралась до него, эльф исчез. Секунду назад он был на этом месте, и вот – его нет. Я была уверена, что стала свидетельницей той самой «телепортации» эльфов. Но куда он переместился?

– Позади тебя, человек.

Я резко обернулась и увидела, что он стоит на тротуаре в нескольких метрах от меня, а прохожие все так же расступаются, обходя его по широкой дуге; так Красное море по-

виновалось пророку Моисею. К тому же на этой улице явно стало меньше прохожих, от начала и до самого ее конца, а дверь паба внезапно захлопнулась, словно отрезая заведение от странного, явно не летнего холода в августовском воздухе.

– У нас нет времени на то, чтобы валять дурака, Мак-Кай-ла Лейн.

Я вздрогнула.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Мы многое знаем о тебе, Нуль, – ответил эльф. – Ты одна из наиболее могущественных ши-видящих, не замеченных нами вовремя. И мы надеемся, что ты только начала развивать свой потенциал.

– Кто такие «мы»? – спросила я.

– Те из нас, кто озабочен судьбами обоих наших миров.

– И кто вы такие?

– Я В'лейн, принц Туата Де Данаан, и я представляю Эобил, благородную Верховную Королеву нашей расы. У нее есть задание для тебя, ши-видящая.

Я едва удержалась, чтобы не расхохотаться ему в лицо. Последнее, что я ожидала услышать от любого из эльфов, начиналось со слов: «твоя миссия, если ты решишь взяться за нее...»

– О, на тот случай, если вы забыли... – Не то чтобы я специально напоминала или что-то в этом роде... – Но разве эльфы не привыкли убивать ши-видящих везде, где увидят, вместо того чтобы давать им маленькие задания?

– Мы давно уже не видели подобных тебе, – ответил эльф.
– В качестве жеста доброй воли и в знак уважения со стороны нашей королевы мы хотим вручить тебе подарок.

– О нет. – Я помотала головой. – Никаких подарков, благодарю.

Я была знакома с такими понятиями, как Троянский Конь и бойтесь-данайцев-дары-приносящих, и ни секунды не сомневалась, что подарки эльфов будут гораздо хуже.

– Насколько я знаю, ты выдала себя одному или нескольким Невидимым, – холодно заметило Существо.

Я застыла. Откуда он знает? И что он имеет в виду под «несколькими»? Неужели они привлекли Королевских Охотников?

– И что? – Я пожала плечами и решила прибегнуть к последней и самой лучшей защите – блефу.

– Наш подарок предлагает тебе небольшую защиту от тех, кто захочет нанести тебе вред.

– Даже от тебя? – выпалила я. Хоть мне и удавалось вести с ним беседу, – поверьте мне, при том, что я чувствовала, сложно в принципе связать два слова, не то что заставить их звучать осмысленно, – дважды за это время мне пришлось снова надевать футболку, и я поймала себя на том, что расстегиваю джинсы.

– Против таких, как я, не существует защиты, ши-видящая. Мы, принадлежащие к королевским дворам, неконтролируемо влияем на людей. И этого нельзя избежать ни одним

из способов.

Однажды я пойму, что он мне солгал. Но во время разговора я была ошарашена его словами и приняла их за правду.

– Тогда какой прок в вашем глупом подарке? – Я скосила глаза на свой лифчик. Грудь так напряглась, что мне стало по-настоящему больно. Я сжала их ладонями и попыталась помассировать, но мои отчаянные попытки не приносили облегчения.

– Наш подарок поможет тебе защититься от многих, кто попробует тебя убить, – сказала Существо. – Но не поможет против тех, кто имеет право отнять у тебя жизнь.

Я нахмурилась, мои руки упали вдоль тела и сжались в кулаки. Ногти оставили глубокие вмятины на ладонях.

– *Право* отнять мою жизнь?! – зарычала я. Именно так они думали о моей сестре, те, кто убивал ее? Они считали, что *имеют право*!

Существо изучало меня.

– Мы не собираемся пользоваться этим правом.

Ага, как же – а пираньи у нас вегетарианцы.

– Что это за подарок? – спросила я.

Эльф протянул мне золотой браслет, инкрустированный серебром и рубинами.

– Это Браслет Крууса. Он был создан давным-давно для одной из его избранных человеческих любовниц. Браслет представляет подобие щита против многих Невидимых и... других небезопасных созданий.

– А что насчет Видимых? Против них браслет работает? Эльф покачал своей неописуемо прекрасной головой.

Я минутку подумала и спросила:

– Он сможет защитить меня от Королевских Охотников?

– Да, – ответило Существо.

– Правда?! – воскликнула я. Да из-за одного этого мне стоило схватиться за браслет обеими руками! С тех пор как я узнала о дьяволоподобных Охотниках, каждое воспоминание о них заставляло мою кожу покрываться мурашками, словно страх перед этой кастой Невидимых был заложен в моих генах.

– В чем подвох? – спросила я.

Знаю, глупый вопрос. Словно он мне ответит. Нельзя было доверять ни единому его слову. Я не забыла, что говорил Бэрронс о Видимых и Невидимых – их практически невозможно отличить. И даже если В'лейн, принц Туата Де Данан, прибыл сюда по приказу Видимой Королевы, у меня не было ни малейших доказательств того, что он тот, за кого себя выдает.

– Нет никакого подвоха, – ответил он.

Как я и говорила, глупый вопрос.

– Я не буду менять первоначальное решение, – сообщила я. – Так что нет, спасибо. А теперь давай перейдем к делу: что ты от меня хочешь?

Я одернула футболку. Я хотела услышать его предложение о найме на работу и покончить со всем этим как можно

скорее.

Воздух вокруг меня резко остыл, словно эльф, недовольный моим поведением, заморозил его.

– В Королевстве Чар беспокойно, ши-видящая, – сказала Существо. – И, как ты скоро убедишься, в твоём мире тоже. После целой вечности спокойствия некоторые из низших каст Невидимых начали сбегать из своего заключения. Несмотря на все наши усилия исправить истончившиеся участки реальности, мы до сих пор не определили, каким образом узники вырываются на свободу.

Я пожала плечами.

– Ну и что я, по-вашему, могу с этим сделать?

– Королева Эобил хочет получить «Синсар Дабх», ши-видящая.

Мне стало интересно, не проще ли будет перечислить моих знакомых в Дублине, которым не нужна «Синсар Дабх». Ха, да таких просто нет.

– Ну и что ей мешает заполучить книгу? Разве Эобил не должна быть самой могущественной из всех эльфов? – Я знала об этом из рассказа Бэрронса и верила ему. За исключением Невидимого Короля, который, похоже, вообще не вписывался ни в какие рамки и которого кое-кто не признавал, «дети богини Дану» подчинялись матриархату. Бэрронс также отметил, что о Невидимом Короле никто и ничего не знает наверняка.

– У нас есть небольшая трудность. Мы не способны ощу-

тить близость наших объектов силы. Лишь немногие ши-ви-дящие способны на это. Мы просто не знаем, где искать.

Казалось, эльф был оскорблен этим обстоятельством. Как смеет мир не падать к его ногам? Как смеет мироздание не соответствовать его запросам? Как смеют простые люди владеть чем-то, недоступным ему?

– Исчезли и другие вещи, и мы были бы рады получить их назад.

– И что *конкретно* она от меня хочет по этому поводу? – Мне не нравилось то, к чему, похоже, сводился разговор. Я не была уверена, что в итоге выживу.

– Эобил лишь хочет, чтобы ты продолжала поиски, как и ранее, и время от времени мы будем проверять, на какой стадии они находятся. Как только ты узнаешь что-нибудь, – пусть даже мелочь, – о любой из наделенных силой реликвий, особенно о «Синсар Дабх», ты должна будешь немедленно мне сообщать.

Я вздохнула с облегчением. Я боялась, что В'лейн собирается остаться рядом со мной и лично наблюдать за ходом поисков. Слава Богу, это не входило в его планы.

– И как я, по-твоему, смогу выйти на связь?

Он снова протянул мне Браслет Крууса.

– При помощи этого. Я покажу тебе, как следует его использовать.

Я покачала головой.

– Я не возьму эту вещь.

– Не глупи. Твой мир тоже страдает.

– Это ты так говоришь, – сказала я. – А из всего, что я знаю, следует, что вы лжете всегда и обо всем, так что этот браслет может убить меня на месте, как только я надену его.

– К тому времени, как ты найдешь доказательства, которые удовлетворят тебя, ши-видящая, – холодно проговорило Существо, – для твоей расы может стать слишком поздно.

– Это не мои проблемы, – сказала я. – Я никогда не хотела стать ши-видящей, и я даже не признала, что являюсь одной из них.

В колледже я знала нескольких человек с комплексом супергероя, они делились на две категории: одни хотели присоединиться к Корпусу мира, другие собирались выучиться на врачей, чтобы разрезать людей, «ремонтировать» и возвращать к нормальной жизни, но лично я никогда не чувствовала желания спасти весь мир. Украшать его? Да. Спасать? Нет. Еще совсем недавно я была провинциальной девочкой с провинциальными мечтами и четким планом на всю оставшуюся жизнь. А потом кто-то вломился в мой мир и за шкуру вытащил меня из уютной тихой норки. Я приехала в Дублин с одной-единственной целью – отомстить за смерть сестры. После этого, и только после этого, я вернусь в Ашфорд хоть с каким-то утешением для мамы и папы. Возможно, тогда мы сможем оправиться от горя и снова попробуем стать семьей. Единственный мир, который я собиралась спасти, – это свой собственный.

– Ты передумаешь, – сказало Существо.

И исчезло.

Я тупо смотрела на то место, где он только что стоял, прежде чем поняла, что все закончилось. Несмотря на ужасы, которые я видела, я все еще не привыкла к таким вещам, и исчезновение того, что только что было перед носом, меня не на шутку обеспокоило.

Я оглянулась, проверяя, не появится ли эльф за моей спиной, намереваясь схватить меня или совершить еще нечто в том же роде, но я была одна на улице. Я замерзла и внезапно поняла, что температура окружающей среды значительно упала, поскольку я видела, как при дыхании у меня изо рта вырывается пар. Тоненький слой тумана очерчивал вокруг меня периметр, по краю которого холодный воздух и жара сталкивались друг с другом. Скоро я узнаю, что это отличительная характеристика всех высших эльфов: их удовольствие или неудовольствие обычно влияет на небольшой куточек окружающей среды.

Я снова быстро оглянулась по сторонам. Да, улица была пуста, все двери закрыты, и вокруг не было ни души.

Жутко стыдясь самой себя и своего возбуждения, я засунула руку в джинсы.

И кончила от первого же прикосновения.

До книжного магазина я добралась в пятнадцать минут девятого. Как только я завернула за угол, я сразу поняла, что

Бэрронс уже внутри. Его огромный черно-хромированный байк был припаркован у ярко освещенного фасада, почти целуясь, словно кузины при встрече, со степенным «седаном» Фионы.

Я закатила глаза. Мой день продолжал катиться по наклонной. Я надеялась, что Фиона уйдет вовремя, до того как приедет Бэрронс, до того как она выдаст меня.

Не с моим счастьем.

Я обошла дом с тыльной стороны, решив проскользнуть с заднего хода и притвориться, что просидела наверху весь день, – а мой любимый плеер послужит оправданием того, что я не отвечала на стук, – и посмотреть, удастся ли обман. Никогда не знаешь, сработает ли что-то, пока не попробуешь. Может, никто не удосужился проверить мое местонахождение.

Когда я завернула за угол дома, взгляд непроизвольно прикипел к аллее за магазином и раскинувшимся за ней заброшенному району, к непроглядной темноте с редкими вкраплениями фонарей. Я остановилась, ища тени, которых не должно было там быть. Невеселая улыбка скользнула по губам: самые странные поступки я стала совершать на чистом инстинкте.

Я рассматривала четыре участка тьмы, которые казались мне неправильными. Три из них прилепились к темным карнизам здания, над двумя дверями справа от меня. Четвертый был слева и вел себя куда более храбро. Он сновал ту-

да и обратно по каменному фундаменту магазина, расположенного рядом с тем, что принадлежал Бэрронсу, выпускал и втягивал темные волосы, ощупывая края залитого светом пространства у задней двери.

И все четыре тени казались мне пульсирующими от голода.

«Держитесь на свету, – говорил мне Бэрронс, – и вы будете в безопасности. Тени могут добраться до вас лишь в полной темноте. Они не способны преодолеть даже маленького пятнышка света. И вы никогда, никогда, мисс Лейн, не должны входить в заброшенный район ночью».

«А почему никто не может отправиться туда днем и починить все сломанные фонари? – спросила я. – Разве это не поможет избавиться от теней? Или хотя бы отогнать их?»

«Город забыл о существовании этого района, – ответил Иерихон. – Вы не найдете ни одного документа в «Гарде», который указывал бы на существование этих кварталов, а если вы спросите о них городскую сеть электроснабжения и канализации, они не обнаружат в своих отчетах ни одной записи об этих улицах».

Я фыркнула: «Города не теряют целых районов. Это невозможно».

Бэрронс слабо улыбнулся: «В свое время, мисс Лейн, вы отучитесь пользоваться этим словом».

Поднявшись по ступеням к черному ходу, я подняла кулак и злобно погрозила Теням. С меня на сегодня достаточ-

но всяких монстров. Тень, которая рыскала по фундаменту, заметно ошетибилась в ответ на мой жест. Ее явная враждебность показалась мне пугающей.

Черный ход оказался заперт, но мне легко удалось открыть третье окно. Я пробормотала себе под нос нелестную оценку такой беспечности со стороны Бэрронса и перетащила свое брненное тело через подоконник. Быстренько заскочив в ванную, я направилась в переднюю часть «Книг и сувениров». Я не знала, что заставило меня притормозить, когда я открывала вторую дверь, отделяющую жилую часть дома от магазина, но что-то заставило. Возможно, я услышала свое имя, когда прикоснулась к ручке, или мое удивление было вызвано тем, что голос Фионы, доносившийся до меня даже сквозь дверь, был злобным и напряженным, хотя ее слова и не соответствовали тону. Какой бы ни была причина, вместо того чтобы выдать свое присутствие, я тихонечко приоткрыла дверь и припала ухом к косяку, демонстрируя крушение всех манер, которые воспитывались у десятков поколений женщин нашей семьи: я собиралась подслушать разговор, который велся за этой дверью.

– Ты не имеешь права, Иерихон, и ты знаешь это! – кричала Фиона.

– Когда ты уже научишься, Фиа? – ответил Бэрронс. – Кто силен, тот и прав. А это все, что мне нужно.

– Она не должна здесь находиться! Ты не сможешь заставить ее остаться. Я не допущу этого!

– Ты не допустишь этого? С каких пор ты стала моей хранительницей, Фиа? – в мягкости, с которой Бэрронс задал этот вопрос, таилась угроза, но Фiona или не услышала ее, или решила не поддаваться.

– С тех пор как ты начал нуждаться в хранителе! Ей небезопасно оставаться здесь, Иерихон. Она должна уйти – сегодня, если возможно, но завтра – наверняка! Я не могу постоянно сидеть здесь, чтобы проверять, все ли с ней в порядке!

– Тебя никто и не просит об этом, – холодно ответил Бэрронс.

– А стоило бы! – воскликнула она.

– Ревнуешь, Фиа? Это на тебя непохоже.

Фiona громко вздохнула. Я почти видела ее, стоящую там: глаза горят от страсти, два ярких пятна румянца пламенеют на щеках прекрасно очерченного лица стареющей кинозвезды.

– Если ты решил перевести разговор в личную сферу, то – да, Иерихон, я ревную. Ты знаешь, что я не хотела видеть ее здесь. Но дело не во мне и не в том, чего я хочу. Она просто ребенок, невоспитанный и невинный, как Божий день...

Класс, это я заслужила.

– ... и она не имеет ни малейшего понятия о том, что делает. Она не замечает опасности, которой подвергается, и ты не имеешь права удерживать ее здесь.

– Неверно, Фиа, я могу это делать. Помнишь? Права меня не интересуют. И никогда не интересовали.

– Я не верю этому, Иерихон. Я знаю тебя.

– Нет, Фиа, ты только думаешь, что знаешь меня. А на самом деле ты ничего обо мне не знаешь. Или не вмешивайся в это, или уходи. Я уверен, что смогу найти кого-нибудь другого для... – он запнулся, словно подыскивая правильные слова, – удовлетворения моих потребностей.

– О! Удовлетворения твоих... О! Так вот чем я занимаюсь? Удовлетворяю твои потребности? И ты ведь сделаешь это, не так ли? Ты отыщешь мне замену. И даже не найдешь времени со мной попрощаться, верно? И наверняка не станешь обо мне думать!

Бэрронс мягко засмеялся, и я представила их обоих, почти увидела, как он обнимает ее за плечи, возможно даже проводит пальцами по ее бледной щеке.

– Фиа, – сказал он. – Моя глупенькая, милая, доверчивая Фиа, в моей голове всегда есть место для мыслей о тебе. Но я не тот человек, которым ты меня себе представляешь. Ты непростительно романтизировала мой образ.

– Я никогда не видела в тебе того, кем ты не можешь быть на самом деле, Иерихон, – страстно ответила Фиона, и даже я, невоспитанный невинный ребенок, поняла, что означает эта фраза – я слышала в ее голосе слепое признание в любви.

Бэрронс снова засмеялся.

– И вот в этом, моя дорогая Фиа, заключается главная ошибка всей женской половины человечества: они влюбля-

ются в того, кем может быть мужчина. А мы слишком редко видим в себе то, что видите вы, и слишком редко соответствуем вашему вымышленному идеалу. Перестань придумывать себе черты того, кем я мог бы быть, и внимательно, пристально, оценивающе взгляни на того, кем я являюсь.

В моем воображении Бэрронс схватил ее за плечи при слове «взгляни» и не слишком нежно встряхнул.

Затем последовала долгая пауза, которую прорезало рваное, затрудненное женское дыхание, а потом снова тишина.

– Она останется, Фиа, – через некоторое время проворчал Бэрронс. – И ты смиришься с этим, не так ли?

Я уже подумала, что просто не услышала ее ответа, но тут Бэрронс повторил, теперь уже настойчиво:

– Я спросил, «не так ли», Фиа?

– Конечно, Иерихон, – мягко ответила Фиона. – Как пожелаешь.

Ее голос был мечтательным и беззаботным, почти детским.

Сбитая с толку внезапной сменой ее настроения, смущенная до крайности, я быстро вернулась в свое временное обиталище и забаррикадировалась стулом.

Позже вечером, уже после того как Бэрронс подходил к двери, чтобы всласть поорать на меня из-за того, что я отлучалась из магазина и рисковала его собственным ОС-детектором, а потом ушел, – да, Фиона меня заложила, – я стоя-

ла у окна спальни и смотрела в темноту. Мысли путались. Они прыгали и крутились в голове, словно осенние листья на ветру.

Где же дневник Алины? Не может быть, чтобы она его не вела. Если моя сестра была уверена, что влюбилась, она каждый вечер исписывала страницу за страницей о своем новом парне, особенно если учесть, что со мной она не обмолвилась о нем и словом. Думаю, если бы я и решилась попросить помощи у Бэрронса, то после его воплей под дверью я получила бы большое и жирное «нет». К тому же я не хотела обсуждать с ним мою маленькую встречу с эльфом, который представлял собой смерть от секса.

Был ли В'лейн действительно принцем Видимых? Так называемым «положительным персонажем»? Мне так не казалось. Однако все эльфы, должно быть, не особо любезны с ши-видящими. Хоть я и не признавалась, что я все-таки одна из них. Я все еще надеялась на то, что происходит нечто странное. На то, что я слишком долго сплю и мне снится длинный, отвратительный кошмар, который закончится, как только мне удастся проснуться. Или же меня сбила машина и я лежу в госпитале Ашфорда и ловлю коматозные галлюцинации.

Все что угодно было предпочтительнее, чем признание себя ши-видящей. Это было бы поражением, сознательной уступкой той странной темной лихорадке, которую я, похоже, подхватила, ступив на землю Ирландии. Сумасшествие

началось той же ночью, когда я заметила эльфа в баре и получила по лбу от старой карги.

Сейчас, в ретроспективе, я понимаю, что та женщина вообще не была сумасшедшей, она была ши-видящей и, вообще-то, той ночью спасла мне жизнь. Кто знает, что могло бы со мной произойти, если бы она не остановила меня и я выдала свою природу? «Гордиться своим происхождением», — сказала она.

Каким происхождением? Родословной ши-видящих? Каждый вопрос, который я задавала себе, порождал целый сонм себе подобных. Значит ли это, что моя мама тоже одна из них? Даже мысль об этом вызывала смех. Я не могла представить Рейни Лейн, которая с шумовкой в одной руке и кухонным полотенцем в другой притворяется, будто не видит эльфов, точно так же, как не могла представить Мэллиса, который прощает меня за кражу его камня и приглашает побродить по магазинам, чтобы вместе подобрать потрепанные шмотки для его верных готов. И не могла представить своего папу, консультанта по налогообложению, тщательно разыгрывающим эльфо-слепоту.

Мои мысли снова перескочили на В'лейна. Что, если эльф солгал мне и на самом деле он был Невидимым, который решил помочь своим собратьям убрать меня с дороги? А если он говорил мне правду, тогда почему Видимая Королева захотела получить книгу «самой смертоносной магии»? Что Эобил собиралась сделать с книгой, и каким образом,

прежде всего, они умудрились эту книгу потерять?

Кому я могу доверять? Как мне вести себя?

Знала ли Алина то, чему я сейчас учусь? Бывала ли она у МакКейба и Мэллиса? Что случилось с ней после того, как она приехала в Дублин, что с ней происходило в течение этих месяцев? Как бы то ни было, она была в восторге от этого – поначалу. Неужели и моей сестре встретился человек, который показал ей темную изнанку мира, как это случилось со мной? Или она встретила эльфа, который соблазнил ее? *«Он все время лгал мне, – сказала она. – Он один из них»*. Под «ними» она подразумевала эльфов?

– О Боже, – прошептала я, парализованная этой мыслью.

Неужели Алина думала, что влюбилась в эльфа? Неужели он соблазнил ее, а потом использовал? Была ли она тоже ОС-детектором? И Нулем, как и я?

Я невольно повторяла ее судьбу шаг за шагом, двигалась тем же путем к тому же возможному результату – смерти.

Я мысленно перечислила тех, кто искал «Синсар Дабх»: это были Бэрронс, МакКейб, Мэллис, В'лейн и, по словам В'лейна, Королева Видимых. И, если принять во внимание сторожевых псов Невидимых, ошивавшихся возле МакКейба и Мэллиса, по крайней мере один большой и важный Невидимый, который может быть, а может и не быть упомянутым ими Гроссмейстером. Почему? Зачем все эти... люди, за неимением лучшего слова, охотятся? Неужели у всех у них одна и та же цель? А если так, что это за цель?

«Нельзя позволить им завладеть ею», – сказала Алина про «Синсар Дабх».

– Блин, сестричка, ты не могла выразиться более конкретно? – пробормотала я. – *Кто* не должен завладеть книгой?

Даже если по какой-то прихоти судьбы я найду эту проклятую штуку, я не только, как уже говорил Бэрронс, не смогу к ней прикоснуться – я не буду знать, что мне с ней дальше делать.

Я вздохнула. У меня была куча вопросов, и было абсолютно некому их задавать. Меня окружали люди, которые хранили свои секреты и шли к цели странными путями, – и все это для них было столь же естественно, как жить, дышать и, возможно, убивать. Стоит только взглянуть на мужчин, которые встретились мне за последнюю неделю: МакКейб, Мэллис, В'лейн, Бэрронс. Ни одного нормального. И все, как на подбор, крайне опасны. «Ягненок в городе волков, – назвал меня Бэрронс спустя некоторое время после нашей встречи. – Которому из них ты достанешься, хотел бы я знать?»

Секреты. У всех здесь свои секреты. Алина унесла свои тайны в могилу. Я не сомневалась, что попытки расспросить В'лейна при нашей следующей встрече, – я была не настолько глупа, чтобы поверить, будто он оставил меня в покое, – будут упражнением в бесполезности. Сомнительный принц мог ответить мне, но я ОС-детектор, а не детектор лжи. С Бэрронсом ситуация не лучше. Судя по небольшой сцене, которую устроила ему Фиона, у него тоже есть свои тайны,

и каким-то образом получалось, что я в куда большей опасности, чем считала раньше.

А вот это уже умная мысль. Если сегодня утром я была твердо уверена, что рискую жизнью каждый раз, выходя из магазина, то теперь получалось, что и в магазине я в опасности!

Боже, как я скучала по дому! Скучала по прежней жизни. Скучала по «Кирпичному». По ночам воскресений, когда мы с друзьями барменами заканчивали смену. Скучала по набегам в «Хаддл-хаус» за свежими оладьями, – непременно в три часа ночи, после закрытия бара, – когда мы пытались как следует развеяться, чтобы потом уснуть. И я скучала по летним дням, когда самым сложным выбором в жизни был выбор озера, к которому мы поедем днем.

«Завтра мы встречаемся с Рурком О'Баннионом, мисс Лейн, – сказал мне Бэрронс из-за закрытой и забаррикадированной двери, которую до этого раза четыре попытался взять с налету, чтобы оторвать мне голову. – Он третий опасный игрок на этом поле. Помимо всего прочего, он управляет весьма прибыльным баром, названным его фамилией, в центре города. Это Старый Свет для богатых клиентов. Если у вас возникнут проблемы с гардеробом, Фиона поможет вам подобрать необходимое. И не выходите из магазина в мое отсутствие, мисс Лейн».

В три часа утра я смогла заснуть, предварительно открыв дверцу шкафа и включив свет по всей комнате и в ванной.

Рурк Роки О'Баннион родился в семье ирландских католиков, в грязи и бедности, и единственным его наследством оказались гены, давшие ему силу, выносливость и телосложение кулачного бойца еще до восемнадцатилетия. По тому, как он выглядел, кто-то мог бы заключить, что он «черный ирландец», однако испанской или меландженской крови в нем не было, скорее уж среди его предков оказался житель Саудовской Аравии, привнеся нечто дикое, темное и свирепое в линию О'Баннионов.

Роки родился в городе, контролируемом двумя ирландскими криминальными семьями, враждующими между собой – Хеллоранами и О'Кирни. Рурк О'Баннион пробился на самый верх своего круга, но этого ему оказалось недостаточно. Его амбиции простирались куда дальше – он хотел заполучить все. Однажды ночью, когда Роки было двадцать восемь лет от роду, все помощники Хеллоранов и О'Кирни и члены их семей, сыновья, внуки и беременные жены были убиты. Двадцать семь человек умерло в одну ночь, они оказались застрелены, взорваны, отравлены, зарезаны или задушены. В городе еще никогда не происходило ничего подобного. Группа безупречно орудовавших киллеров сработала повсюду – в ресторанах, домах, отелях и клубах, убийства произошли практически одновременно.

«Ужасно», – говорили многие. «Классная работа», – говорили другие. «Чисто сработано», – соглашались практически

все, включая полицейских. На следующий же день внезапно разбогатевший Роки О'Баннион, чемпион по боксу и кумир множества молодых парней, покинул ринг и взялся контролировать различные предприятия, ранее принадлежавшие Хеллоранам и О'Кирни. Он заботился о работагах, о представителях низов общества, чьи надежды и банковские счета были практически на нуле, зато телевизоры и мечты были огромными, – и вел себя как герой, несмотря на свежую кровь на руках и группу бывших боксеров и преступников, которых втащил в бизнес вслед за собой.

То, что Рурк О'Баннион был «чертовски привлекательным» мужчиной, никому не вредило. Роки имел репутацию совратителя и дамского угодника, однако к его чести нужно сказать, что он никогда не нарушал своего собственного правила: не спал с чужими женами. Никогда. Человек, который не уважал ни чужую жизнь, ни закон, трепетно относился к таинству брака.

Я упоминала, что он был ирландским католиком? По городу бродила шутка, что в детстве О'Баннион прогулял школу именно в тот день, когда священник рассказывал о десяти заповедях, поэтому маленькому Роки достался лишь сокращенный конспект: «Не возжелай жены ближнего своего, но приberi к рукам все остальное».

Несмотря на столь колоритное описание, которое я получила от Бэрронса, чтобы ознакомиться с нашим третьим «гостеприимным» хозяином – и предполагаемой жертвой, как

я начала вскорости думать, — я все равно оказалась не готова к тому, чтобы встретиться с противоречивой личностью — Роки О'Баннионом.

— Эй, Бэрронс, — сказала я. — Я совсем не думаю, что обворовать этого парня было бы хорошей идеей.

Я видела немало фильмов про мафию. Нельзя безнаказанно ограбить Крестного отца, — если, конечно, ты хочешь прожить еще достаточно долго и относительно счастливо. За мной и так охотилось множество страшных персон.

— Этот мост мы сожжем, когда доберемся до него, мисс Лейн, — ответил Иерихон.

Я взглянула на Бэрронса. Жизнь становилась все более странной. Сегодня он выбрал из своей невообразимой коллекции «ламборгини кантач», одну из трех моделей «вульф», что вышли в свет.

— Я думала, что в пословице говорится «когда преодолеем этот мост», Бэрронс, а не наоборот. Чего ты добиваешься, — чтобы все придурки, вампиры, эльфы и мафия этого города охотились за мной? Сколько раз, по-твоему, я должна перекрашивать волосы? Я не буду краситься в рыжий. И точка.

Как бы я ни любила яркие цвета, я не хочу превращать свою голову в апельсин!

Он рассмеялся. Чистый, неудержимый смех был такой редкостью для этого резкого, сдержанного типа, что я застыла и уставилась на выражение его лица.

— Забавно, мисс Лейн, — сказал Бэрронс. А потом добавил:

– Хотите сесть за руль?

– А? – Я задохнулась. Да что с ним такое? С тех пор как я спустилась вниз, а это было незадолго до одиннадцати, одетая в неудобное платье Фионы, – когда я первый раз натянула его через голову, то несколько минут стояла, размышляя, не пропитано ли оно каким-нибудь ядом, от которого растворится вся моя кожа, – Бэрронс вел себя странно. И я просто не понимала почему. Он был... ну... игривым, другого слова я подобрать не могу. И пребывал в крайне веселом расположении духа. Он казался пьяным, но ум его работал так же остро, как и всегда. Если бы речь шла о каком-то другом человеке, я могла бы подумать, что он накачался наркотиками и теперь пребывает в состоянии измененного сознания. Но Бэрронс был слишком прагматичен для этого, его наркотиками были деньги, сила и власть.

Однако Иерихон был настолько наэлектризован жизнью, что воздух вокруг него практически потрескивал и шипел.

– Просто шучу, – сказал Бэрронс.

И это тоже выходило за рамки его обычного поведения. Иерихон Бэрронс не был склонен к юмору.

– Неумная шутка. Я мечтала сесть за руль... «ламборгини».

– Не можете произнести «кантач», мисс Лейн? – С его неопределимым акцентом это слово звучало как «каннташш» и казалось еще более непонятным.

– Могу, – раздраженно ответила я. – Но не буду. Мне мама

не разрешает.

Он покосился на меня.

– Почему же, мисс Лейн?

– Потому что ругательство остается ругательством, вне зависимости от языка, которому оно принадлежит, – гордо сказала я. Я знала, что означает «кантач». Мой папа привил мне любовь к скоростным машинам. Я была маленькой семилетней девочкой, а он таскал меня с одного шоу экзотических машин на другое, за неимением сына, который мог бы разделить его страсть. Мы с ним вдвоем пронесли через годы страстную любовь ко всему быстрому и сверкающему. Итальянское «кантач» было почти эквивалентом английского «о... фигенная телка», именно такое впечатление, впрочем, и производила эта машина, однако я не видела причин произносить эти слова вслух. Раз уж я не могла спастись от прогрессирующей ненормальности моей жизни, я хотела сохранить хотя бы честь и достоинство.

– Похоже, вы разбираетесь в машинах, мисс Лейн, – пробормотал Бэрронс.

– Немного, – скромно ответила я.

На данный момент это признание было единственным, к чему подходило слово «скромно». Мы начали переезжать железнодорожные рельсы, и от тряски мои бедра подскочили вверх, а платье, облепившее мою фигуру как желе, поползло в том же направлении. Ладно, иногда мне не удастся сохранить честь и достоинство. Иногда половина Дублина может

лицезреть мою обнаженную грудь, и единственное, что меня утешало при воспоминании о вчерашней встрече с сексуально-смертоносным эльфом, — я была твердо уверена, что благодаря навеянному им чарам никто ничего не заметил.

Мы собирались преодолеть следующий ряд рельсов, и я сцепила руки, удерживая себя и платье на положенном месте. Когда мы проехали железную дорогу, я почувствовала тяжелый взгляд Бэрронса, скользящий по моим бедрам, жар этого взгляда, и, даже не поворачиваясь, я знала, что Иерихон уставился на меня с той же жадностью, что и в прошлый раз. Я не хотела на него смотреть, и следующие несколько миль мы пролетели в тишине, Бэрронс со своей давящей аурой занимал слишком много места в автомобиле, и странное чувство поглотило все пространство между нами.

— Видел новый «галлардо спайдер»? — выпалила я наконец.

— Нет, — спокойно ответил он. — Почему бы вам не рассказать о нем, мисс Лейн?

Игривые нотки исчезли из его тона, теперь голос был гортанным, напряженным.

Я притворилась, будто ничего не заметила, и начала изливать мед поэзии о V-10, о его резких, утонченных линиях и пятистах двенадцати лошадках под капотом, которые, хоть и не могли победить «порше 911 турбо» в тесте на разгон, но все же оставались яркой, впечатляющей силой. Прежде чем я это осознала, мы уже тормозили у заведения О'Банниона и

его работники отыскивали свободное место для нашего автомобиля – оно оказалось между майбаховскими «седаном» и «лимузином». Работники О'Банниона были людьми, что показалось мне приятным разнообразием.

Сознаюсь, что оставила отпечатки пальцев на творениях «Майбах». Я была не в силах не погладить их, проходя мимо, и жалела, что не могу признаться папе в том, что трогала такую прелесть. Если бы я жила другой жизнью, той, в которой Алину не убили, а я не попала в оживший ночной кошмар, я позвонила бы папе по мобильному в этот самый момент и описала бы ему двухтурбинный седан пятьдесят седьмой модели с V-12, туристический – «Для тех, кто хочет водить собственный «майбах»». Описала бы все, начиная с внутренней начинки и заканчивая черным лаком, который контрастировал с дорогушей кремовой кожей салона. А папа наверняка настаивал бы на обилии деталей – и обязательно спросил бы: не могу ли я сбегать в ближайший магазин за одноразовым фотоаппаратом или даже за десятью?

Но Алина была убита, а мои родители все еще пребывали в депрессии, и звонить сейчас папе не имело смысла. Я знала, поскольку звонила домой чуть раньше, как только закончила одеваться. Без пятнадцати одиннадцать вечера в Дублине означало, что в Джорджии еще ранний вечер. Я сидела на краю своей временной кровати, смотрела на чулки, которые крепились к поясу с подвязками, высокие тонкие каблуки, красное овальное родимое пятно на груди и удивлялась

тому, во что превратилась.

Папа был пьян, когда поднял трубку. Я долгие годы не слышала его пьяного голоса. Шесть с половиной, если быть точной. С тех самых пор как его брат погиб по дороге на собственную свадьбу, оставив свою соломенную вдову беременной, а мой папа в тот момент стоял у алтаря, свидетель покойника... Я повесила трубку, как только услышала заплетающийся папин голос, не в силах справиться с собой. Мне нужно было опереться на чье-то уверенное плечо, и я была абсолютно не в состоянии подставлять свои плечи другим.

– Будьте начеку, мисс Лейн, – предупредил Бэрронс, его голос раздался у самого моего уха, вырвав меня с края той темной пропасти, в которую готово было свалиться мое сознание. – Осторожность вам не помешает.

Обняв меня левой рукой за талию, правой он подхватил меня под локоть, слегка поглаживая тыльной стороной пальцев мою грудь, и повел в сторону входа, встречаясь взглядом с каждым мужчиной, смелым или глупым настолько, чтобы опустить глаза на все, находящееся ниже моего подбородка.

Игру в гляделки Бэрронс выигрывал с блеском, остальные отводили глаза. Он не мог бы дать понять яснее, что считает меня своей собственностью.

Как только мы вошли в бар, я все поняла. Именно этим и являлись женщины, сидевшие там: прекрасной, лощеной, ухоженной до блеска, мило смеющейся, ярко украшенной собственностью. Трофеями. Они даже не были людьми, лич-

ностями, они были лишь отражением своих мужчин. Эти женщины, которых охраняли столь же ревностно, сколь любовно баловали, сияли и переливались, словно бриллианты, показывая миру, как успешны их мужья, какими гигантами они являются.

Радуга Мак была бы здесь так же неуместна, как дикобраз в магазине домашних животных. Я выпрямила спину, высоко подняла голову и притворилась, что две трети моего гибкого молодого тела не обнажены коротеньким обтягивающим черным платьем с открытой спиной и глубоким декольте.

Бэрронса здесь знали. Мы шли по залу, отвечая на кивки и приветствия, и если отвлечься на минутку от того количества оружия, которое таскали при себе здешние завсегдатаи, в заведении О'Банниона было мило и очаровательно.

Я плотнее прислонилась к Бэрронсу, чтобы прошептать ему на ухо свой вопрос (даже на каблуках я была приблизительно на голову ниже его):

– У тебя при себе есть пистолет?

Я очень надеялась услышать, что да.

Его губы скривились, скользнув по моим волосам, когда он ответил:

– В таких местах пистолет является дополнительным шансом быстро умереть, мисс Лейн. Не волнуйтесь, я не собираюсь здесь никого злить.

Он кивнул низенькому, но невероятно толстому мужчине,

жующему сигару и держащему в каждой мамонтообразной руке по красавице.

– По крайней мере, сейчас, – пробормотал Иерихон, когда мы прошли дальше.

Мы заняли столик в дальнем конце зала, и Иерихон заказал обед и выпивку для нас обоих.

– С чего ты взял, что я хочу среднепрожаренный бифштекс? – спросила я. – Или что мне нравится салат «цезарь»? Ты ведь даже не спросил меня.

– Смотрите по сторонам и учитесь, мисс Лейн. В этом заведении ни один официант не примет заказ от женщины. В ресторане О'Банниона вы едите то, что для вас заказали, нравится вам это или нет. Добро пожаловать в старые добрые времена, мисс Лейн, когда мужчины приказывали, а женщины повиновались. А если дамам что-то не нравилось, они притворялись, что это не так.

Ого! А я-то думала, что на Глубоком Юге плохо живется. К счастью, я люблю бифштексы, вне зависимости от того, до какой степени они прожарены, и могу съесть любой салат, особенно если за эту невероятно дорогую еду платит кто-то другой. Так что я быстро расправилась со своей порцией. В тот день я съела лишь две тарелки каши и действительно была голодна. Когда я покончила с едой и подняла глаза на Бэрронса, то обнаружила, что его тарелка все еще полна, и приподняла бровь.

Он подтолкнул тарелку ко мне.

– Я поел раньше, – сказал Иерихон.

– Так зачем было заказывать? – спросила я так отчетливо, как это только возможно с полным ртом вкуснейшего «филе миньон».

– Нельзя прийти в заведение О'Банниона и не потратить здесь деньги, – ответил Бэрронс.

– Звучит так, словно у него есть множество глупых правил, – пробормотала я.

Именно в этот момент у нашего столика появился массивный мужчина с костистыми руками, плоским носом и деформированными от ударов ушами.

– Рад снова встретить вас, мистер Бэрронс. Мистер О'Баннион приглашает вас и вашу спутницу пройти в задние комнаты и поздороваться.

Это было, в общем-то, даже не приглашение, да никто и не собирался преподносить фразу подобным образом. Бэрронс тут же встал, поднял меня, снова прижал к себе и потащил вслед за бывшим боксером, держа так, словно я была слепой и могла налететь на стену без его поддержки – урезанная версия «суррогатной жены».

«Задние комнаты» оказались другим домом, расположенным на довольно большом расстоянии от ресторана. Расстояние измерялось вертикально: мы спускались в подzemелье, следуя за человеком О'Банниона через кухню, длинный лестничный пролет, а после в хорошо освещенный, сырой каменный туннель. По пути мы проходили мимо других ответвлений этого туннеля, которые оказались либо заложены кирпичом, либо перекрыты тяжелыми стальными дверями, и Бэрронс прошептал мне на ухо:

– В некоторых частях Дублина под основным городом предполагается еще и подземный.

– Жутко, – пробормотала я, когда мы подошли ко второй, тоже довольно длинной лестнице, ведущей вниз.

Думаю, я ожидала чего-то похожего на старые фильмы: кучки безнравственных мужчин с квадратными челюстями, которые собрались в задымленной сигарами комнате. Пропитанные потом рубашки, расстегнутая кобура и сигара прекрасно дополняли бы картину. Мужчины должны были бы играть в покер с высокими ставками, а на стенах комнаты я ожидала увидеть множество плакатов с обнаженными женщинами.

Вместо этого взгляду предстала дюжина аккуратно, поделовому одетых мужчин, тихо разговаривавших между со-

бой в просторной, со вкусом обставленной комнате с мебелью красного дерева, обитой кожей. Единственным женским портретом на стене была «Мадонна с младенцем». Однако Мадонна была не одна: вся комната была увешана иконами. Висевшие в помещении книжные полки были заставлены такой коллекцией Библий, что даже у Папы Римского в душе зашевелилась бы зависть. К тому же повсюду были распятия из серебра, золота, дерева и даже одно пластиковое, из тех, что раздаются бесплатно «блуждающим во тьме». Над письменным столом висела серия из двенадцати полотен, изображающих последние дни Христа. Над камином была репродукция «Тайной вечери». В дальнем конце комнаты виднелись два канделябра, уставленные горящими свечами, между ними стоял богато украшенный старинный реликварий. Одному Богу известно, что в нем хранилось – вполне возможно, зуб или исцеляющая кость какого-то неизвестного святого.

Крепко сбитый темноволосый мужчина стоял к нам спиной за этим старинным реликварием-*шяссе*.

Я притворилась, что споткнулась о порог, Бэрронс подхватил меня.

– *О-сс*, – многозначительно прошипела я. Хотя мы и не сговаривались о коде, думаю, Иерихон прекрасно понял, что я имею в виду. Я сказала ему, что ОС, объект силы, был где-то рядом. Пусть не в этой комнате, но рядом. Внезапная боль в животе, казалось, поднималась откуда-то снизу, от ступ-

ней, и поэтому я решила, что эта вещь, чем бы она ни была, находится прямо под нами, в том месте, которое Бэрронс назвал «подземным городом».

Если Бэрронс и понял мой не особо умный намек, он ничем себя не выдал. Плотно сжав челюсти, он не сводил глаз с человека у реликвария.

Когда мужчина повернулся к нам лицом, двое Невидимых, стоявших по бокам от него, тоже обернулись. Какой бы большой и злобный Невидимый ни охотился за «Синсар Дабх», он и сюда послал своих ищеек. Наш неизвестный соперник интересовался теми же людьми, что и Бэрронс: МакКейбом, Мэллисом, а теперь и О'Баннионом. Однако, в отличие от Носорогов, следивших за МакКейбом и Мэллисом, эти не насылали никаких чар, чтобы притвориться людьми, что поначалу удивило меня, а потом я поняла, что они в этом просто не нуждались. В своем настоящем облике они были невидимы для всех, кроме ши-видящих, таких как Бэрронс и я, а мы являлись довольно редкой породой. Я понятия не имела, почему эти Носороги решили оставаться невидимыми вместо того, чтобы войти в реальность и влиться в банду О'Банниона, как сделали их сородичи в случае с МакКейбом и Мэллисом. Однако, раз уж они так решили, мне вообще не следовало на них смотреть. По крайней мере, когда Невидимые притворяются людьми, я могу глядеть на них, какие бы чары они ни напускали, и ничем не выдать себя. Но, поскольку эти Носороги прятались от людей, мне нельзя бы-

ло останавливать на них взгляд. Что проще сказать, чем сделать, ведь настолько чуждые твари непроизвольно приковывали внимание.

Получив от Бэрронса толчок под ребра, я сфокусировалась на человеке, стоявшем между тварями, который был, без сомнения, О'Баннионом.

Я сразу поняла, почему он достиг тех высот, которые теперь занимал. В любом столетии этот человек был бы бойцом, лидером, ведущим за собой остальных. Темноволосый, сильный, два метра грациозности, мускулы перекачиваются под черными штанами, белой рубашкой и ладно сшитой итальянской кожаной курткой. О'Баннион двигался с уверенностью человека, который твердо знает: малейшее его желание – закон для остального мира. Его коротко стриженные волосы были густыми, зубы – безупречными и белыми, как и полагается зубам бывшего боксера с деньгами. Когда Рокки улыбался, как, например, сейчас, Бэрронсу, казалось, что белая молния освещает его темную, ирландскую, демоническую сущность.

– Рад снова видеть тебя, Бэрронс.

Бэрронс кивнул:

– О'Баннион.

– Что привело тебя сегодня?

Бэрронс пробормотал что-то вроде комплимента здешней кухне, и они перешли к обсуждению текущих проблем, с которыми столкнулась одна из судоходных компаний О'Банни-

она в здешних доках. Бэрронс слышал кое-что на улицах, и это «что-то», по его словам, могло помочь решить проблему.

Я наблюдала за ними во время разговора. Роки О'Баннион был цельной, двухметровой мускулистой харизмой. Он относился к тому типу людей, которому стараются подражать мужчины. А женщины мечтают, чтобы этот человек затащил их в постель. В буквальном смысле слова затащил, — поскольку такой мужчина будет доминировать над любой женщиной. Я не сомневалась, что этот могущественный и просто сильный, грубоватый, но привлекательный ирландец с челюстью, словно выточенной из камня, является хладнокровным убийцей. А если учитывать его попытки проложить себе дорогу в рай, залепляя пластырем религиозного пыла зияющие раны своих грехов, он не просто убийца, он законченный психопат.

Однако ничто не могло поколебать ту симпатию, которую во мне вызывал О'Баннион, и вот в чем заключалась главная особенность этого человека. Я бунтовала против этого влечения, однако в то же время понимала, что если он направит свою демоническую ирландскую харизму на меня, если эти темные, глубоко посаженные глаза с интересом уставятся в мою сторону, меня, боюсь, захлестнет удовольствие. Даже если я знаю, что должна бежать от него как можно скорее и дальше, и по одной только этой причине Роки О'Баннион, так его растак, пугал меня.

Я была удивлена, заметив, что Бэрронсу тут так же уют-

но, как и мне, и это меня не на шутку взволновало. Ничто не могло обеспокоить Иерихона Бэрронса, однако я четко видела, как напряглось его тело, как застыли черты лица, а вокруг глаз и рта обозначились морщинки. Недавняя игривость следела с него в один миг. Он снова был подтянут, напряжен и сосредоточен, казалось даже, что его смуглая кожа необычно побледнела. Бэрронс был выше О'Банниона на несколько сантиметров и гораздо крепче, однако обычная жизненная сила, которую Иерихон всегда излучал, в этот момент словно... поблекла, и у меня возникло внезапное ощущение того, что девяносто процентов Иерихона Бэрронса отсутствуют здесь и сейчас, чрезвычайно занятые чем-то другим, и лишь десять процентов находятся в этой комнате, уделяя внимание нашему гостеприимному хозяину.

– Прекрасная женщина, Иерихон, – заметил О'Баннион, поворачиваясь – как я и боялась – в мою сторону. И, чего я тоже опасалась, я вспыхнула. Боксер шагнул ближе, обошел меня, оглядел со всех сторон, и в его глотке возник хриплый, одобрителный звук.

– Привлекательна, не правда ли? – ответил Бэрронс.

– Не ирландка, – заключил О'Баннион.

– Американка.

– Католичка?

– Протестантка, – сказал Бэрронс.

Я не опровергла его молниеносно придуманную ложь.

– Как жаль. – Внимание Роки снова переключилось на

Бэрронса, и я наконец-то смогла свободно вздохнуть. – Рад видеть тебя, Иерихон. Если ты услышишь что-то по поводу решения моих проблем с доками...

– Я буду на связи, – ответил Бэрронс.

– Он тебе нравится, – сказала я позже, когда мы пробирались назад по практически пустым в три часа ночи улицам к центру Дублина. Информация, которой Бэрронс поделился с О'Баннионом, была вполне подходящей – он назвал нескольких членов местных банд, которые активно мешали ирландцу в его делах.

– Нет, мисс Лейн, – ответил Бэрронс.

– Ладно, может это и не симпатия, – согласилась я, – а уважение. Ты уважаешь О'Банниона.

Бэрронс снова покачал головой.

– Так что тогда?

Бэрронс относился к Роки О'Банниону со странной степенью уважения, чего он явно не демонстрировал в отношении остальных, и я хотела знать почему.

Он минутку поразмыслил.

– Если бы я оказался в горах Афганистана и мне предложили на выбор человека, который будет сражаться за меня голыми руками, или гору совершеннейшего оружия, я выбрал бы О'Банниона. Я не испытываю к нему ни симпатии, ни уважения, я лишь принимаю его таким, какой он есть.

Несколько кварталов мы прошли в тишине.

Я была рада тому, что сменила те стилеты, на которых ходила ночью, на нормальную обувь. Когда мы уехали от О'Банниона, Бэрронс домчал нас до книжного магазина, где потребовал полный отчет о том, что я почуяла. Когда я все рассказала, он оставил меня в одиночестве и отправился куда-то «на проверку и оценку некоторых узлов канализационной системы города», по его словам.

За время его отсутствия я успела подняться наверх и переодеться. Для этой прогулки я могла выбрать одежду сама: ползание по канализации требует чего-то старого, грязного и ненужного.

Мы вернулись в окрестности паба и ресторана О'Банниона на темном, лишенном особых примет «седане», которого я раньше не замечала в недрах невероятного гаража Бэрронса, оставили автомобиль у обочины в нескольких кварталах от нужного нам места и дальше отправились пешком.

– Постойте здесь минутку. – Положив руку мне на плечо, Бэрронс остановил меня у края тротуара, а потом направился на середину улицы. Иерихон снова был в обычном своем состоянии, занимая больше места, чем ему положено. Он тоже переоделся – в линялые джинсы, черную футболку и поношенные темные ботинки. Я никогда не видела его в чем-то настолько... плебейском, с его точки зрения, и крупное, мускулистое тело, которое обтягивали эти вещи, можно было назвать непревзойденным, если вы, конечно, предпочитаете именно такой тип мужчин. Я, слава Богу, не предпочитала.

К тому же любоваться Иерихоном Бэрронсом – это все равно что смотреть на сильную, гордую черную пантеру, испачкавшую морду в крови и зачем-то натянувшую на себя одежду. В общем, очень странно он выглядел.

– Ты, должно быть, шутишь, – сказала я, когда он, сгорбившись и напрягая бицепсы, поднял канализационный люк, сдвинул его в сторону и поманил меня к себе.

– А как еще вы намеревались попасть в канализационную систему, мисс Лейн? – нетерпеливо спросил Бэрронс.

– Никак не собиралась. Должно быть, я очень удачно избегала этой мысли. – Я подошла к нему. – А ты уверен, что здесь нигде нет лестницы, ведущей туда, куда мы собрались?

Он пожал плечами.

– Лестница есть. Однако она не является лучшей точкой доступа.

Затем Иерихон взглянул на небо.

– Нам нужно успеть туда и обратно как можно быстрее, мисс Лейн.

Это я понимала. Очень скоро наступит утро, с самого рассвета улицы Дублина начнут заполняться людьми. Будет довольно неприятно поднимать головой крышку люка прямо на виду у пешеходов, а еще хуже – в считанных сантиметрах от бампера едущего на нас автомобиля.

Я стояла посреди улицы над открытой дырой и смотрела в темноту.

– Крысы? – грустно поинтересовалась я.

– Без сомнения.

– Здорово. – Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

– Тени?

– Внизу им нечем питаться. Они предпочитают улицы. Возьмите меня за руку, и я спущу вас туда, мисс Лейн.

– А как мы оттуда выберемся? – Этот вопрос меня действительно беспокоил.

– У меня есть на примете другой маршрут для возвращения.

– А он включает в себя лестницу? – с надеждой спросила я.

– Нет.

– Ну конечно же, нет. Как глупо с моей стороны, – сказала я своим лучшим драматическим тоном. – Домой мы вернемся по склону Эвереста. Альпинистское снаряжение для нашего приключения предоставит наш любимый спонсор «Книги и сувениры Бэрронса».

– Забавно, мисс Лейн. – Бэрронс не мог бы выглядеть более невозмутимым, чем сейчас, говоря о забавном. – А теперь полезайте.

Я взялась за его протянутую руку и позволила ему подтащить меня к краю и опустить вниз. Место назначения: более темный и более страшный Дублин, глубоко-о-кое подземелье.

А оказалось не так уж страшно. Честно говоря, наверху в последнее время было гораздо страшнее.

Внизу, в мрачных, грязных коллекторах города, я подумала, как основательно изменилась моя жизнь за такой крошечный промежуток времени.

Крысам с глазами-бусинками и нервно дергающимися носами никогда не сравниться со страхом, который вызывал Серый Человек, даже если этих крыс соберутся сотни. Разве можно сравнить сырые и вонючие туннели, следующие один за другим, с перспективой попасть в лапы Многоротовой Твари? Что значат обломанные ногти и испорченная обувь, павшие смертью храбрых, когда я карабкалась по завалам и осыпавшимся частям подземного города, по сравнению с наглым воровством, которое я собиралась совершить? А воровать я намеревалась у человека, который отнял жизнь у двадцати семи себе подобных за одну только ночь, и сделал это лишь потому, что они стояли между ним и его прекрасным будущим, ни больше, ни меньше.

Мы повернули один раз, потом второй, миновали пустынные туннели, в которых ничто не загораживало путь, и другие, заполненные медленно двигающейся грязью. Мы опустились еще ниже под землю, сменили направление, потом продолжили спуск.

– Что это такое? – Я показала на широкий поток быстро движущейся воды, который виднелся за металлической решеткой, вмурованной в стену. Мы прошли мимо множества таких решеток, однако они были меньше и располагались куда ниже этой. Некоторые из решеток были даже затоплены

и вокруг них собирались огромные озера темной воды. Однако ничего подобного я пока не видела – этот поток был больше похож на реку.

Это и была река.

– Река Поддл, – сказал Бэрронс. – Она течет подо всем городом. Вы сможете увидеть, как она вливается в реку Лиффи, когда мы подойдем к такой же решетке у моста Миллениум. Во второй половине восемнадцатого столетия два лидера повстанцев сбежали из Дублинской тюрьмы по канализационным люкам, ведущим к реке. Любой может прекрасно ориентироваться под городом, если, конечно, знает, где соединяются эти пути.

– И ты это знаешь, – сказала я.

– Знаю, – согласился он.

– А есть хоть что-то, чего ты не знаешь? – Бэрронс знал все о древних артефактах, о том, как заморозить невероятно большие банковские счета, о сомнительной субкультуре города, не говоря уж о нашем путешествии по темному и грязному подземелью.

– Таких вещей не много. – Никакой надменности в голосе Иерихона я не заметила, он просто констатировал факт.

– И когда ты всему этому научился?

– А когда вы превратились в такую болтушку, мисс Лейн?

Я заткнулась. Я уже говорила, что у меня небольшие проблемы с самолюбием. Он не хочет меня слышать? Отлично, я не стану тратить на него время и воздух.

– А когда ты родился? – выпалила я.

Бэрронс резко остановился, обернулся и посмотрел на меня, словно был сбит с толку моим внезапным приступом разговорчивости.

Я, тоже сбита с толку, подняла руки.

– Я не знаю, как у меня это вырвалось. Я решила заткнуть-ся, но подумала о том, что ничего о тебе не знаю. Не знаю, где ты родился, есть ли у тебя родители, братья, сестры, жена, дети. Да я вообще не знаю, чем ты занимаешься!

– Вы знаете обо мне ровно столько, сколько вам нужно знать, мисс Лейн. Ровно столько же я знаю о вас. А теперь двигайтесь. У нас очень мало времени.

Через несколько пройденных метров он указал мне на железную лестницу, вбитую в стену, и на самом верху этой лестницы я поняла, что меня снова начало сильно тошнить.

Там был невероятно сильный ОС, прямо перед нами.

– Оно находится за этой штукой, Бэрронс, – сконфуженно сказала я. – Думаю, мы вроде как облажались, а?

«Этой штукой» оказалась круглая дверь. Знаете, из тех, что используют в банках, закрывая ими хранилища: дверца в несколько футов толщиной, сделанная из практически неразрушимых сплавов. Открывалась она при помощи крутящегося колеса, похожего на те, которыми закрываются люки подводных лодок. Отдельной плохой новостью было то, что ручка оказалась не с нашей стороны двери.

– Думаю, у тебя нет при себе удобного пояса со взрывчаткой? – пошутила я. Я умирала от усталости и страха и находилась практически в шоковом состоянии, а может, это абсурдность последних дней мешала мне хоть к чему-то от нестись серьезно.

Бэрронс некоторое время изучал массивную дверь, потом прикрыл глаза.

Я практически видела, как происходит этот внутренний анализ. Его глаза быстро двигались под веками, словно он изучал карты санитарной системы Дублина, высвечивающиеся у него перед сетчаткой, как у Терминатора. Похоже, он определил нашу позицию и теперь искал точку входа. Вдруг глаза Иерихона распахнулись.

– Вы уверены, что вещь находится за этой дверью?

Я кивнула.

– Абсолютно. Меня сейчас стошнит прямо здесь.

– Попробуйте сдержаться, мисс Лейн. – Он повернулся ко мне спиной и зашагал прочь. – Оставайтесь здесь.

Я замерла.

– Ты куда? – Единственный фонарик показался мне недостаточной компанией.

– Он рассчитывает на защиту природных барьеров, – Бэрронс даже не обернулся, отвечая. – А я хороший пловец.

Я смотрела, как прыгает по стенам луч его фонарика, удаляясь влево от меня, а потом я осталась наедине с окружающей чернотой. И только две батарейки отделяли меня от большого и красивого мандража с танцами. Я ненавижу темноту. Раньше не ненавидела, зато уж теперь...

Казалось, что прошло несколько часов, однако, сверившись с наручными часиками, я поняла, что это произошло семь или семь с половиной минут спустя – круглая дверь открылась, а за ней обнаружился мокрый до нитки Бэрронс.

– О Боже, *что* это за место? – сказала я, поворачиваясь вокруг своей оси, но не двигаясь с места. Мы оказались в комнате, сложенной из грубо отесанных камней. Она была забита религиозными артефактами вперемешку с древним оружием. По отметкам, оставленным водой на стенах, было видно, что это подземное помещение иногда затапливается, но сокровища О'Банниона были подняты на недостижимую

для воды высоту и крепились либо на вбитых в стены костылях, либо на высоких каменных пьедесталах.

Я могла легко представить, как этот темный, ухоженный боксер-психопат стоит здесь, глядя на свои сокровища, и в его глубоко посаженных глазах сияет пугающий религиозный фанатизм.

Мокрые следы вели от железной решетки, расположенной в нижней части стены, за которой неслись темные воды, прямо к двери. Бэрронс даже не остановился, чтобы осмотреться, когда влез сюда.

– Найдите это, возьмите, и мы уходим, – рыкнул Иерихон.

Я и забыла, что он не может знать, какая из вещей нам нужна. Только я могу это определить. Я медленно повернулась, прислушиваясь к своему новоприобретенному шестому чувству.

И содрогнулась в сухом позыве. К счастью, я, похоже, начала привыкать к таким вещам. Ужин на провокацию не поддался. Внезапно я представила О'Банниона, который пришел проверить, какой из его артефактов пропал, и наткнулся на вполне определенного происхождения кучки по всему помещению. Интересно, что бы он стал делать? Я захихикала; еще одно подтверждение тому, что я немного не в себе.

– Вот это. – Я показала на висевшую над моей головой вещь, не обращая внимания на похожие на нее предметы, которыми была увешана стена, и повернулась к Бэрронсу. Он стоял у меня за спиной, в проеме круглой двери, и смотрел

в коридор. И только теперь повернулся ко мне и взглянул в указанном направлении.

– ... твою мать! – взорвался он, пиная дверь. – Я его даже не вижу.

Потом добавил громче:

– Твою мать!!! – и отвернулся. Стоя ко мне спиной, он зарычал:

– Вы уверены, что это оно?

– Абсолютно.

– Ну так берите его, мисс Лейн. Не стойте столбом.

Я моргнула.

– Я?

– Вы же стоите возле него.

– Но меня от него тошнит, – запротестовала я.

– Самое время начать работать над этой вашей маленькой проблемой. *Берите!*

Желудок занервничал, когда я сняла эту вещь с держателя на стене. Металлические зажимы поддались с тихим клацанием, когда исчез давящий на них вес.

– И что теперь? – спросила я.

Бэрронс засмеялся, и этот звук мрачным эхом отразился от стен.

– А теперь, мисс Лейн, мы помчимся отсюда сломя голову, поскольку вы только что включили дюжину сигнализаций.

Я вздрогнула.

– О чем ты говоришь? Я ничего не слышу.

– Это бесшумная сигнализация, которая охватывает весь дом О'Банниона. В зависимости от того, где он сейчас находится, у нас либо мало времени, либо вообще нет.

Бэрронс явно плохо на меня влиял. За одну ночь он умудрился одеть меня как шлюху, потом как паршивого вора, а теперь еще и заставил ругаться как матрос, вдохновив личным примером.

– ... твою мать!!! – выразила я свое отношение к ситуации.

Я поняла, что долго не проживу, когда бежала по предрасветным улицам Дублина, сжимая под мышкой копье, которое было выше моего роста.

– Не стоит впадать в пессимизм, мисс Лейн, – сказал Бэрронс, когда я поделилась своими мыслями. – Не накликайте беду.

– Чего? – выдохнула я, пытаюсь отдышаться. Я попробовала сесть в машину и радостно застряла на полпути, стиснутая копьем.

– Задвиньте его назад за спинку сиденья, – рыкнул Бэрронс.

Я высвободилась и послушалась доброго совета. Пришлось опустить окно, чтобы древко копья не выдавило его. Бэрронс оказался за рулем в тот самый момент, когда я скользнула на пассажирское сиденье; мы синхронно захлопнули двери.

– Ждите смерти, – сказал он, – и вы умрете. Сила мысли

невероятно велика, куда больше, чем думают некоторые люди.

Он завел машину и отъехал от обочины.

– ... твою мать! – снова вырвалось у него. Похоже, это коротенькое выражение стало девизом дня.

Машина «Гарды» очень медленно проехала мимо нас. К счастью, она двигалась со стороны Бэрронса, а не с моей, так что коп не мог заметить торчащее из окна древко копья.

– Мы же ничего плохого не делаем, – тут же среагировала я. – То есть такого, о чем он уже знает, верно? Сигнализация ведь еще не предупредила полицию, или?..

– Знает он или нет, просто посмотрите на нас как следует, мисс Лейн. Мы на территории О'Банниона. Как вы думаете, кто платит этому копу за патрулирование улицы в неурочное время?

До меня доходило медленно.

– То есть ты хочешь сказать, что даже если коп пока не знает, как только он услышит, что О'Банниона ограбили... – Я запнулась.

– Он сообщит наши приметы, – закончил вместо меня Бэрронс.

– Мы покойники, – спокойно констатировала я.

– Снова пессимизм, – сказал Бэрронс.

– Реализм. Я говорю о реальности, Бэрронс. Включи мозги. Как ты думаешь, что с нами сделает О'Баннион, когда узнает? Нашлепает по попке?

– Реальность определяется отношением, мисс Лейн, а ваше отношение, выражаясь американским сленгом, пованивает.

Я не поняла того, что он пытался объяснить мне, однако йотом, после некоторых событий, я вспомнила и согласилась с ним. Единственное и самое главное преимущество, которое кто-то может получить в этой битве – надежда. Ши-видящая, у которой не осталось надежды, не осталось необоримого желания выжить, – это мертвая ши-видящая. Ши-видящая, которая считает, что она безоружна и обречена, может с тем же успехом приставить дуло к виску, спустить курок и вышибить себе мозги. В этой жизни есть только два определяющих фактора: надежда и страх. Надежда дает силу, страх убивает. Но в ту ночь я плохо понимала подобные вещи, поэтому просто стиснула кулаки и молчала всю дорогу, пока мы неслись по пустынным улицам Дублина и выезжали на ярко освещенную аллею между гаражом и магазином Бэрронса.

– Что за дрянь мы все-таки украли, Бэрронс? – спросила я. Он слегка улыбнулся, глядя, как открывается дверь гаража.

Фары нашего «седана» освещали сверкающие решетки коллекции автомобилей. Старый «седан» медленно заполз в дальний угол гаража.

– У этой вещи много названий, но вы могли слышать о ней как о копье Лонгина, – ответил Бэрронс.

– Никогда такого не слышала, – сказала я.

– Как насчет Копья Судьбы? – спросил он. – Или Святого Копья?

Я покачала головой.

– Вы исповедуете хоть какую-нибудь религию, мисс Лейн?

Я вышла из машины и потащила наружу копьё.

– Я иногда хожу в церковь.

– Вы держите в руках копьё, которое проткнуло бок распятого Христа, – сказал Бэрронс.

Я чуть не уронила эту штуку.

– Это убило Христа?! – недоверчиво воскликнула я. И я это *держала*? Я заторопилась вслед за Бэрронсом к выходу из гаража. Я не считала себя религиозным человеком, но ощутила страстное желание выкинуть это копьё куда подальше, вымыть руки и помолиться в ближайшей церкви.

Мы проскользнули через бесшумно опускающиеся двери гаража и зашагали по аллее. Тени скользили справа от меня, держась на самом краю световых полос, которыми прожекторы очерчивали путь к черному ходу, но я не удостоила их даже взглядом. Я торопилась как можно скорее попасть внутрь, под защиту стен, поскольку в этой ночи вполне мог скрываться охранник криминального босса, готовый в любой момент послать пулю в мою сторону, и вряд ли он промахнется.

– Христос был уже мертв, когда это случилось, мисс Лейн. Римский солдат, Гай Кассий Лонгин, держал это копьё. На следующий день была Пасха, и еврейские старейшины не хо-

тели, чтобы их святой праздник омрачали распятые жертвы. Они попросили Пилата ускорить смерть казненных, чтобы тела можно было снять. Распятие, — пояснил Бэрронс, — это довольно долгое дело, распятый человек мог прожить еще несколько дней. Когда солдаты сломали ноги тем двоим, что были распяты возле Христа, они больше не смогли приподниматься, чтобы вдохнуть, и быстро скончались, удушенные веревками на шее. Однако оказалось, что Христос уже мертв, и, вместо того, чтобы сломать ему ноги, один из солдат ткнул его копьем, чтобы проверить, жив он или нет. Считается, что так называемое Копье Лонгина разыскивают с тех самых пор, поскольку оно якобы наделяет мифической силой. Многие исторические личности заявляли, что владеют этой реликвией: император Константин, Карл Великий, Оттон Великий и Адольф Гитлер — это лишь некоторые из списка. Каждый из них верил, что это копье — истинный источник их силы.

Я перешагнула порог черного хода, захлопнула за собой дверь и повернулась к Бэрронсу, недоверчиво прищурившись:

— Давай проверим, правильно ли я поняла. Мы только что вломились в сокровищницу главного гангстера и стащили то, что он считает источником своей силы? И мы сделали это — *зачем?*

— Затем, мисс Лейн, что Копье Судьбы называется также Копьем Луина или Люзина, Пылающим Копьем. Это не рим-

ское оружие, оно принесено к нам из мира Туата Де Данаан. Это реликвия Видимых, одно из двух орудий, при помощи которых человек может убить эльфа. *Любого* эльфа. Вне зависимости от касты. Даже сама Королева, по слухам, боится этого копья. Однако, если вы пожелаете, мисс Лейн, я могу позвонить О'Банниону и спросить, простит ли он нас, если мы вернем эту вещь назад. Мне идти к телефону, мисс Лейн?

Я сжала копье.

– Оно может убить Многогоротую Тварь? – спросила я.

Иерихон кивнул.

– И Серого Человека тоже может?

Он снова кивнул.

– Охотников?

Третий кивок.

– Даже элиту эльфов? – Я хотела четко выяснить все детали.

– Да, мисс Лейн.

– Правда? – выдохнула я.

– Правда.

Я нахмурилась.

– У тебя есть план, как справиться с О'Баннионом?

Бэрронс прошел мимо меня, включил свет в комнате и выключил наружные прожекторы. Аллея за окнами погрузилась во тьму.

– Идите в свою комнату, мисс Лейн, и не выходите оттуда – ни при каких обстоятельствах – до моего возвращения. Вы

меня поняли?

Я ни за что на свете не буду сидеть где-нибудь и тихо ждать смерти, о чем я тут же поставила Иерихона в известность.

– Я не пойду наверх прятаться от...

– *Немедленно.*

Я уставилась на него. Я ненавидела эту его привычку прерывать меня командным тоном. У меня была для него новость: я не Фиона, которая ловит на лету крохи его благосклонности и слушается каждого его приказа, поскольку вслед за ним может последовать благодарность.

– Ты не можешь приказывать мне, я не Ф...

В этот раз я была рада, что Бэрронс оборвал меня прежде, чем я успела выдать свои непомерно длинные уши.

– Вам что, есть куда пойти, мисс Лейн? – холодно спросил он. – Неужели?

Его улыбка меня испугала. Это была широкая улыбка мужчины, который может полностью управлять нужной ему женщиной.

– Вы собираетесь вернуться в «Кларин-хаус» и надеетесь, что Мэллис вас там не отыщет? У меня есть новость для вас, мисс Лейн. Вы можете плавать в озере со святой водой на лодочке из чеснока, громко крича Мэллису, что вы его не приглашаете, но это не остановит вампира, который обильно и регулярно питается. Или вы намерены найти новый отель, в надежде что там не окажется осведомителей О'Банниона?

Нет, я понял, вы собираетесь вернуться домой в Джорджию. Так ведь? Жаль разочаровывать вас, мисс Лейн, но для этого уже слишком поздно.

Я не хотела знать, почему именно слишком поздно: имел ли он в виду О'Банниона, который не упустит меня, или готов с застывшими глазами, которые пойдут на все, лишь бы доставить удовольствие своему «Мастеру». Или же Бэрронс сам начнет за мной охоту...

– Ублюдок, – прошептала я. До того как он начал таскать меня от дома одного «игрока» к другому, до того как он заставил меня ограбить вампира и гангстера, у меня еще был шанс. А теперь это совсем другая игра, и я играю в полной темноте, а у противников не только есть приборы ночного видения, они, в отличие от меня, еще и знают правила игры. И я подозревала, что эта ситуация – тоже часть плана Бэрронса: ограничить мои возможности, лишить меня самостоятельности и оставить мне лишь одно – потребность в нем, чтобы выжить.

Я злилась на него и на себя. Я была полной дурой. И не видела выхода. Хотя и не была еще абсолютно беспомощной. Я нуждалась в нем? Ладно, я могла это стерпеть, поскольку он тоже нуждался во мне и я никогда не позволю ему забыть об этом.

– Ладно, Бэрронс, – сказала я. – Но я оставляю копье у себя. И это не обсуждается.

Я подняла копье, которое до сих пор держала. Возможно,

я не могу противостоять вампиру и гангстерам, но уж эльфы у меня получают по полной программе.

Иерихон несколько мгновений смотрел на копье с выражением, которого я не могла определить. Потом ответил:

– Оно и предназначалось вам, мисс Лейн. Думаю, вам стоит снять его с древка, чтобы сделать удобнее. Древко не обладает силой, важен лишь сам наконечник.

Я моргнула. Предназначалось мне? Бэрронс не только мог получить редкостные шансы на черном рынке. Он ведь тоже был ши-видящим и мог использовать копье в личных целях. И вот он говорит, что я могу оставить оружие себе?

– Правда?

Он кивнул.

– Слушайте меня, мисс Лейн, – сказал Иерихон, – и я помогу вам остаться в живых.

– Мне не нужно было бы спасти свою жизнь, – едко ответила я, – если бы ты сам не втравил меня в эту дрянь.

– Вы пришли ко мне в поисках «этой дряни», мисс Лейн. Вы явились сюда, воплощенная невинность и глупость, и спросили о «Синсар Дабх». Помните? Я посоветовал вам отправляться домой.

– Ага, но это было до того, как ты понял, что я могу находить артефакты. Иначе ты связал бы меня и накачал наркотиками, лишь бы удержать. – Я знала, в чем его обвиняю.

– Возможно, – согласился Бэрронс, – но, подозреваю, я

нашел бы куда более действенные методы привлечь вас на свою сторону.

Я резко взглянула на него. Он не шутил. И я не хотела знать, что означали его «более действенные методы».

– Однако, учитывая ваш ум, мисс Лейн, думаю, это не понадобится, не так ли? Что возвращает нас в исходную точку. Отправляйтесь в свою комнату и не выходите, повторяю, *ни при каких обстоятельствах*, до моего возвращения. Я ясно выразился?

Мама всегда говорила, что послушание – одно из моих достоинств. Она была права. Произнести хоть слово – означало принять безоговорочную капитуляцию или, как минимум, признать, что я уступаю ему, а я не хотела в этом признаваться, поэтому просто уставилась на копьё в полной тишине. Если я отломаю древко у самого наконечника, оно как раз будет длиной сантиметров в тридцать. Острое лезвие у самого основания было около десяти сантиметров шириной. Без сомнения, копьё поместится в самую большую из моих сумочек, если мне удастся расположить его так, чтобы острие не пропороло кожу, а заодно и мой бок.

Когда я отвела взгляд от копьё, я поняла, что осталась в одиночестве.

Бэрронс ушел.

У моих родителей есть несколько забавных утверждений. Они были рождены в другое время и в другом поколении. Их

девиз – «тяжелая работа ради тяжелой работы». Конечно, у них были свои проблемы, которые у моего поколения, у «поколения требующих», вылились в собственные трудности.

Например, родители воспитывали детей, которые свято верили, что заслуживают всего наилучшего уже потому, что появились на свет, а если мама и папа не угождают их малейшим капризам, то тем самым подталкивают своих детей к жизни в остракизме и к дальнейшим ошибкам. Выросшие на компьютерных играх, спутниковом телевидении и Интернете, окруженные последними достижениями в сфере электроники, пока родители из кожи вон лезли, зарабатывая на это деньги, большинство моих ровесников верили, что если с ними что-то не так, то это не их беда, это вина родителей, которые не проводили с ними достаточно времени. Это злобный маленький пункт 22¹⁹ для родителей, с какой стороны ни посмотри.

Мои родители ни в чем не были виноваты передо мной. Все ошибки, которые я совершила, лежали на моей собственной совести. Все эти околичности, собственно, сводятся к одному: я начала понимать, что имел в виду папа, когда повторял: «Не говори мне, что *не хотела* этого делать, Мак.

---

¹⁹ Пункт 22 – выражение пришло из одноименного романа Дж. Хеллера (1961). Согласно этому пункту летчика можно отстранить от полетов, только если он сам об этом заявит и если при этом его признают сумасшедшим. Однако любой, кто обращается с такой просьбой, уже не сумасшедший, а каждый, кто с готовностью продолжает летать, безумец по определению, но отстранить его нельзя – он не сделал заявления.

Умысел или ошибка – результат один и тот же».

Теперь я это понимала. Вот и вся разница между непредумышленным и запланированным убийством: убитый остается убитым, и я сильно сомневаюсь, что отсутствие умысла и улики чем-то ему помогут.

Спустя один апельсин, два шоколадных батончика, пачку крендельков и двадцать шесть часов, по умыслу или по ошибке, но на моих руках была кровь.

С первых моих дней на земле я никогда не была такой счастливой, как в то утро. Я закончила заниматься тем, чем поклялась никогда не заниматься: ежиться в ярко освещенной временной спальне изо дня в день, уничтожая скудные съестные припасы и размышляя о том, какой план придумал Бэрронс и способен ли этот план защитить нас от банды Рокки О'Банниона. Я пессимистично заключала, что такого плана нет. Даже если Иерихон сумеет отпугнуть некоторых людей О'Банниона, придут другие. В самом деле, ну как может человек надеяться выстоять против беспощадного гангстера и подчиненных ему бывших бойцов и убийц, которые однажды в течение одной ночи отняли двадцать семь жизней?

Когда первые розовые лучи рассвета проникли сквозь занавески, я поспешила к окну и отдернула шторы. Я прожила еще одну ночь в Дублине, и этот факт сам по себе был поводом для праздника в моем маленьком искаженном мире. Некоторое время я молча смотрела вниз, на аллею, потом подумала, что зрение меня подводит.

Или не подводит, размышляла я, слетая по лестнице прежде, чем поняла, что делаю, проносясь с четвертого этажа на первый, а потом топая босыми ногами по ступеням к черному ходу, чтобы убедиться наверняка. Моим босым ногам наружные ступени показались ледяными, когда я сбега-

ла по ним, торопясь к аллее за магазином.

В нескольких метрах от меня, залитый утренним светом, стоял черный «майбах», все четыре двери были распахнуты. Он тихонько, надоедливо потрескивал, так что сразу становилось ясно, что ключи до сих пор в замке зажигания и аккумулятор еще не сел. За «майбахом», капотом к багажнику, выстроились до самого начала заброшенного района еще три автомобиля. У всех машин дверцы были распахнуты, и тот же пищавший звук сообщал, что ключ находится в замке зажигания. Возле каждой машины лежали кучки одежды, совсем рядом с дверцами. Внезапно я вспомнила тот день, когда заблудилась в заброшенном районе. Там тоже стояла пустая машина с кучкой одежды у водительской двери. Я начала понимать, что случилось, и содрогнулась от ужаса.

Любому дураку ясно, что здесь произошло.

Ну, по крайней мере, ши-видящему дураку, который знает, какие события могли произойти ночью возле этих стопочек одежды.

Полицейский, который видел нас вчера, наверняка доложил о нас О'Банниону, и спустя какое-то время после наступления темноты бандит со своими людьми решил поехать за нами, и, судя по тому, что они направлялись к черному ходу, вежливый разговор не входил в его планы.

Поступок Бэрронса поразил и ужаснул меня: Иерихон ведь выключил внешние прожекторы, у входа и за домом, позволив темноте полностью окутать дом снаружи. О'Банни-

он и его люди вышли из машин, и Тени набросились на них.

Бэрронс *знал*, что это произойдет. Я готова была держать пари, что он прекрасно знал о том, что за нами явятся основные силы гангстера. И знал, что они не успеют даже отойти от своих машин. Конечно, в магазине я была в безопасности. Поскольку внутренние лампы горели, а все внешние были погашены, ни один гангстер или монстр не мог забраться внутрь.

Бэрронс загнал бандитов в смертоносную ловушку, которая понадобилась вследствие моего воровства. Когда я подняла руку и сняла оружие со стены, я подписала смертный приговор для шестнадцати человек.

Я обернулась и взглянула на книжный магазин, который теперь виделся мне совсем в другом свете. Это было не здание, это было *оружие*. Еще на прошлой неделе, впервые взглянув на него, я подумала, что он похож на бастион между хорошей частью города и плохой. А теперь я понимала, что это и был бастион, – это была демаркационная линия, последнее пристанище, – и Бэрронс отгородился от покинутого района деньгами и фонарями, стоящими на тщательно выверенных местах, и все, что ему нужно было сделать, чтобы защитить свою собственность – это выключить свет и подпустить Тени к самому дому. Тени были его сторожевыми псами, вырвавшимися из самого ада.

Подталкиваемая мрачным любопытством или же генетически заложенной потребностью узнавать об эльфах все

что можно, я подошла к «майбаху». На самом верху стопки одежды лежала кожаная куртка, точно такая же, как та, которую я видела вчера на Роки О'Баннионе.

С трудом сдерживая дрожь, я нагнулась и подняла куртку. Когда прекрасно выделанная итальянская кожа оказалась в моих руках, из нее выпал большой кусок того, что поначалу показалось желтоватым, пористым пергаментом.

Я вскрикнула и уронила куртку. Я уже видела раньше такой «пергамент». Я видела множество таких «пергаментов», их носил ветер над тротуарами заброшенного района в тот день, когда я заблудилась в тумане, и они были разных размеров и форм. Я вспомнила, как решила тогда, что поблизости должна находиться заброшенная бумажная фабрика, в разбитые окна которой и вылетали эти куски...

Это была отнюдь не бумага, – это были люди. Точнее то, что он них осталось. И если бы в тот день я не выбралась из пустых кварталов до наступления темноты, я тоже превратилась бы в одну из этих... этих... высосанных оболочек, оставшихся от прохожих.

Я попятилась. Мне не нужно было ворошить другую одежду, чтобы понять, что эти кусочки неизвестно чего – все, что осталось от Роки О'Банниона и пятнадцати его людей, но все же я это сделала. Я подняла еще три куртки и сказала себе, что с меня достаточно. Эти люди даже не способны были увидеть, что их убивает. Я подумала о том, атаковали ли Тени сообща, подождав, пока все выйдут из машин,

или же как только первые двое оказались снаружи, остальные увидели, как их напарники превращаются в высосанные тряпочки, или что там Тени оставляют вместо людей, и лишь потом, вытащив оружие, бросились на помощь товарищам и стали жертвами той же невидимой силы. Мне было интересно, достаточно ли разумны Тени для того, чтобы подождать, или ими управляет лишь бездумный, неутолимый голод.

Если бы они добрались до меня в ту ночь, когда я потерялась, то я хотя бы смогла увидеть, что ко мне приближается – комки тяжелой, маслянистой тьмы, – и хоть я не только шивидящая, а еще и Нуль, я бы подняла руки, чтобы защититься, но я была не уверена, что Тени достаточно материальны для того, чтобы до них можно было дотронуться и заморозить.

Я сделала мысленную пометку – не забыть выяснить это у Бэрронса.

И продолжала смотреть на четыре машины и кучки, оставшиеся от шестнадцати человек: одежду, обувь, драгоценности и оружие, последнего особенно много. У каждого из бандитов было как минимум два пистолета, синеватый металл поблескивал вокруг машин. Либо Тени убивали очень быстро, либо все пистолеты были бесшумными, поскольку прошлой ночью я не слышала ни единого выстрела.

Неважно, что все эти люди были преступниками и убийцами, неважно, что раньше они полностью уничтожили два семейства, я не могла простить себе их гибели. Умысел или

ошибка — но я была причиной их смерти, и мне придется жить с этим до конца своих дней, и, возможно, я научусь с этим мириться, но никогда не смогу научиться получать от этого удовольствие.

Фиона приехала в одиннадцать пятнадцать, чтобы открыть магазин. К обеду небо затянуло тучами, заморосил дождь и похолодало, поэтому я устроилась у горящего камина, повернув вентили на максимум, свернулась клубочком на диване в задней части магазина, обложилась модными журналами и начала наблюдать за покупателями. Они приходили и уходили, а я думала о том, какой жизнью они живут и почему мне в эту нормальную жизнь ход заказан.

Фиона вежливо беседовала с каждым вошедшим и выписывала счета вплоть до восьми вечера, после чего закрыла магазин и ушла.

Несколько часов назад весь из себя современный владелец этого магазина убил шестнадцать человек, однако дела в «Книгах и сувенирах Бэрронса» шли как обычно. Что вызывало вопрос: кто был более хладнокровным убийцей — бывший боксер, превратившийся в гангстера, или коллекционирующий машины владелец книжного магазина?

Гангстер был мертв. А вполне живой владелец магазина появился из-за стены дождя чуть позже, чем обычно, зато все так же элегантно одетый. Была половина девятого вечера. Закрыв входную дверь, Бэрронс остановился у кассы, чтобы

прочитать записки, оставленные ему Фионой, а потом присоединился ко мне, сев в кресло напротив моего диванного гнездышка. Кроваво-красная шелковая рубашка Иерихона намокла под дождем и облепила тело, словно вторая кожа.

Длинные мускулистые ноги были обтянуты черными брюками, на ногах сегодня оказались черные ботинки с металлическими носками и каблуками – они больше подошли бы какому-нибудь неформалу. На руке Бэрронса вновь красовался тяжелый серебряный кельтский браслет, который напоминал мне о тайных песнопениях в древних каменных кругах. Сегодня пару браслету составляла толстая цепочка черненого серебра, которую Бэрронс надел на шею. Он излучал свою обычную странную энергию, был полон жизни и темной чувственности.

Я смотрела ему в глаза, он отвечал мне тем же, и никто из нас не произносил ни слова. Бэрронс не сказал: «Я уверен, что вы видели машины на заднем дворе, мисс Лейн», а я не сказала: «Как ты мог, хладнокровный ублюдок?» И он не возразил: «Вы ведь живы, не так ли?» Так что я не напомнила ему, что именно он стал причиной того, что моя жизнь понеслась под откос. Не знаю, сколько времени мы просидели вот так, глядя в глаза друг другу, но наш разговор велся при помощи взглядов. В глазах Иерихона Бэрронса было знание и ни капли сожаления о том, что произошло. Кстати, был момент, когда мне показалось, что я увидела его Истинную Сущность, ту, что известным образом связана с первым

в мире съеденным яблоком. Но оказалось, что это лишь пламя камина, отсвечивающее от красной рубашки Иерихона и отражающееся в его глазах.

Лишь одну вещь я не могла прочитать в его взгляде, и я хотела это выяснить.

– Ты хоть когда-нибудь думаешь дважды, Бэрронс? Ты хоть иногда сомневаешься в собственной правоте?

Когда он не ответил, я продолжила:

– Неужели ты ни на секунду не задумался об их семьях? Не представил, что среди них может оказаться случайно выбранный помощник, самое большое преступление которого заключалось в том, что в четвертом классе школы он стащил завтрак у одноклассника?

Если бы глаза были кинжалами, я уже давно проткнула бы его насквозь. Об этом я думала сегодня весь день – о том, что где-то остались жены и дети тех, кто уже никогда не вернется домой, и никто из них так ничего и не узнает.

Стоит ли мне собрать личные вещи бандитов – за вычетом жутких останков – и анонимно отправить в полицейский участок? Я понимала, что лучше уж мрачное утешение, которым являлась возможность узнать о судьбе Алины, увидеть ее тело и предать его земле. Если бы она просто исчезла, я бы всю оставшуюся жизнь провела в отчаянной, бессмысленной надежде, я бы вглядывалась в каждое лицо в толпе, я бы постоянно думала о том, жива ли она. И молилась, надеясь, что она не попала в руки какого-нибудь психопата.

– Завтра, – сказал Бэрронс, – вы отправитесь в Национальный музей.

Я и сама не понимала, что задерживаю дыхание, ожидая от него ответа, который хоть немного притупит чувство вины, пожиравшее меня. Я фыркнула на выдохе. Как это типично для Бэрронса. Задашь вопрос – получишь приказ.

– А что случилось с «оставайтесь в своей комнате до моего возвращения, мисс Лейн»? – насмешливо поинтересовалась я. – Что насчет Мэллиса и его людей? Ты уже забыл об этой маленькой проблеме?

Пусть О'Баннион погиб, а у меня появилось оружие против эльфов, однако оставался не на шутку разозлившийся на меня вампир, которого нельзя было сбрасывать со счетов.

– Мэллиса вызвал прошлой ночью тот, чьих приказов он не сможет, да и не захочет послушаться. Последователи считают, что вампир будет отсутствовать несколько дней, возможно около недели.

Мое подавленное настроение начало понемногу исправляться. Поскольку слова Бэрронса означали, что как минимум несколько дней я смогу бродить по городу почти как нормальный человек и беспокоиться только из-за эльфов. Я хотела вернуться в квартиру Алины и решить, сколько еще разрушений можно будет себе позволить в поисках ее дневника. Я хотела купить закуски и спрятать их в своей комнате, на тот случай, если снова там застряну, а также приобрести маленькие колонки для плеера. Наушники остались в про-

шлом, я стала слишком подозрительной, чтобы лишать себя возможности прислушиваться, кто или что подкрадывается ко мне с намерением отнять мою жизнь. Однако я могла бы слушать музыку в своей комнате, включив колонки. Поскольку я больше не платила за жилье, то вполне могла оправдать этим покупку колонок на сэкономленные деньги.

– И что мне нужно делать в музее?

– Я хочу, чтобы вы поискали то, что вы называете ОС. Меня долго интересовал вопрос, не спрятаны ли в запасниках музея эльфийские артефакты и не могут ли они находиться в экспозиции. Теперь, когда у меня есть вы, я могу получить ответ на свой вопрос.

– А ты не знаешь, что там могут быть за ОС и на что они похожи? – спросила я.

Бэрронс покачал головой.

– Если бы все было так просто. Даже сами эльфы не могут перечислить собственные реликвии. – Он коротко, мрачно хохотнул. – Подозреваю, что по причине слишком долгой жизни. Зачем им помнить о подобных вещах? Для чего? Ты живешь сегодня. Ты будешь жить завтра. Люди умрут. Мир изменится. Ты – нет. Подробности, мисс Лейн, – сказал Иерихон, – часто влекут за собой эмоции.

Я моргнула.

– Что?

– Эльфы, мисс Лейн, не похожи на людей, – пояснил Иерихон. – Невероятное долголетие превратило их в нечто иное.

Вы не должны об этом забывать. Никогда.

– Поверь мне, – сказала я, – я никогда не перепутаю их с людьми. Я знаю, что они чудовища. Даже самые красивые из них.

Он нахмурился.

– Самые красивые из них, мисс Лейн? Я думал, что все виденные вами эльфы были отвратительны. Или вы что-то скрываете от меня?

Я почти проболталась о В'лейне, а эту тему я не хотела обсуждать с Бэрронсом. До тех пор пока я не выясню, кому могу доверять, – если вообще кому-то могу, – я собиралась держать рот на замке.

– Или ты что-то скрываешь от меня! – холодно парировала я.

Как он смеет осуждать меня за то, что у меня есть секреты, когда сам он – ходячий сундук тайн? Я не пыталась делать вид, что ничего не скрываю. Я просто использовала против него его же собственные методы, – уклонялась от ответа, задавая вопрос.

Последовал еще один безмолвный разговор, на сей раз о правде и лжи, о блефе и обвинении в нем, и на сей раз мне было легче вести его, поскольку я четко уловила момент, когда Бэрронс решил, что расспросы на эту тему не стоят того, чтобы раскрываться самому.

– Постарайтесь закончить с музеем как можно скорее, – сказал он. – После того как завершите проверку, нас будет

ожидать список длиной с руку, в котором указаны все места в Ирландии, где может находиться «Синсар Дабх» и оставшиеся камни.

– О Боже, но ведь у меня есть своя жизнь, разве не так?! – воскликнула я. – А ты хочешь, чтобы я бегала от одного выбранного тобой места к другому и рыла носом землю, ища артефакты? Ты этого хочешь?

– Вы передумали насчет поисков «Синсар Дабх», мисс Лейн?

– Конечно, нет.

– Вы знаете, где следует ее искать?

Я сердито глянула на Иерихона. Мы оба знали, что я не имею об этом ни малейшего понятия.

– Вы не думаете, что кратчайший путь к Темной Книге и к убийце вашей сестры лежит в той части мира, что убила ее? Не лучше ли пойти по нему?

Еще как думала. Всю прошедшую неделю напролет.

– До тех пор пока этот мир не убьет и меня, – сказала я. – А он очень старается сделать это как можно скорее.

Бэрронс слабо улыбнулся.

– Я думаю, что вы не понимаете, мисс Лейн. Я не позволю вас убить. Несмотря ни на что.

Он поднялся и пересек комнату. Открыв дверь, обернулся через плечо:

– И однажды вы меня за это поблагодарите.

Он шутил? Я буду благодарить его за то, что мои руки

обогрены кровью?

– Я так не думаю, Бэрронс, – сказала я ему, но дверь уже закрылась, и он исчез в дождливой дублинской ночи.

Тени, возможно, самые страшные мои враги из рода эльфов, написала я в дневнике.

Заложив ручку между страниц, я снова посмотрела на часы: до открытия музея оставалось десять минут. Прошлой ночью меня мучили кошмары, и я настолько извелась от нетерпения, ожидая возможности выйти из книжного магазина в солнечное утро и заняться чем-нибудь познавательным и, для разнообразия, нормальным, что не додумалась уточнить, в котором часу открывается музей. Даже с учетом того, что я остановилась позавтракать кофе и сконом²⁰, я приехала на полчаса раньше, чем нужно, и оказалась в толпе людей, прохаживающихся перед входом, стоящих отдельными группками или сидящих на скамейках у главного входа в Музей археологии и истории на Килдэр-стрит.

Я умудрилась занять целую скамейку и воспользовалась случаем пополнить свой блокнот новыми записями и постараться сделать из них вывод. Моя навязчивая идея найти дневник Алины подтолкнула меня к тому, чтобы самой вести записи – обо всем и очень подробно. Поскольку все мы крепки задним умом и никогда не известно, что сможет усмотреть другой человек в твоей, так слепо прожитой, жизни. Ес-

---

²⁰ Скон – пшеничная или ячменная лепешка.

ли со мной что-нибудь случится, я хотела, чтобы после меня осталась как можно более подробная запись событий, на тот случай, если кто-то возьмется докапываться до сути, в чем я, честно говоря, очень сомневалась. Я надеялась, что Алина в свое время поступила точно так же.

Я сняла колпачок с ручки.

По утверждению Бэрронаса, написала я, Тени нематериальны, что означает – я не могу проткнуть их копьём или заморозить. Выходит, что у меня нет никакой защиты против самой низшей касты Невидимых.

Чувство юмора меня не покинуло. Тени были низшими из эльфов, даже не разумными, скорее просто чувствующими, и вот – несмотря на то что копьё в моей сумочке (аккуратно завернутое в лист фольги) способно уничтожить даже самых могущественных их сородичей, – я беспомощна, как котенок, перед низами эльфийского общества.

Что ж, я просто постараюсь не опускаться в эти самые низы и вцеплюсь руками, зубами и ногтями в то, что может сработать против них. Я быстро составила список необходимых покупок: несколько дюжин фонариков различного размера. Придется постоянно носить с собой парочку, а остальные разложить по всем углам всех комнат магазина, на тот жуткий случай, если когда-нибудь ночью отключат электричество. Несмотря на яркое солнечное утро, я задрожала от одной мысли об этом. Со вчерашнего дня Тени не выходили у меня из головы, с того самого момента, как я нашла кучки

одежды и похожие на бумагу останки.

«Почему они оставляют одежду нетронутой?» – спросила я у Бэрронса, когда столкнулась с ним в коридоре у черного хода, это было поздно ночью, я собиралась лечь в постель. Иерихон определенно был «совой». Я, в своем нежном возрасте – в свою защиту я могла сказать лишь то, что в последнее время моя жизнь состояла исключительно из стрессовых ситуаций, – в час ночи с трудом держала глаза открытыми и мечтала лишь о том, чтобы заснуть. Он же выглядел отвратительно энергичным и ничуть не сонным. Я знала, что мой вопрос вряд ли имеет значение, учитывая основные события, но иногда самые мелкие и незначительные детали больше всего остального подогревают мое любопытство.

«Точно так же, как Серый Человек жаждет похитить красоту, которую никогда не сможет обрести сам, – ответил Бэрронс, – Тени пытаются украсть то, чего жаждут больше всего и что никогда не смогут присвоить: физическое воплощение жизни. Поэтому они равнодушны к тому, что лишено жизни. Одежда их не интересует».

«А из чего состоят эти похожие на бумагу штуки? – спросила я, охваченная искренним любопытством. – Я думаю, это части тела, но какие именно?»

«Разыгралось нездоровое воображение, мисс Лейн? Откуда мне знать? – Бэрронс пожал плечами, и гладкие мускулы волной приподняли красный шелк. – Возможно, это конденсат кожи, костей, зубов и ногтей, из которых высосали

жизнь. Или, что тоже вероятно, наш мозг для них несъедобен. Возможно, он на вкус напоминает лягушку, а Тени не любят лягушек, мисс Лейн».

– Бе-е, – пробормотала я, записывая суть нашего ночного разговора с чистой страницы.

Когда я закончила, вокруг внезапно возникло массовое движение, и я подняла глаза на открывшиеся двери музея. Аккуратно засунув дневник в сумочку (так, чтобы он не помешал мне вовремя выхватить наконечник копья), я перекинула лямку через плечо и встала, радуясь тому обстоятельству, что почти не чувствую тошноты, вызванной такой близостью к ОС. Я была обречена повсюду носить этот предмет с собой, так что прошлой ночью заставила себя заснуть рядом с наконечником копья, надеясь, что чем дольше я буду находиться возле него, тем быстрее привыкну. Похоже, это сработало.

Я воспряла духом, шагнув под своды главного зала музея. Мне всегда нравились музеи. Возможно, следовало притвориться, что я люблю их потому, что образованна и грамотна, и обожаю учиться, но на самом деле мне просто нравятся яркие, красивые вещи. Судя по тому, что я слышала об этом месте, ярких и красивых вещей там было полным-полно. И я не могла дождаться момента, когда увижу их.

К сожалению, увидеть мне удалось совсем немного.

Однажды я перестану снимать свою одежду при появле-

нии В'лейна, однако ценой возможности сопротивляться ему станет часть моей души.

Но в тот день, прогуливаясь по Национальному музею археологии и истории, ослепленная и восхищенная экспозицией – коллекцией ирландского золота, я понятия не имела о том, какую часть души можно потерять.

Вспоминая тот день, я отдаю себе отчет: я не понимала ничего, что тогда со мной происходило. Я была глупенькой двадцатидвухлетней красоткой, для которой еще месяц назад самым важным вопросом было, не прекратит ли «Ревлон» выпускать мой любимый лак для ногтей – «Айсберри Пинк», поскольку это станет настоящей катастрофой. Этот лак великолепно подходил к моей шелковой розовой юбке, которую я надела в тот день, облегающему жемчужному топу и золотистым сандалиям, каблуки которых были как раз подходящей высоты, и мои загорелые ноги смотрелись просто умопомрачительно. Блестящая жемчужинка кулона свисала на тонкой цепочке как раз между моих полных грудей, прекрасно сочетаясь с сережками и жемчужным браслетом на запястье. Я являла собой великолепный образчик гламура.

Локоны в стиле «арабских ночей» мягко обрамляли мое лицо и заставили немало мужских голов обернуться мне вслед. Я вздернула подбородок и мысленно улыбнулась. Ах, эти маленькие радости жизни...

За несколькими шкафами экспозиции, на лестнице, стоял

действительно привлекательный парень и, судя по тому, как он смотрел в мою сторону, был явно не прочь познакомиться. Он был высоким, атлетически сложенным, с короткими темными волосами, великолепной кожей и самыми синими глазами, которые мне доводилось видеть. Незнакомец был приблизительно моим ровесником, возможно – на несколько лет старше, скорее всего, студентом колледжа, – и относился именно к тому типу парней, который привлекал меня еще дома. Красавчик учтиво кивнул мне и улыбнулся, давая понять, что не скрывает своего интереса.

«Старайтесь отличаться, – говорила мама Алине и мне, – от других девочек вашего возраста, которые ведут себя слишком доступно. Заставьте парня потрудиться, чтобы привлечь ваше внимание. Только тогда ваше расположение станет для него словно выигрыш желанного приза и он начнет стараться изо всех сил, чтобы заполучить этот приз. Мальчики вырастают в мужчин, а мужчины прежде всего ценят то, что сложно достается».

Я уже говорила, какая мудрая у меня мама? Мой папа увидавается вокруг нее вот уже тридцать лет и до сих пор считает, что солнце всходит и заходит по кивку Рейни Лейн. Если она когда-нибудь не поднимется утром с постели, то никакого утра не будет. Солнце не встанет, и папа тоже не сможет встать. Мы с Алиной никогда не испытывали недостатка в любви, однако всегда знали, что друг друга родители любят немного больше. Мы считали отвратительным и в то же вре-

меня восхитительным то, что они то и дело закрывали от нас дверь спальни в самые непредвиденные моменты. Иногда это происходило даже дважды в день. Мы закатывали глаза, однако в мире, где процент разводов растет быстрее, чем цены на нефть, их неугасимая любовь была для нас мысом Гибралтар — она давала уверенность в том, что все будет хорошо.

Я начала было застенчиво улыбаться этому парню, но мои губы, не успев сложиться в улыбку, замерли. Зачем усложнять себе жизнь? Свидания не впишутся в мой распорядок дня, их не втиснешь между встречами с вампирами, высасывающими жизнь Тенями, гангстерами и поисками ОС. Я что, хочу, чтобы он пришел в магазин Бэрронса приглашать меня на свидание? Ха, а если в тот вечер мой загадочный и хладнокровный хозяин забудет включить свет снаружи?

Пока-пока, очаровашка, привет, кучка шмоток.

Мысль об этом заставила кровь застыть в венах. Я ускорила шаг, быстро оставила позади симпатичного парня и сконцентрировалась на экспозиции, пытаюсь уловить предупреждающий «звоночек» моего шестого чувства.

Ничего не получалось.

Я переходила из комнаты в комнату, от одного стенда к другому, шла мимо артефактов и реликвий, но не ощущала ни малейшего приступа тошноты. Однако появились совсем другие симптомы, и не заметить их было просто невозможно. Мельком увиденный симпатяга, похоже, разбудил во мне все имеющиеся гормоны, поскольку я начала размышлять о

возможном сексе с ним и думать о том, нет ли у него брата. Или двух. Или даже трех.

Это было так непохоже на меня. Я однолюбка. И даже в самых смелых фантазиях я представляла старый добрый традиционный секс, а не групповое порно. Однако красочное, яркое видение симпатичного парня с возможными братьями было настолько детальным, что я даже зашаталась от его грубого эротизма. Я резко помотала головой, напомнив себе, зачем я сюда явилась: за ОС, а не за многочисленными оргазмами.

Я почти утратила надежду увидеть что-нибудь интересное, когда мой взгляд зацепился за клочок розового шелка и кружев, который лежал слева от меня. До него было всего лишь несколько шагов, и лежал этот комочек именно на том месте, по которому я только что прошла.

Я подумала о том, как мило этот комочек выглядит, и подошла поближе, выяснить, что же это такое.

Мои щеки вспыхнули. Конечно, он показался мне милым. Комочек оказался моими трусиками.

Я подхватила их с пола и быстро провела инвентаризацию.

Юбка на месте. Топ на месте. Лифчик на месте, хорошо. Спасибо тебе, Господи. Если не обращать внимания на сквозняк и мурашки на голой попе, и почти болезненное возбуждение, со мной все было в порядке. Но я, ни с того ни с сего, стянула с себя трусики, для чего нужно было при-

поднять юбку, перешагнула через них и пошла дальше, даже не заметив этого! Если бы я чуть меньше любила розовый цвет, если бы я не была поведена на модных вещах, я могла бы слепо продолжать путь, занятая своими сексуально озабоченными мыслями, до тех пор пока не оставила бы на полу музея всю свою одежду. Однако мне повезло, боковым зрением я заметила на полу деталь проявления моего собственного хорошего вкуса в одежде. Я не знала, радоваться мне по поводу своего острого зрения или сгореть от стыда.

– Где ты? – крикнула я, надевая трусики и одергивая юбку на бедрах. Я стояла посреди огромного зала, который был заполнен людьми, изучающими выставку разнообразных сокровищ, но никто из них даже не взглянул в мою сторону. Я не сомневалась в том, кто (или что) повлиял на меня подобным образом, усилив до безобразия сексуальное влечение и заставив неосознанно раздеваться.

Эльф был где-то рядом, пытался зачаровать меня, и это было одно из тех Существ, которые пользуются сексом для убийства. Я решила, что это В'лейн, поскольку сама мысль о том, что таких пугающе красивых, ослепляющих сознание и воздействующих на либидо тварей может быть много, казалась мне просто невыносимой.

Где-то сзади я услышала смех, раскатившийся по залу, словно гладкие, круглые, холодные жемчужины, медленно скользящие по моему клитору, и внезапно провалилась в бездонную пропасть, наполненную мучительной жадой

секса. Мои ноги дрожали, трусики снова оказались на полу, между ногами было влажно, и я точно знала, что если не займусь сексом здесь и сейчас, то наверняка умру. Легкий стук привлек мое внимание, и я увидела свой жемчужный браслет на полу, рядом с трусиками. Я не могла понять, его ли прикосновение я только что ощущала между ног, или это были эльфийские чары.

– В'лейн, – прошептала я, чувствуя, что губы набухли и пульсируют, точно так же, как и грудь. Мое тело изменялось, готовясь принять своего Хозяина, становилось мягким и мокрым, податливым и жаждущим.

– Ложись на пол, человек, – услышала я.

– Да я скорее умру! – прорычала я.

Он снова рассмеялся, отчего мои соски словно вспыхнули огнем.

– Не сейчас, ши-видящая, но однажды ты будешь умолять о смерти.

Злость. Вот оно. Меня спасала злость. Злость и еще какое-то слово на букву «А». Но какое, какое это было слово? Что спасало меня раньше? Что это была за отчаянная, болезненная мысль, от которой у меня внутри все покрывалось льдом и я сама чувствовала себя Смертью?

– Арбуз, – пробормотала я. Нет, это не то слово. Артефакт? Адам? Аритмия? Что-то связанное с принуждением?

А разве меня не принуждают? Принуждают заняться сексом здесь и сейчас. И кто я такая, чтобы возражать?

Я опустилась на холодный мраморный пол музея и стянула юбку с бедер, обнажаясь, предлагая: вот она я. Возьми меня.

– На все четыре, – сказал он из-за моей спины и вновь

рассмеялся, а я опять почувствовала, как прохладные жемчужины скользят у меня между ног, по напряженному бутону клитора и дальше, медленно раздвигая мою сочащуюся жидкостью плоть. Я упала на четвереньки, опираясь на руки и колени; прогнула спину, подняла бедра и издала какой-то нечеловеческий звук.

Я сходила с ума. Я это чувствовала, и до сих пор не знала, В'лейн стоит позади меня или какой-то другой эльф собирается медленно затрахать меня до смерти. Потом на мои бедра опустились чьи-то руки, он располагал меня поудобнее, а я забыла, что я Нуль, забыла, что мои ладони могут заморозить его, забыла, что неподалеку от меня, в сумочке, лежит копье, способное его убить, забыла, что у меня когда-то была сестра, которая погибла в Дублине...

Алина! Слово слетело с моих губ с такой отчаянной горячностью, что вместе с ним веером разлетелись капельки слюны.

Я вырвалась, обернулась и обеими ладонями ударила В'лейна в грудь.

– Ты, *свинья*!

Я отползла от него, голым задом по холодному полу, потом боком, словно краб, рванулась туда, где в нескольких метрах от меня осталась моя сумочка, одежда и обувь.

К тому времени, когда я достигла маленькой кучки своих вещей, он уже сбросил оцепенение. Бэрронс был прав: чем выше каста, тем более могущественны эльфы. Выясни-

лось, что элиту эльфов я могу заморозить всего на несколько мгновений. Этого было недостаточно. Более чем недостаточно.

– Мы не свиньи, – холодно произнес он, поднимаясь. – Это вы, люди, являетесь животными.

– Ага. А ты, судя по всему, склонен к зоофилии.

– Ты хотела этого и до сих пор хочешь, – спокойно сказал В'лейн. – Твое тело жаждет меня, человек. Ты хочешь отдаться мне. Ты хочешь оказаться на коленях.

Самое страшное – он был прав. Я хотела. Даже сейчас моя спина вздрагивала от желания, я выгибалась, словно кошка в течке, и каждое мое движение было плавным, волнующим. Я была одним большим куском неудержимого желания. Внутри меня поселилась безумная нимфоманка, которой было наплевать на то, сколько оргазмов приведут к смерти. Я дрожащими руками схватила сумочку.

– Не подходи ко мне, – предупредила я.

Судя по выражению его лица, В'лейн и не торопился ко мне приближаться. На его лице застыло отвращение, словно он не мог смириться с тем, что жалкое человеческое существо посмело в чем-то не покориться его сияющей власти.

– Зачем ты пришла сюда? Что из принадлежащего нам находится здесь, ши-видящая? – спросил он.

Я растегнула сумочку, развернула комковатую фольгу и положила руку на копье, но не стала пока что его доставать. Я хотела воспользоваться эффектом неожиданности.

– Ничего.

– Ты лжешь.

– Нет, правда, здесь ничего нет, – искренне ответила я, хотя в жизни не призналась бы ему, если бы в музее что-то было.

– Прошло пять дней, ши-видящая. Что ты забрала у О'Банниона?

Я моргнула. Откуда он мог об этом узнать?

– Он умер, пытаясь заполучить это назад. Я знаю, где ты остановилась, – продолжал эльф. – Знаю, куда ты направляешься. Бесполезно пытаться обмануть меня.

Я предпочитала думать, что эльф читает мои мысли по выражению лица, а не непосредственно из головы. Я прикусила язык, чтобы не вскрикнуть. Он снова что-то делал со мной. И снова жемчужинами. Один гладкий холодный шарик за другим скользили у меня между ног.

– Говори, ши-видящая.

– Хочешь знать, что мы забрали? Я тебе покажу, что мы забрали! – Я крепко стиснула пальцами основание наконечника и вытащила копье из сумки, угрожающе направив на Существо. – Вот это!

В первый, но далеко не последний раз в жизни я увидела подобное выражение на лице эльфа. Оно наполнило мои вены таким ощущением собственной силы, что почти заглушило бешеный сексуальный голод, навеянный этим Существом.

В'лейн, принц Туата Де Данаан, боялся *чего-то*.

И это что-то было в *моей* руке.

И тут могущественный эльф исчез. Просто исчез. В мгновение ока, но я не моргала. Он словно испарился.

Я села, тяжело дыша, сжимая копье и стараясь сосредоточиться.

Ко мне медленно начало возвращаться осознание того, что происходит в зале: шум голосов, пятна цвета и, наконец, обрывки разговоров со всех сторон.

– Как по-твоему, что она делает?

– Не знаю, мужик, но у нее обалденная задница! А за такие сиськи и умереть не жалко.

– Закрой глаза, Дэнни! *Немедленно*. – Напряженный сухой голос матери. – Это неприлично.

– А как по мне, так лучше некуда. – Слова сопровождались довольным свистом, щелчком и вспышкой фотоаппарата.

– Черт, гляньте, что у нее в руках! Может, стоит вызвать полицию?

– Не знаю, скорее психиатров. Похоже, она не в себе.

Я дико оглянулась по сторонам. Я сидела на полу, со всех сторон окруженная людьми. Я оказалась в центре людского круга, они напирали на меня, склонялись надо мной, таращились круглыми любопытными глазами.

Я захлебнулась глотком воздуха, который очень хотел вырваться из меня с рыданиями, схватила сумочку и спрятала

в нее наконечник копья. Как бы я стала объяснять наличие этого предмета? Я натянула юбку, застегнула лифчик, которым прикрывала голую грудь, потянувшись за топом, рывком надела его, всунула ноги в сандалии и вскочила на ноги.

– Прочь с дороги! – закричала я, слепо ударяясь о человеческую стену, расталкивая зевак локтями. Стервятники. Все до единого.

Я не справилась с собой. Разрыдавшись, я помчалась прочь из зала.

Для своего возраста она двигалась довольно быстро.

Она догнала меня в квартале от музея, обежала и загородила дорогу.

Я резко рванулась влево и, не сбавляя шага, прошла мимо нее.

– Остановись! – крикнула она.

– Идите к черту, – рыкнула я через плечо, почти не видя ее из-за слез, застилавших глаза.

Моя победа над В'лейном, одержанная с помощью копья, была омрачена публичным унижением. Как долго я просидела там, выставив на всеобщее обозрение интимные части тела, которые раньше не видел при ярком солнечном свете ни один мужчина, не вооруженный расширителем и медицинской лицензией? Как долго они на меня смотрели? Почему никто из них даже не попытался прикрыть меня чем-нибудь? На Юге какой-нибудь мужчина обязательно накинул бы на

меня свою рубашку. Да, он смотрел бы на меня, пока делал это, ведь грудь – это грудь, а мужчины – это мужчины, но рыцарство еще не совсем умерло там, откуда я приехала.

– Вуайеристы, – злобно сказала я. – Жадные до скандалов стервятники.

Спасибо тебе, реалити-ТВ. Люди привыкли наблюдать за самыми интимными особенностями себе подобных, за омерзительными подробностями чужой личной жизни, поэтому они скорее уселись бы поудобнее, наслаждаясь шоу, чем попытались помочь тому, кто действительно нуждался в помощи.

Пожилая женщина снова обогнала меня и загородила дорогу. На этот раз я попыталась обойти ее справа, но она рванулась за мной, и я буквально врезалась в нее. Она была такой старой, худой и хрупкой, что, казалось, могла рассыпаться от грубого прикосновения. Я испугалась, что наше столкновение окончится для нее сломанными костями и длительным реабилитационным периодом. Хорошие манеры, – в отличие от тех придурков из музея, не все люди забыли, что это такое, – пересилили мой гнев и заставили подхватить старушку под локти.

– Что? – спросила я. – Что вам от меня нужно? Снова хотите постучать по моей голове? Ну так давайте! Постучите и отстаньте! Но я не знаю, как можно было не обратить внимания на этого эльфа, учитывая, кхм, сложность ситуации.

Моей собеседницей оказалась та самая старая леди, кото-

рую я встретила в баре в первый вечер в Дублине. Та, что дала мне подзатыльник и велела перестать таращиться на эльфа, а потом идти и умереть где-нибудь в другом месте. Я знала, что она практически спасла мне жизнь в тот вечер, хоть и могла бы быть повежливее, но я была не в настроении благодарить ее за это.

Запрокинув свою седовласую голову, старушка уставилась на меня. Изумленное выражение морщинистого лица нисколько не изменилось.

– *Кто* ты такая?! – воскликнула она.

– В каком смысле – кто я такая? – кисло переспросила я. – Зачем вы преследуете меня, если даже не знаете, кто я? У вас хобби такое – бегать за незнакомцами?

– Я была в музее, – сказала она. – Я видела, что ты сделала. Иисус Милосердный, Дева Мария и все святые угодники, кто ты, девочка?

Я испытывала такое отвращение ко всему человечеству в целом, что заорала на нее:

– Вы *видели*, что эта тварь пыталась со мной сделать, и даже не попытались *помочь* мне?! Если бы оно меня изнасиловало, вы бы просто стояли и смотрели? Спасибо большое! Я это ценю. Черт, да я уже не понимаю, кто на самом деле чудовища – мы или они!

Я резко развернулась и попыталась уйти, но старуха с неожиданной силой вцепилась в мою руку.

– Я не могла тебе помочь, и ты это знаешь, – отрезала она.

– Ты знаешь правила.

Я стряхнула ее руку.

– Вообще-то не знаю. Похоже, их знают все остальные. Но я – нет.

– Выдавший себя – мертвец, – резко проговорила женщина. – Два выдавших – два мертвеца. Мы еще никогда так не дорожили каждым из нас, как пришлось это делать в последнее время. Мы не можем рисковать и выдавать остальных, особенно меня. К тому же ты справилась с ним сама, так, как я и представить не могла, – справилась с принцем, никак не меньше! Господи Иисусе, как ты это сделала? Кто ты? – Ее испытующий синий взгляд впился сначала в мой левый глаз, потом переключался к правому. – Сначала твои волосы обманули меня, но потом я поняла, что это ты, та девица из бара. Твоя кожа, глаза, то, как ты двигаешься – ох, ты просто вылитая Патрона! Но ты не родственница ей, в этом я уверена. Из какой линии О'Конноров ты производишь, девочка? Кто твоя мать? – настаивала старуха.

Я нетерпеливо замотала головой.

– Послушайте, старая леди, я еще тогда в баре сказала вам, что я *не* О'Коннор. Моя фамилия Лейн. МакКайла Лейн из Джорджии. Мою мать зовут Рейни Лейн, в девичестве она была Рейни Фрай. Теперь вы поняли? Жаль вас разочаровывать, но в моем генеалогическом древе нет ни одного О'Коннора.

– Значит, тебя удочерили, – спокойно ответила старушка.

Я задохнулась.

– Меня *не* удочеряли!

– Глупости! – Старушка была непреклонна. – Я не знаю, кто и почему это сделал, но ты несомненно О'Коннор.

– Ну и наглость! – воскликнула я. – Да как вы смеете бросаться на меня и заявлять такое, когда вы знать не знаете, кто я такая? Я МакКайла Лейн, родилась в больнице Христа, так же, как и моя сестра, и отец был рядом, когда мама меня рожала! Меня не удочеряли, и вы ничего не знаете ни обо мне, ни о моей семье!

– Похоже, – ответила старая леди, – это ты ничего о себе не знаешь.

Я уже открыла рот, но, подумав, молча закрыла, отвернулась от нее и зашагала прочь. Если я попробую дать ей отпор, старушка тут же получит лишнее доказательство своей правоты. Меня не удочеряли, этот факт не вызывал никаких сомнений, равно как и то, что старая леди была чокнутой.

– Куда ты идешь? – настаивала она. – Мне нужно многое о тебе узнать. Кто ты, можно ли тебе доверять, и *как*, во имя всего святого, в твои руки попал один из эльфийских артефактов? Когда я впервые увидела тебя там, в баре, я подумала, что ты при-йя, – в это непонятное слово она явно вкладывала множество значений, – из-за того, что ты смотрела на него не отрываясь, как помешанная. Ты должна пойти со мной. *Остановись немедленно, О'Коннор.*

Старуха произнесла последнюю фразу тоном, который

еще совсем недавно наверняка заставил бы меня застыть на месте, если бы я осталась той девочкой, для которой уважение к старшим было естественным, как воздух. Но я больше не была той девочкой. Честно говоря, я больше не была уверена, что эта девочка – Мак ДРЗ (до рокового звонка) – реально существовала, для меня она стала пустой милой смесью модной одежды, беззаботной музыки и детских мечтаний.

– Прекратите меня так называть, – бросила я через плечо.
– И держитесь от меня подальше, бабуся.

Я еще больше ускорила шаг, но не смогла обогнать ее последних слов, и, как только она произнесла их, я знала, что эта фраза долго будет мешать мне двигаться дальше, словно щепень, попавший в ботинок.

– Тогда спроси у нее, – прозвенел мне вслед голос старой дамы. – Если ты так уверена, что тебя не удочерили, Мак-Кайла *Лейн*, поговори со своей матерью и спроси ее об этом.

Какие планы на вечер? – спросила я у Бэрронса, как только он появился в магазине. Я прохаживалась вдоль окон фасада (все лампы, внутренние и внешние, были включены) и смотрела, как сгущается тьма за освещенным кругом.

Думаю, мой тон был немного натянутым, поскольку Иерихон вздернул бровь и внимательно посмотрел на меня.

– Что-то случилось, мисс Лейн?

– Нет. Ничего не случилось. Я просто хотела узнать, че-

го мне ожидать от этой ночи, – ответила я. – Будем грабить человека, который после этого выживет, или будем грабить того, кто после ограбления умрет?

Мой голос казался дрожащим даже мне самой, но я действительно хотела узнать, что еще к завтрашнему утру ляжет грузом на моей совести. С каждым днем мне все сложнее было смотреть в зеркало, поскольку я почти не узнавала женщину, глядевшую на меня оттуда.

Бэрронс медленно обошел вокруг меня.

– Вы уверены, что все в порядке, мисс Лейн? Вы выглядите немного напряженной.

Я крутилась вокруг своей оси, не упуская его из виду.

– Я просто не справилась сегодня с заданием, – ответила я.

Он нахмурился.

– Вы нашли что-нибудь в музее?

– Нет.

– Вы осмотрели всю экспозицию?

– Нет.

– Почему же?

– Мне не хотелось, – ответила я.

– Вам не хотелось? – На несколько секунд он, казалось, был совершенно сбит с толку, словно Бэрронсу и в голову не могло прийти, что кто-то осмелится послушаться его приказа лишь потому, что ему не хотелось чего-то делать. Судя по всему, это было для Иерихона столь же невероятным, как и возможность жизни на Марсе.

– Я не ломовая лошадь, – сказала я ему. – И у меня тоже есть своя жизнь. Раньше, по крайней мере, была. Раньше я прекрасно проводила время, занимаясь совершенно нормальными вещами. Я назначала свидания, ходила в кафе, в кино, на прогулки с друзьями и даже не думала ни о каких вампирах, гангстерах и монстрах. Так что нечего устраивать мне нагоняи за то, что я не отвечаю твоим высоким стандартам. Я же не даю тебе заданий? Даже ОС-детектор должен иногда отдыхать. – Я смерила Иерихона уничижительным взглядом. – Тебе вообще повезло, что я согласилась помогать тебе, Бэрронс.

Он зашагал ко мне и не остановился до тех пор, пока меня не обдало жаром его большого, крепкого тела. До тех пор пока мне не пришлось запрокинуть голову, чтобы взглянуть ему в лицо, а когда я это сделала, я буквально растворилась в его бездонных темных глазах, меня зачаровала его бархатная золотистая кожа, сексуальный изгиб его губ – нижняя была пухлой, выдавая чувственность, верхняя была четко очерченной, говоря о самоконтроле и даже жестокости. Я подумала о том, каково это – прикоснуться к этим...

Фу-у-у! Я замотала головой, сбрасывая наваждение. После двух встреч с В'лейном я прекрасно сознавала, что чары эльфов, чья сила – убивать с помощью секса, порождают в женщине гормональный взрыв и она не успокоится, пока каким-нибудь образом не реализует свое желание. То, что В'лейн сотворил со мной сегодня, оставило меня настолько

отвратительно, невероятно возбужденной, что лишь казавшееся раньше невозможным количество оргазмов и продолжительный ледяной душ успокоили меня. Однако выяснилось, что я недостаточно поработала над решением этой проблемы, поскольку стояла и размышляла, каково это – целоваться с Иерихоном Бэрронсом.

К счастью, он открыл рот, показавшийся мне невероятно сексуальным, и заговорил. Даже первых слов хватило, чтобы подобные мысли напрочь вылетели из моей головы.

– Вы все еще думаете, что сможете отстраниться от этого, мисс Лейн? – холодно поинтересовался Бэрронс. – Думаете, что дело лишь в том, чтобы найти книгу, а вместе с ней – и убийцу вашей сестры? На самом же деле ваш мир на всех парах несется в ад и вы являетесь одной из тех немногих, кто может этому помешать. Если «Синсар Дабх» попадет не в те руки, это не только уничтожит ваш радужный мир аккуратного маникюра, вы станете свидетелем того, как человеческая цивилизация будет разрушена до основания. Как вы думаете, сколько вы проживете, если Темная Книга попадет в руки Мэллиса или одного из тех Невидимых, что рассылают повсюду своих сторожевых Носорогов? И сколько вы захотите прожить? Это не шутка и не игра, мисс Лейн. Речь идет даже не о жизни и смерти. Речь идет о вещах, которые гораздо хуже смерти.

– Ты думаешь, что я этого не знаю? – резко вскинулась я. Может, я и не говорила вслух о том, что он только что рас-

сказал, но я не раз думала об этом. И знала, что случившееся со мной и моим маленьким миром на самом деле – часть куда большей и куда более страшной картины. Я ела картошку фри с кетчупом, глядя, как Серый Человек убивает беззащитную женщину, и с того дня я каждый вечер думала о том, кто стал его следующей жертвой. Я близко столкнулась с Многооротой Тварью и знала, что она все еще бродит где-то, пожирая людей. Я думала о том, что бы я увидела, если бы перепрыгнула во времени на два года назад, каким я увидела бы Дублин. Я знала, еще до разговора с Бэрронсом, что произошло в ныне заброшенном квартале. Знала, что где-то там затрещал один из фонарей, доживая последние секунды, и это стало финальным аккордом нормальной жизни. В тот же миг Тени вырвались на свободу, а на следующий день, по словам Бэрронса, весь город даже не вспомнил, что когда-то этот район был его частью.

Подобные мысли не просто занимали мое сознание, они приходили ко мне в кошмарах. Прошлой ночью мне приснилось, что я лечу над Дублином и вижу, что в нем погасли все огни, за исключением тех, что горели по периметру одного-единственного здания в центре города. Как часто бывает в сюрреалистических снах, я одновременно смотрела на город сверху и выглядывала наружу из дверей магазина. Я знала, что поскольку весь Дублин захвачен тьмой, то даже если я выйду из здания с первыми лучами солнца, я не доберусь к другому источнику света до наступления темноты.

Я знала, что до конца своей жизни застряла в «Книгах и сувенирах Бэрронса».

И я проснулась, думая о пророческих снах и апокалипсисе, вместо того чтобы, как раньше, радоваться новому дню и размышлять, что я сегодня съем и какую прелестную штучку надену.

О да, я знала, что есть вещи, которые гораздо хуже смерти. Например – продолжать жить после того, как была убита любимая сестра. И каждый день наблюдать, как все, что ты знала о себе и о мире, превращается в одну большую кучу лжи. Однако вся эта картина в общем не была моей проблемой. Я приехала в Дублин, чтобы найти убийцу Алины, воздать ему по заслугам, насколько это будет возможно, и отправиться домой. Именно этим я до сих пор и планировала заняться. О'Баннион больше не представлял угрозы, и у меня был шанс ускользнуть от Мэллиса. Возможно, Бэрронс сможет защитить город от эльфов. Возможно, Королева – если хоть что-то из сказанного В'лейном правда, – без моей помощи найдет Темную Книгу и загонит Невидимых обратно в их тюрьму, а наш мир снова придет в норму. Было множество вариантов развития событий, которые не требовали моего присутствия. Возможно, после моего отъезда злые силы, которые охотятся за «Ши-саду», сами уничтожат друг друга. В общем, было много возможностей решить эту проблему, и ни одна из них не требовала моего участия. Меня тошнило от этого места. Я хотела выбраться отсюда прежде, чем

очередное искажение реальности схватит меня за уши, чтобы больше не отпустить.

– Тогда что же случилось с вашим отношением к делу, – поинтересовался Бэрронс, – и почему вы не закончили задание с музеем?

– У меня сегодня плохой день, ясно? – холодно сказала я, хотя внутри у меня бушевал вулкан, готовый в любой момент начать извержение. – С каждым может случиться, не так ли?

Бэрронс долго смотрел на меня, изучая выражение моего лица, потом пожал плечами.

– Хорошо. Закончите работу завтра.

Я закатила глаза.

– Так чем мне предстоит заниматься сегодня?

Он наградил меня тусклой улыбкой.

– Сегодня ночью, мисс Лейн, вы будете учиться убивать.

Я знаю, что вам интересно, мне и самой было интересно – решусь ли я позвонить маме?

Но я не была настолько глупой и эгоистичной. Мама не оправилась от потрясения после смерти Алины, и я не собиралась расстраивать ее еще больше.

Однако у меня до сих пор не было доказательств, что старая ведьма ошибается. Так что после того как я покинула музей и сходила в магазин за фонариками, я, никуда не сворачивая, вернулась в «Книги и сувениры Бэрронса» и позвонила в больницу, в которой появилась на свет, чтобы с чи-

стой совестью отгородиться от дальнейших глупых нападок старой карги.

У маленьких городов есть одна великолепная особенность — люди в них гораздо охотнее протягивают руку помощи, чем это случается в больших городах. Возможно, так происходит потому, что человек на другом конце телефонной линии мог играть с их детьми в софтбол по вторникам, или ходил с ними по средам в боулинг, или встречался им на одном из множества церковных пикников и фестивалей.

Пару дюжин раз меня переключали с линии на линию и просили подождать несколько минут, но я все же добилась связи с дежурной Регистрационного бюро Евгенией Пэнси Бэлл, и она оказалась настолько милой, насколько это вообще возможно. Мы поболтали с ней несколько минут, и я выяснила, что ходила в школу вместе с ее племянницей, Чандрой Бэлл.

Я объяснила, что мне нужно, и она ответила, что да, они сохраняют все бумаги и электронные документы обо всех детях, родившихся в больнице. Я спросила, может ли она найти данные обо мне и зачитать их по телефону. Она ответила, что очень сожалеет, но это запрещено правилами, однако, если я сообщу информацию, подтверждающую мою личность, Евгения сможет внести ее в компьютер, распечатать документы и прислать мне вечерней почтой.

Я продиктовала ей адрес Бэрронса и собралась повесить трубку, однако внезапно Евгения попросила меня подождать

минутку. Я сидела, сжимая телефонную трубку и слушая быстрый стук пальцев по клавиатуре. Евгения попросила меня повторить нужную информацию, я сделала это. С каждым мгновением во мне рос страх. Потом она попросила меня подождать еще немного, поскольку она собирается проверить оригиналы документов. Ждать пришлось долго, и я тихо порадовалась тому факту, что счет за разговор придет не мне.

Когда Евгения вернулась, она сообщила, что – чего я, собственно, и боялась – она не может этого объяснить, ведь она всегда считала, что их архивы содержат полный отчет о работе родильного отделения, но нужной мне информации у них нет. База данных с начала девяностых велась только Евгенией, и женщина была уверена, что никто, кроме нее, не мог получить доступ к документам.

И ей жаль, что она ничем не может мне помочь, но в базе нет никаких записей, ни бумажных, ни электронных, о том, что МакКайла Лейн родилась в больнице Христа двадцать два года назад. И нет, ответила Евгения после того, как я на нее надавила, записи об Алине Лейн, появившейся на свет двадцать четыре года назад, тоже отсутствуют. За последние пятьдесят лет в этой больнице не рождался никто по фамилии Лейн.

Мы не могли найти ни одного Невидимого.

Мы бродили по улицам, посещали паб за пабом, но никто из них нам так и не встретился.

Я шагала, вооружившись копьем, способным убить любого эльфа, пребывая в самом отвратном расположении духа и думая о том, что как только я прибую одного из тех монстров, что испортили мне жизнь, мое настроение сразу улучшится.

Не то чтобы я была совершенно уверена, что смогу убить одного из них. О, я знала, что моя голова выдержит это испытание. Но вот как поведет себя тело, оставалось пока загадкой. Я была уверена, что чувствую то же самое, что чувствует парень перед первой серьезной дракой – размышляет, способен ли он сбить с ног противника, или же опозорится, размахивая руками, как девчонка, или же, что хуже всего, вообще промахнется.

– Именно поэтому я сегодня пошел с вами, – сказал Бэрронс, когда я сообщила ему о своих сомнениях. – Если вы промахнетесь или что-то пойдет не так, я помогу вам справиться с ситуацией. Это куда лучше, чем просто отправить вас на первое убийство и позволить погибнуть самой.

Я и не знала, насколько пророческими окажутся его слова.

– Стараешься изо всех сил, защищая свои инвестиции, а?

– сухо поинтересовалась я, когда мы выходили из очередного паба, заполненного людьми, а не монстрами. Сарказм сарказмом, однако я была рада, что он готов защищать меня, когда мне понадобится защита. Я могла не доверять Бэрронсу, но я уважала и доверяла его способности «справляться с ситуацией».

– Ну и как мне придется это делать? – спросила я. – Есть какие-то особые приемы?

– Просто заморозьте его и проткните копьем. Но действуйте быстро, мисс Лейн. Если эльф перенесется с вами в другое место, я не смогу вас спасти.

– А есть какая-то определенная часть тела, в которую следует вогнать копье? Учитывая, конечно, что анатомия монстра хоть отчасти будет напоминать человеческую.

Я думала о том, похожи ли они на вампиров. Обязательно ли нужно попасть в сердце?

– Достаточно будет попасть в живот.

Я посмотрела на свою лавандовую юбку и короткую, алую с цветочным рисунком, блузку. С темными волосами эти вещи сочетались великолепно.

– Из них течет кровь?

– Из некоторых. Кстати говоря, мисс Лейн, – Бэрронс одарил меня быстрой, недоброй улыбкой, которая вовсе не была приятной, и я сразу же поняла, что, какой бы Невидимый нам ни встретился, со своей одеждой я могу попрощаться, – попробуйте в следующий раз одеться в черное. Хотя мы, ко-

нечно же, всегда сможем отмыть вас при помощи пожарного шланга за гаражом.

Я сердито нахмурилась, и мы вошли в четырнадцатый по счету паб.

– А не могут они просто рассыпаться в прах?

Разве не это должно произойти с монстром после его смерти? Дезинтеграция, после которой остается лишь кучка праха, которую развеивает ветер?

– Рассыпаться, мисс Лейн?

В баре, в который мы только что вошли, играл живой оркестр и народу было просто битком. Я пристроилась за широкой спиной Бэрронса, который без проблем пробивался сквозь толпу.

– Ну, знаешь, исчезнуть. Не оставив ничего, что потребует уборки и объяснений миру, откуда взялись эти странные останки.

Бэрронс обернулся, удивленно приподняв бровь.

– Откуда вы берете эти идеи?

Я пожала плечами.

– Книги и фильмы. Протыкаешь вампира колом, он рассыпается в пыль и исчезает.

– Да неужели? – Иерихон фыркнул. – Жизнь не настолько удобна. В реальном мире остается гораздо больше мусора.

Когда мы подошли к бару в центре паба, Бэрронс обернулся через плечо и бросил:

– И не вздумайте опробовать этот метод на настоящем

вампира, мисс Лейн. Вы будете крайне разочарованы. В буквальном смысле – до смерти.

– А как тогда можно убить вампира? – обратилась я к его широкой спине.

– Хороший вопрос.

Типичный ответ Бэрронса – вообще не ответ. В ближайшие дни я твердо намеревалась загнать его в угол и не выпускать до тех пор, пока он не ответит на все интересующие меня вопросы. Но для этого нужно выбрать день, когда меня не будут занимать другие вопросы... Я помотала головой и принялась разглядывать людей, окружавших меня. Я всматривалась в лица, внимательно наблюдая, не начнет ли одно из них плавиться, словно горячий воск, открывая истинное обличье монстра.

В этот раз я не была разочарована. Бэрронс увидел его одновременно со мной и тихо сказал:

– У камина.

Я нахмурилась и сжала руки в кулаки. О да, этого я убью с удовольствием. И он перестанет являться мне в кошмарах.

– Вижу, – сказала я. – И что мне теперь делать?

– Ждать, пока он не уйдет. Нам не стоит драться на публике. Как только он умрет, его чары развеются. И весь бар сможет увидеть его истинную сущность.

– А может, всему бару и нужно увидеть его истинную сущность? – спросила я. – Может, им стоит узнать, что происходит на самом деле?

Бэрронс смерил меня взглядом.

– Зачем? Чтобы они боялись того, против чего абсолютно бессильны? Чтобы их мучили кошмары о приближающихся монстрах, которых они даже не способны узнать? Люди в этой борьбе беспомощны.

Я прижала руку ко рту и попыталась убедить ужин, состоявший из приготовленного в микроволновке попкорна, в том, что он движется в неправильном направлении. Было такое чувство, словно я проглотила попкорн в пакетике, после чего взялась за его приготовление, и он благополучно взорвался.

– Я не могу стоять здесь и просто смотреть на это, – сказала я. Я не знала, вызван ли приступ моей тошноты реакцией на Невидимого, или же видом его жертвы.

– Все почти закончилось, мисс Лейн. Если вы сами не заметили, он скоро прекратит.

О, я заметила. В тот самый момент, когда увидела Серого Человека и его жертву. У женщины, которую пожирал гниющий трехметровый монстр, была великолепная костная структура. Модельная, можно сказать: именно этим отличается просто хорошенькое лицо от той качественной красоты, за которой охотятся агентства. Что касается меня, то у меня просто хорошенькое лицо. А эта женщина когда-то была невероятно красивой.

А теперь от нее остались только эти великолепной структуры кости, обтянутые тонким слоем мертвенно-бледной,

обвисшей кожи. И эти пока что живые мощи продолжали с восторгом смотреть на гниющего Невидимого. Даже отсюда мне было видно, что желтые белки ее глаз покрыты кровавыми точками разорвавшихся капилляров. Я не сомневалась в том, что когда-то ее зубы можно было назвать жемчужными, теперь же они были серыми и выглядели хрупкими, крошащимися. Небольшая, ужасного вида, заполненная гноем ранка расцвела в уголке ее рта, еще одна зарождалась на лбу.

Когда женщина откинула голову назад, флиртуя и улыбаясь своему убийце – для нее он был прекрасным блондином, – две пряди ее волос упали на пол, прямо на ноги стоявшему за ней мужчине. Тот посмотрел вниз, увидел кусочки скальпа с волосами, попавшие ему на ботинок, и, содрогнувшись, пинком сбросил их на пол. Потом взглянул на жертву Серого Человека, схватил свою подружку за руку и потащил ее прочь сквозь толпу, словно боялся заразиться бубонной чумой. Я отвернулась. Я не могла на это смотреть.

– Я думала, он просто делает их уродливыми. Думала, он не заедает их до смерти.

– Обычно так и происходит.

– Он убивает ее, Бэрронс! Мы должны его остановить! – Даже я слышала, как нарастает истерия в моем голосе.

Иерихон схватил меня за плечи и встряхнул. От его прикосновения меня словно молнией ударило.

– Успокойтесь, мисс Лейн! Слишком поздно. Мы уже ничем не можем ей помочь. У этой женщины нет ни малей-

шего шанса оправиться от того урона, который он ей нанес. Она умрет. Вопрос лишь в том – когда. Сегодня от Серого Человека, завтра от собственных рук или через несколько недель от нескольких смертельных болезней, которые доктора не смогут ни диагностировать, ни излечить известными науке способами.

Я уставилась на Бэрронса.

– Ты разыгрываешь меня? Хочешь сказать, что даже если жертва пытается продлить жизнь, несмотря на нанесенный ей вред, она все равно умрет через некоторое время?

– Если Серый Человек заходит так далеко, то – да. Но обычно он этого не делает. Он оставляет своих жертв в живых, чтобы иметь возможность наблюдать за ними и долгое время наслаждаться их болью. Однако случается и так, что он находит настолько красивую жертву, что не в силах перенести ее существование, и тогда он убивает ее. Что ж, во всяком случае, ей не придется смотреть на себя в зеркало. Ей не придется долго страдать.

– И это что, должно быть утешением?! – воскликнула я. – То, что ей недолго осталось?

– Вы недооцениваете быстротечность, мисс Лейн. – Его взгляд стал ледяным, улыбка тоже. – Сколько вам лет, двадцать один, двадцать два?

Сзади раздался звон бьющегося стекла, а после – глухой удар чего-то тяжелого и мягкого об пол и многочисленные вскрики. Бэрронс взглянул в ту сторону, через мое плечо.

Его ледяная улыбка померкла.

– О Боже, она что, мертва?! – закричал женский голос.

– Похоже, ее лицо разлагается! – с отвращением воскликнул мужской.

– Сейчас, мисс Лейн, – приказал Бэрронс. – Он уходит. Направляется к дверям. Идите за ним. Я вас прикрою.

Я попыталась взглянуть через плечо. Я не знала, хочется ли мне убедиться, что страдания женщины окончились, или меня подталкивал общечеловеческий инстинкт смотреть на умерших, который объяснял традиции погребения, не говоря уже обо всех тех зеваках, что останавливаются у каждой автокатастрофы в Атланте. Но Бэрронс схватил меня за подбородок и заставил взглянуть ему в глаза.

– Не стоит, – рыкнул он. – Это зрелище затуманит ваш мозг. Просто убейте ублюдка, который это сделал.

Это действительно был хороший совет. Мы вышли из паба.

Я следовала за Серым Человеком, Бэрронс шел сзади, шагах в десяти от меня. Когда я в последний раз встречалась с этим Невидимым, у меня были длинные светлые волосы. Я сомневалась, что он узнает меня в моем новом обличье. И он не знал, что я ши-видящая, что я Нуль, что у меня есть копье, так что мои шансы убить его довольно высоки, если мне удастся подобраться поближе.

Однако подобраться поближе было проблемой. Нечеловечески высокий, монстр был еще и нечеловечески быстрым. Я

ускорила шаг, чтобы не потерять его из виду. Мне придется бежать за ним, если я намереваюсь его поймать. А проткнуть врага наконечником копья, при этом следуя за ним галопом, довольно сложная задача. Плюс ко всему я была на каблуках.

– Он уходит, мисс Лейн, – зарычал позади меня Бэрронс.

– Думаешь, я этого не знаю? – выдохнула я. Серый Человек был уже в половине квартала от меня и, похоже, задействовал свои отпугивающие чары, поскольку пешеходы теперь обтекали его с двух сторон, оставляя широкий пустой проход там, где пролегал его путь. Внезапно я поняла, что на тротуаре практически пусто и чудовище может легко заметить мои попытки догнать его. Плохо. Вряд ли я смогу остаться незамеченной, следуя за ним по пустынной улице. Я собралась рвануться вперед, чтобы хотя бы не упустить его.

И тут он остановился. Повернулся. И посмотрел прямо на меня.

Я застыла. Я не понимала, как он догадался, но не сомневалась, что ему все известно и он знает, что я знаю... В общем, больше не было смысла прятаться.

– Проклятье! – услышала я тихую ругань Бэрронса, сопровождавшуюся скрипом металла о камень и шелестом ткани. После чего у меня за спиной стало тихо.

Мы смотрели друг на друга, Серый Человек и я. А потом он улыбнулся своим отвратительным ртом, занимавшим половину длинного лица.

– Я вижу тебя, ши-видящая, – сказал он. Его смех был

похож на шелест стаи тараканов, ползающих в куче сухой листвы. — Я видел тебя в баре. Как ты хочешь умереть? — Он снова рассмеялся. — Медленно или еще медленнее?

Я жалела, что не выяснила у Бэрронса значения того подозрительного слова, которое произнесла сегодня старая женщина, и решила полагаться на собственную интуицию. Я была почти уверена, что правильно поняла его значение по контексту разговора, но правильность моих догадок можно было проверить только на практике. Я облизнула губы, заморгала и, молясь о том, чтобы не ошибиться, срывающимся голосом сказала:

— Как пожелаете, Хозяин. Я — *при-йа*.

Серый Человек с шипением втянул воздух через свои акулы зубы, торчащие из безгубого рта. Насмешливое изумление в его черных глазах сменилось внезапным интересом, который явно имел сексуальную подоплеку с уклоном в смертоносный садизм, что напугало меня до мозга костей.

Я прикусила язык, чтобы не выдать своего отвращения. Я оказалась права. «При-йа» означало нечто вроде «эльфов-зависимая» или «шлюха для эльфов». Я решила спросить у Бэрронса об истинном значении этого слова, когда все закончится. А сейчас мне нужно подобраться как можно ближе к монстру. Серый Человек мог как-то догадаться, что я вижу его, но не мог знать, что я Нуль и что у меня есть оружие, способное его уничтожить.

Ясно было, что он жаждет того, что я якобы предлагаю

ему, и жаждет этого настолько, что слепо верит мне. Это было его слабостью, поняла я, его ахиллесовой пятой. Он мог красть красоту, мог чарами заставить любую, даже самую красивую женщину желать его, но никто и никогда не захочет его, когда он в своем истинном обличье. И он прекрасно это знал.

Исключением, скорее всего, являлись только при-йи. Женщины, которые были зациклены на эльфах, ослеплены эльфами и были шлюхами для каждого встреченного Видимого или Невидимого. Эта болезненная приверженность была самым близким к настоящему чувству заменителем, который мог получить этот монстр.

Серый Человек потерял свои гниющие ладони и облизнулся. Что ж, в отличие от Многоротой Твари у него был лишь один рот для этого отвратительного действия.

– На колени, при-йа, – сказал он.

Ну что за пунктик у эльфов по поводу коленопреклоненных женщин? У них бзик на чужом благоговении? Я изобразила улыбку, скопировала туповато-уступчивое выражение лица, виденное мною у готских девушек на вечеринке Мэл-лиса, и опустилась на тротуар, голыми коленями на холодный камень. Я больше не слышала ни Бэрронса, ни кого-либо другого у себя за спиной. Я не знала, куда вдруг подевались все люди. Похоже, по части отпугивания чары Серого Человека не уступали чарам В'лейна.

Моя сумочка была раскрыта, руки наготове. Если Се-

рый Человек простоит замороженным хотя бы половину того времени, на которое мне удалось обездвигить Многоротую Тварь, то я вполне успею его убить. Как только он приблизится, я его уничтожу.

Это могло сработать, это должно было сработать, но я допустила роковую ошибку. Ну что я могу сказать? Это был мой дебют. И мои ожидания никак не соответствовали реальному положению вещей. Серый Человек шел по улице, и я ожидала, что приближаться ко мне он тоже будет пешком.

Но он не стал этого делать.

Он телепортировался.

И схватил меня когтистой рукой за волосы прежде, чем я поняла, что происходит. Невероятно сильный, он вздернул меня в воздух, приподнимая над землей, стиснув серые пальцы на моем несчастном скальпе.

К счастью, мои инстинкты ши-видящей не подвели. Я обеими руками ударила его в грудь, когда он поднял меня.

К несчастью, он именно так и застыл, вцепившись в мои волосы и оставив болтаться в воздухе. Критически важный факт: руки у меня нормальной, человеческой длины. Мое копье находилось в сумочке. Моя сумочка стояла на тротуаре, в тридцати сантиметрах над которым болтались мои пятки.

– Бэрронс, – отчаянно зашипела я, – где ты?

– Невероятно, – раздался холодный голос откуда-то сверху. – Я предвидел множество вариантов развития событий, но перед таким моя фантазия оказалась бессильна.

Я попыталась взглянуть вверх, но остановилась из-за сильной боли и вместо этого подняла руки к голове. Что Иерихон делал на крыше? И как он умудрился туда забраться? Я не могла припомнить, чтобы по пути мне попадались на глаза пожарные лестницы. А ведь это двухэтажное здание!

– Быстрее, мне больно! – вскрикнула я.

Я знала, что мое везение заключалось в том, что Бэрронс пошел со мной. Попади я в такую переделку в одиночку, и мне пришлось бы лишиться половины скальпа, чтобы вырваться, а я не уверена, что мне удалось бы это сделать. У меня очень прочные волосы, а тварь основательно в них вцепилась.

– Ну быстрее же! Подай мне сумочку! Я не знаю, сколько еще он так простоит!

Бэрронс спрыгнул на тротуар прямо передо мной, его подошвы лишь слабо стукнули о камень, длинный черный плащ взвился, словно крылья.

– Возможно, вам стоило бы подумать об этом до того, как вы его обездвигили, мисс Лейн, – холодно ответил Иерихон.

Я висела на такой высоте, что наши глаза оказались на одном уровне. Вскинутыми к голове руками я вцепилась в замершую руку Серого Человека, чтобы хоть как-то уменьшить натяжение волос.

– А нельзя ли поговорить об этом после того, как ты сможешь мне спуститься? – сквозь стиснутые зубы поинтересовалась я.

Бэрронс скрестил руки на груди.

– У вас не было бы никакого после, если бы я не оказался здесь, чтобы спасти вас. Давайте поговорим о том, где вы допустили ошибку.

Это не было вопросом, но я попыталась ответить:

– Я бы предпочла поговорить об этом в другое время.

– Первое: вы не ожидали, что он переместится в пространстве, и не были готовы к этому. Ваше копье было у вас при себе. Вы должны были быть готовы использовать свое оружие против Серого Человека.

– Ладно, я облажалась. А теперь можно мне получить мою сумочку?

– Второе: вы выпустили оружие из рук. Никогда не выпускайте оружия. Мне все равно, как вы это сделаете, можете носить мешковатую одежду и прятать копье на теле. *Никогда* не расставайтесь с оружием.

Я кивнула... Ну, попробовала кивнуть. Я не могла настолько свободно двигать головой.

– Поняла. С первого раза. А теперь можно мне получить мою сумочку?

– Третье: вы не подумали, прежде чем действовать. Вашим единственным преимуществом в битве один на один с эльфом было лишь то, что вы Нуль. К сожалению, результат этого мы сейчас и наблюдаем.

Иерихон поднял мою сумочку – *наконец-то* поднял ее с тротуара, – и я обеими руками потянулась за ней, но он дер-

жал ее вне пределов досягаемости. Я снова вцепилась в руку Серого Человека. Мне ярко светила головная боль размером с Техас. Я попыталась ударить Бэрронса ногой, но он легко отступил в сторону. У Иерихона Бэрронса была настолько безупречная реакция, что мне доводилось видеть подобное лишь у профессиональных атлетов. Или у животных.

– *Никогда* не замораживайте эльфов, мисс Лейн, пока абсолютно, стопроцентно не будете уверены, что сможете убить их прежде, чем они обретут способность двигаться. Поскольку этот, – Иерихон постучал по жесткой шкуре Невидимого прямо над моей головой, – находится в сознании и, как только пройдет заморозка, сразу перенесется вместе с вами. Вы исчезнете прежде, чем ваш мозг сможет осознать, что разморозка началась. Все зависит от того, куда он заберет вас – вы можете очутиться в окружении десятков ему подобных, и вы окажетесь там, а ваше копьё останется здесь, и я не буду знать, откуда начинать поиски...

– О, ради всего святого, Бэрронс! – завопила я, дергаясь в воздухе. – Хватит уже! Ты не мог бы просто заткнуться и передать мне сумочку?

Бэрронс взглянул на копьё, которое наполовину торчало из моей сумочки, и снял комок фольги, надетый на острый конец лезвия. Потом подался вперед и заглянул мне в глаза. Когда он оказался так близко, я поняла, что в этот раз он не на шутку взбешен. Уголки рта и края ноздрей побелели, в темных глазах полыхала ярость.

– Никогда больше не расставайтесь с копьём. Вы поняли меня, мисс Лейн? Вы будете есть с ним, принимать душ с ним, спать с ним и трахаться с ним.

Я открыла рот, чтобы сказать, что мне не только не с кем заниматься упомянутым последним пунктом, но я и не использую этого слова для обозначения процесса и мне не нравится, что он произносит это слово, но тут мой угол зрения внезапно сместился.

Я не знаю, шевельнулся ли Серый Человек до того, как Бэрронс вонзил наконечник копья ему в живот, или после, но что-то мокрое внезапно обдало меня с головы до пят, а мои волосы вдруг оказались на свободе. Я упала на колени, и перед глазами возникло *очень много тротуара*.

Серый Человек рухнул рядом со мной. Я тут же начала отползать от него, все еще на четвереньках. Из глубокой раны на его животе лилась та же серо-зеленая жидкость, которой были перепачканы моя блузка, юбка и голые ноги. Невидимый перевел взгляд с Бэрронса на наконечник копья – снова наполовину торчащий из того, что *было* моей любимой сумочкой и могло бы ею остаться, если бы не текущая через край слизистая дрянь, – и глаза монстра светились недоверием, ненавистью, яростью.

Думаю, ярость относилась к Бэрронсу, однако последние слова были обращены ко мне:

– Гроссмейстер вернулся, ты, глупая сучка, и он сделает с тобой то же, что сделал с последней маленькой ши-видящей.

И ты *пожалеешь*, что не умерла от моих рук. Ты будешь молить о смерти точно так же, как умоляла она.

Спустя несколько секунд, когда Бэрронс отдал мне сумочку, я, хоть и знала, что Серый Человек уже мертв, все равно достала наконечник копья и вогнала его в тело эльфа.

Спустя год с того дня, когда я села на рейс в Дублин, намереваясь найти убийцу моей сестры и заставить его заплатить за содеянное, я поняла, что из того, о чем люди умалчивают, можно добыть не меньше информации, чем из того, о чем они говорят.

Недостаточно прислушиваться только к словам. Нужно помнить, что молчание тоже имеет свое значение. Обычно оно заключается во лжи, которую мы отказываемся произносить, и в правде, которую мы не способны произнести.

В ту ночь Бэрронс избавился от тела Серого Человека – и я не стала спрашивать, как он это сделал. Я просто вернулась в магазин, приняла самый продолжительный и горячий душ в своей жизни и трижды промыла волосы. Да, я взяла копье с собой в душ. Я усвоила урок.

На следующий день я закончила проверку музея. Без происшествий. Не было В'лейна, не было старой леди, и не было ни одного ОС во всем здании.

Впервые с того времени, как я поселилась в магазине, Бэрронс не ночевал в нем. Думаю, он выскользнул из здания, пока я сидела наверху, отвечая на сообщения по ноутбуку. Бы-

ла суббота, и я подумала о том, может ли у Иерихона быть назначено свидание с кем-то. Я не могла себе представить, что такой человек станет заниматься обычным рутинным кино-и-ужином. Потом поразмыслила над тем, с какого типа женщиной он может проводить время, и вспомнила о той, которую видела в «Каса Бланке». Из чистой скуки я представила, как Бэрронс занимается сексом, но когда его партнерша начала все сильнее и сильнее походить на меня, я решила, что есть более умные способы провести время.

Весь вечер я в одиночестве смотрела старые фильмы по маленькому телевизору, который Фиона держала за кассой книжного магазина, и пыталась не поворачивать голову в сторону телефона и не задумываться.

В воскресенье утром я почувствовала, что больше так не могу. Я осталась в одиночестве, со множеством вопросов, которые некому было задать. И я сделала то, чего поклялась не делать.

Я позвонила домой.

Ответил папа, как, впрочем, каждый раз с тех пор, как я уехала в Ирландию. Я весело сказала «привет», устроилась на привычном диванчике в зоне отдыха, скрестила ноги и начала накручивать телефонный шнур на палец.

– Как дела?

Несколько минут мы бездумно проболтали о том, какая погода в Джорджии, а какая в Дублине, потом начали сравнивать и оценивать еду в Джорджии с едой в Дублине, за-

тем перешли к язвительным бессвязным комментариям по поводу влияния ежегодных дождей на характер. Как только я подумала, что отец исчерпал весь запас банальностей и мы можем перейти к серьезному разговору, папа начал распространяться на одну из своих любимых тем, на которые он мог потратить не один час: о постоянном колебании цен на бензин в Америке и о роли президента в текущей экономической неразберихе.

Я чуть не расплакалась.

Неужели мы можем только это – вести вежливый разговор, словно незнакомые люди? Двадцать два года этот человек был моим опорным камнем, он целовал мои разбитые коленки, он тренировал меня в Младшей лиге, он делил со мной увлечение спортивными машинами, он был моим учителем, и – хоть я и знала, что амбиции мне не присущи, в отличие от Алины, – я надеялась, что он все же считает меня своей гордостью и радостью. Он потерял дочь, я потеряла сестру, неужели же мы не можем как-то помочь друг другу?

Я крутила телефонный шнур, надеясь, что папа скоро выдохнется, но этого не происходило, а я не могла больше ждать. Я уже не рассчитывала, что смогу получить ответ на свой вопрос.

– Пап, я могу поговорить с мамой? – прервала я его монолог.

И услышала все те же слова: мама спит и он не хочет ее будить, поскольку она так редко делает это, бесцельно сло-

няясь по дому. Она принимает множество таблеток, и доктор говорит, что только продолжительный отдых поставит ее на ноги. Папа хочет, чтобы его жена пришла в норму. Неужели я не хочу, чтобы моя мама поправилась? Так что нам обоим стоит дать ей возможность отдохнуть.

– Мне необходимо поговорить с мамой, – настаивала я.

Но это его не расшевелило. Думаю, свое упрямство я унаследовала от отца. Мы оба начинали рыть землю копытом и пускать пар из ноздрей, если кто-то пытался нас заставить.

– С ней случилось что-то, о чем ты мне не говоришь? – спросила я.

Он вздохнул, и это был настолько грустный, выстраданный звук, что я почти увидела его, постаревшего как минимум на десять лет за те две недели, что меня не было дома.

– Мама немного не в себе от горя, Мак. Она винит себя в том, что случилось с Алиной, и не хочет слушать никаких увещаний, – сказал он.

– Как она может винить себя в смерти Алины?! – закричала я.

– В первую очередь она ставит себе в вину то, что отпустила ее в Ирландию, – устало ответил отец, и я поняла, что он много раз говорил с мамой на эту тему, но результата не добился. Возможно, упрямство я унаследовала с обеих сторон. Мама тоже умеет бить копытом.

– Но это же смешно. Это все равно, что вызвать такси и, если оно попадет в аварию, считать себя причиной катастро-

фы. Ведь такси вызывали не вы. Ты не мог знать, что что-то пойдет не так, и мама тоже.

– Однако нас предупреждали об этом, – сказал отец так тихо, что я почти не расслышала этих слов, а потом решила, что ослышалась.

– Что? – переспросила я. – Что ты только что произнес? Кто-то советовал вам не отпускать Алину в Ирландию? Ох папа, люди всегда полны предрассудков и предубеждений. Все пророки, когда событие уже произошло. И не стоит их слушать!

Хоть я и любила Ашфорд, но прекрасно представляла себе его наиболее шумных и наименее воспитанных обитателей, которые приходят в магазин за продуктами и, увидев маму и папу, начинают отнюдь не тихо говорить вещи такого вот рода: «Ну а чего они, собственно, ожидали, отпуская дочь за тысячи миль от дома одну-одинешеньку?»

Словно подтверждая мои мысли, папа сказал:

– Какие родители могут отпустить свою дочь одну-одинешеньку за тысячи миль от дома?

– Любые родители отпускают своего ребенка учиться за границу, – возразила я. – Вам не в чем себя винить.

– А теперь и ты тоже уехала. Возвращайся домой, Мак. Разве тебе здесь не нравилось? Разве тебе плохо с нами? Мы всегда думали, что вы с сестрой счастливы дома, – сказал он.

– Мы и были счастливы! – воскликнула я. – Я была счастлива! А потом Алину убили!

Повисла тяжелая тишина, и я больше всего жалела, что не смогла держать на замке свой большой болтливый рот. А потом папа сказал:

– Забудь об этом, Мак. Просто забудь. Нужно жить дальше.

– Что? – Я застыла. Как он может такое говорить?

– Ты хочешь сказать, чтобы я возвращалась домой, оставив монстра, который сделал это с Алиной, гулять на свободе? Позволила ему бродить где вздумается и убивать еще чьих-нибудь дочерей?

– Да *клал* я *большую вонючую кучу* на чужих дочерей!

Я вздрогнула. Я никогда, никогда в жизни не слышала, чтобы мой отец ругался. Если он вообще это делал, то либо про себя, либо очень тихо.

– Я беспокоюсь о *своей* дочери. Алина мертва. Ты нет. Ты нужна своей матери. Ты нужна мне. Садись на самолет. Собери вещи и немедленно возвращайся домой, Мак!

Клянусь, я придумала тысячи разных способов начать нужный мне разговор, от нескольких наводящих предложений до пятиминутных объяснений и извинений за то, что собираюсь спросить, но ничего подобного я не сказала. Я открыла рот и так замерла. Я едва дышала в телефонную трубку, думая обо всех тех вещах, что могу и должна сейчас сделать, включая вариант заткнуться и никогда не спрашивать отца ни о чем.

Я была в шестом классе, когда нам объясняли разницу

между карими и голубыми глазами, о доминантных и рецессивных признаках и о том, какие дети получаются у определенного типа родителей. А потом, вечером, я вернулась домой и посмотрела на папу с мамой. Я ничего не сказала, поскольку у Алины были такие же, как у меня, зеленые глаза, так что мы определенно были родными, и я всегда следовала политике страуса: если поглубже спрятать голову в песок, я не увижу того, что уставилось на меня, и оно меня тоже не увидит. И как бы люди ни старались оспорить это, но именно сознание определяет бытие. То, во что ты решаешь верить, делает тебя тем, кто ты есть. Одиннадцать лет назад я решила быть счастливой дочерью в счастливой семье. Я решила выбрать соответствие, выбрать свою принадлежность, чувствовать себя в безопасности, привязать себя к глубоким, сильным, гордым южным корням. Я решила верить, что теория ДНК ошибочна. Я решила верить, что учителя не всегда знают, о чем говорят, и что ученые никогда не поймут, что все дело в человеческой психологии. Я никогда и ни с кем этого не обсуждала. Да мне и не нужно было. Я знала, во что верю, и этого было достаточно. Я еле-еле сдала этот предмет на проходной балл и никогда с тех пор не бралась изучать биологию.

– Пап, скажи, меня удочерили? – спросила я.

На другом конце провода раздался задыхающийся звук, словно Джеку Лейну кто-то попал бейсбольной битой в живот.

Скажи, что нет, папочка, скажи, что нет, папочка, скажи, что нет.

Тишина все длилась.

Я крепко зажмурилась, чтобы не заплакать.

– Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Последовало очередное долгое молчание, которое прерывалось лишь тяжелыми вздохами.

– Мак, я сейчас не могу оставить твою мать в одиночестве. Ей нельзя быть одной. Она слишком накачана таблетками и не уравновешенна. После того как ты улетела в Дублин, она... ну... просто распалась на части. И лучшее, что ты можешь сейчас сделать для всех нас, это вернуться домой. Сегодня же. Вечером.

Он сделал паузу, потом осторожно добавил:

– Малышка, ты в любом случае наша дочь.

– Правда? – Мой голос внезапно стал скрипучим, он царапал мне глотку. – А по рождению? По рождению я тоже ваша дочь, папа?

Я открыла глаза, но не могла сфокусировать взгляд.

– Прекрати, Мак! Я не знаю, откуда ты этого набралась! Чем ты там занимаешься, что начинаешь поднимать такие темы? Возвращайся домой!

– Неважно, откуда я этого набралась. Важно только то, что происходит. Скажи мне, что вы не удочерили нас с Алиной, папа, – настаивала я. – Скажи мне это! Скажи! Просто произнеси эти слова, и мы закончим разговор. Это все, о чем я

тебя прошу. Скажи, что нас с Алиной не удочерили. Произнеси эти слова. Или ты не можешь?

И снова страшная, неприятная тишина. А потом ответ:

– Мак, детка, мы любим тебя. Возвращайся домой. – На последнем слове его обычно сильный, глубокий баритон дал трещину. Папа прочистил горло, и когда он заговорил снова, он говорил хорошо поставленным, убедительным голосом консультанта по налогам, отработанным на многочисленных клиентах – невозможно было не верить ему и тому, что он знает, как лучше. Спокойный, искренний, поддержанный почти двумя метрами уверенного в себе, сильного тела южанина, раньше этот голос всегда срабатывал.

– Мак, я закажу тебе билет на самолет, как только мы закончим разговор. Иди, собирай вещи и отправляйся в аэропорт. Я не хочу, чтобы ты о чем-то задумывалась по дороге туда. Даже не подтверждай освобождение номера в гостинице. Я сам оплачу все твои телефонные счета. Слышишь меня? Я перезвоню тебе и скажу, каким рейсом ты полетишь. Собирайся и выезжай. Ты *слышишь* меня?

Я смотрела в окно. Начинался дождь. Вот оно: та ложь, которую он отказывается произносить вслух. Если бы меня не удочерили, папа сказал бы об этом без промедления. Он рассмеялся бы и сказал: «Конечно же, тебя не удочеряли, маленькая дурочка». И мы оба посмеялись бы над тем, что я могла быть такой глупой. Но он не сказал этого, потому что не мог.

– Господи, папочка, кто же я? – Теперь настала очередь моего голоса ломаться на слове.

– Моя дочь! – яростно произнес он. – Вот ты кто! Маленькая девочка Рейни и Джека Лейн!

Но я не была ею. Не по рождению. И мы оба это знали. Думаю, какая-то часть меня всегда это знала.

1. Эльфы существуют.
2. Вампиры реальны.
3. Гангстер и пятнадцать его подручных погибли из-за меня.
4. Меня удочерили.

Я смотрела на список в моем практически полностью исписанном дневнике, не обращая внимания на капли слез, размывающие чернила.

Из четырех записанных мною пунктов лишь один мог действительно сбить меня с ног. Я могла признать существование любой аномалии, привыкнуть к любому изменению реальности, но только не к этому.

Меня удочерили.

Я могла иметь дело с вампирами и эльфами, я могла жить с осознанием того, что мои руки запятнаны кровью, но лишь до тех пор, пока я могла с гордостью заявить: «Я МакКай-ла Лейн, знаете, из Фрай-Лейнов, из Ашфорда, штат Джорджия? И во мне течет та же кровь, что и в остальных членах моей семьи. Мы – лимонный торт в шоколадной глазури, все мы, от прадедов до новорожденного малыша. И я принадлежу им. Я принадлежу к этому роду».

Вы не можете осознать, насколько это важно, пока не по-

теряете. Всю свою жизнь, до самого последнего момента, я была укутана в теплое покрывало, защищающее меня. Нитями покрывала были тети и дяди, двоюродные и троюродные братья и сестры, связанные с прадедушками и прабабушками.

Это покрывало только что сдернули с моих плеч. Я замерзала, чувствуя себя одинокой и потерянной.

О'Коннор, назвала меня старая леди. Сказала, что у меня такие же глаза и та же кожа. Она упомянула имя, странное имя: Патрона. Была ли я О'Коннор? Есть ли у меня родственники в Ирландии? Почему они не забрали меня? Почему отдали нас с Алиной? Где папа с мамой взяли нас? Когда? И как удавалось моим болтливым, охочим до разговоров и сплетен тетушкам, дядюшкам и другим родственникам так хорошо хранить эту тайну? Никто из них и словом не обмолвился. Сколько нам было, когда нас удочерили? Я, должно быть, была еще младенцем, поскольку не могу припомнить другой жизни, да и Алина никогда ничего такого не говорила. Хотя она и была на два года старше меня и уж у нее-то могли сохраниться какие-то воспоминания. Или ее память о прошлой жизни в другом месте растворилась в жизни новой и со временем просто поглотилась ею?

Меня удочерили. Эта мысль вызывала головокружение, она отрывала меня от моих корней, словно ураган, однако она была еще не самым худшим.

Самым худшим было то, что запустило в меня свои зубы и

не желало отпускать – единственный действительно родной мне по крови человек был мертв. Моя сестра. Алина. Единственная моя родня, и она мертва.

Мне стало не по себе от мысли: знала ли она? Удалось ли ей выяснить, что нас удочерили, а потом сохранить это в тайне от меня? Неужели она именно это имела в виду, когда говорила: «Мне столько всего нужно было рассказать тебе?»

Неужели попав сюда, в Дублин, она чувствовала себя так же, как чувствую себя сейчас я: оторванной от своих корней, сбитой с толку?

– О Боже, – сказала я, и тихий плач превратился в конвульсивные, болезненные рыдания. Я оплакивала себя, свою сестру, те вещи, для которых я пока не могла подобрать слов и которые никогда не смогу объяснить. Но я чувствовала еще одно: пора становиться на ноги. До сих пор я умела лишь ползать. И я не знала, сколько времени мне придется потратить на то, чтобы встать с четверенек и научиться держать равновесие, но подозревала, что, когда я с этим справлюсь, я никогда не смогу вернуться к привычной для меня жизни.

Не знаю, сколько я просидела и проплакала, но приступ сильнейшей головной боли заставил меня прекратить рыдания.

Я уже говорила вам в начале моей истории, что тело Алины нашли в нескольких милях от «Кларин-хауса», в засыпанной мусором аллее на другом берегу реки Лиффи. Я знала это наверняка, поскольку видела фотографии с места пре-

ступления, и перед отъездом домой я хотела сама побывать там, сказать последнее «прости» и попрощаться с сестрой.

Я заставила себя подняться с дивана, прошла в свою временную комнату, взяла деньги, паспорт и засунула все в карман джинсов, чтобы ничто не мешало мне быстро достать из сумочки ее содержимое, повесила сумку на плечо, надвинула на глаза бейсболку, надела солнцезащитные очки и вышла из магазина ловить такси.

Настало время побывать в той аллее. Но не для того, чтобы попрощаться, – для того, чтобы поздороваться с сестрой, которой я никогда не знала и никогда уже не узнаю. С Алиной, моей единственной кровной родственницей, попавшей в водоворот событий в Дублине, усваивавшей здесь новые уроки и делавшей свой собственный нелегкий выбор. Если она столкнулась здесь хотя бы с половиной вещей, с которыми довелось столкнуться мне, я понимала, почему она делала то, что делала.

Я помню, как мама с папой дважды собирались навестить Алину. В первый раз она сказала, что болеет и поэтому очень отстала от учебной программы. Во второй раз ей пришлось посещать кучу дополнительных занятий, чтобы наверстать пропущенные лекции. Алина никогда не приглашала меня прилететь к ней, а однажды, когда я проговорила о том, что пытаюсь экономить деньги, она внезапно сказала, что мне не стоит откладывать их, лучше уж потратить на красивую одежду, новые записи и дискотеки, на которых я буду танце-

вать и за нее тоже. Мы обе любили все это, и тогда я подумала, что сестра хочет сказать: мне следует развлекаться и за нее тоже, поскольку она занята учебой...

Теперь я понимаю, чего ей стоили те слова.

Зная то, что я знаю сейчас, зная о том, что бродит и скользит по улицам Дублина, стала бы я приглашать того, кого люблю, приехать сюда и встретиться со мной?

Никогда. Я бы завралась по самые уши, лишь бы держать своих близких подальше от этого.

Если бы у меня была младшая сестричка, единственный родной мне человечек, который сидит дома, в безопасности, сказала бы я ей о том, что может накликать беду на ее голову? Нет. Я бы поступила именно так, как поступила Алина: я бы защищала ее до последнего вдоха. Позволила бы ей быть счастливой и беззаботной так долго, как только возможно.

Я всегда стремилась быть похожей на сестру, но теперь я смотрела на нее немного по-другому. Охваченная новым чувством, я должна была побывать в том месте, где бывала она. В месте, которое хранит память о ней, и ее квартира для этого ни капли не подходила. Кроме запаха парфюма и персиковых свечей, я не чувствовала в квартире ничего, что напоминало бы о сестре, словно она очень мало времени проводила в том помещении, разве что спала там и говорила со мной по телефону. Там, где она училась, я тоже не ощутила нужного настроения, но я знала место, которое наверняка сохранило память о ней.

Мне нужно было попасть туда, где она опустилась на землю спустя четыре часа после звонка мне. Я должна была справиться с жутким ощущением потери, стоя в том же месте на булыжной мостовой, где моя сестра испустила последний вздох и навсегда закрыла глаза.

Патология, возможно, но *вы* попробуйте потерять сестру и узнать, что родители вас удочерили, а потом поговорим о чувствах и поступках. И не нужно обвинять меня в психическом расстройстве, поскольку я лишь продукт культуры, которая привыкла закапывать тела любимых близких, сажать сверху ухоженные клумбы и приходить поговорить с ними, когда на душе темно и беспокойно. *Вот это* патология. Не говоря уж об эксцентричности. Собаки тоже зарывают кости.

Демаркационные линии окружали меня со всех сторон. Река Лиффи была одной из них, разделяя город не по принципу сторон света – юг и север, а, скорей, по социальным и экономическим признакам.

На южном берегу, на котором я стояла, находились Темпл Бар Дистрикт, Тринити-колледж, Национальный музей, Ленстер-хаус²¹ и множество других достопримечательностей, которые вполне отвечали требованиям этого берега: богатство, снобизм, либеральность.

На северном берегу находилась О'Коннел-стрит, с красивыми памятниками и монументами, Кафедральный со-

---

²¹ Ленстер-хаус – здание ирландского парламента. (*Примеч. ред.*)

бор Святой Марии, здание таможни, выходящее фасадом на Лиффи, и, в основном, дома рабочих, «синих воротничков», и малоимущих.

Впрочем, все знают, что четкого разделения в нашем мире не существует, не бывает ничего абсолютного. Вкрапления того, чем славилась противоположная сторона, встречались и тут и там: богатые и фешенебельные здания на севере, бедные и заброшенные на юге, однако я говорю *об общем* настроении берегов, которые очень отличаются. Сложно объяснить это тому, кто не бывал на обоих берегах этой реки, не смотрел и не слушал, не оглядывался по сторонам, прогуливаясь и замечая отличия.

Таксисту, который отвез меня на северный берег, очень не понравилась идея оставить меня в одиночестве на Алленстрит, но я откупила у него щедрыми чаевыми, и он уехал. Я видела слишком много по-настоящему страшных вещей в темном заброшенном районе, чтобы испугаться того, что могло поджидать меня здесь, по крайней мере, при свете дня.

Аллея, в которой нашли Алину, заканчивалась тупиком и не имела названия. Булыжную мостовую здесь проложили давным-давно, с тех пор ветер и погода основательно над ней потрудились. Аллея тянулась на несколько сот ярдов от дороги. Мусорные контейнеры и урны вклинивались между глухими кирпичными стенами разрушающегося, явно давно не отремонтированного многоквартирного дома с правой стороны и заколоченного склада – с левой. Старые газеты, кар-

тонные коробки, пивные бутылки и прочий мусор валялись по всей аллее. Обстановка живо напомнила мне о заброшенном районе. Но я не собиралась оставаться тут до наступления темноты, чтобы проверить, работают ли здешние фонари.

Папа не знал, что я видела фотографии с места преступления. Он прятал их в серебристо-синей папке с финансовым планом, который разрабатывал для миссис Мирны Тейлор-Холлингсворт. Кстати, я не понимала, откуда он их взял. Я всегда думала, что полиция не показывает такие вещи убитым горем родителям, особенно если на фотографиях настолько четко показан весь ужас.

Мне хватило и того, что я опознавала тело. Фотографии я нашла в папином кабинете за день до отлета в Ирландию, когда решила стащить у него несколько ручек.

Теперь, направляясь к концу аллеи, я словно накладывала эти фотографии на то, что видела. Она лежала *вот там*, справа от меня, в нескольких метрах от трехметровой каменной стены, которая закрывала выход из аллеи и остановила тогда бег Алины. Я не хотела задумываться, почему были сломаны ее ноги – о безнадежной попытке взобраться на эту гладкую стену в надежде спастись от того, что ее преследовало, поэтому я отвернулась и посмотрела на то место, где Алина умерла. Когда ее нашли, казалось, что она до последней минуты вжималась спиной в стену, а потом так и сползла по ней. Я делюсь с вами деталями, которые не хочу вспо-

минать.

Подталкиваемая какой-то темной своей стороной, я опустилась на грязную брусчатку и сползла спиной по стене, принимая ту же позу, в которой обнаружили тело моей сестры. В отличие от фотографий, сейчас на камнях не было кровоподтеков. Дождь смыл все следы того, что приключилось тут несколько недель назад. Здесь она в последний раз вдохнула воздух. Здесь закончились все мечты и надежды Алины Лейн.

– Боже, *как же мне тебя не хватает*, Алина!

Я чувствовала, как дрожит и ломается мой голос, и снова расплакалась. Я поклялась себе, что плачу в последний раз. Что ж, некоторое время мне удавалось не нарушать эту клятву.

Не знаю, сколько я просидела у стены, пока не заметила почти закопанную в окружающий мусор косметичку, которую мама подарила Алине на Рождество. Это была близняшка той, что я оставила у Мэллиса, тоненькая лоскутная сумочка, которая была золотистой, пока дождь и солнце над ней не поработали. Я отшвырнула прикрывавшие ее старые газеты, схватила и запустила руки внутрь.

Я знаю, о чем вы подумали. Я тоже об этом подумала – в косметичке мог оказаться ключ к тому, что произошло. Алина могла хранить в ней свой дневник или какой-нибудь компьютерный носитель информации, на котором окажется все, что мне нужно знать, а полиция каким-то чудом не нашла

косметичку, и лишь моя интуиция помогла мне прийти в эту аллею именно в тот момент, когда я больше всего нуждалась в подсказке.

Но жизнь редко бывает настолько простой, сказал бы Бэрронс. Слишком много просмотренных фильмов, сказала бы я.

В косметичке не обнаружилось ничего, кроме мелочей, которые подобрала для нас мама, разве что пилочки для ногтей не оказалось на месте. Не было ничего ни под подкладкой, ни в пудренице, ни в тубике помады. Я знаю, поскольку буквально выпотрошила косметичку и разобрала на части все, что в ней было.

Не буду утомлять вас рассказом о том, что я думала, сидя на том месте, где умерла Алина, или о своих чувствах. Если вы теряли кого-нибудь из близких, вы сами знаете, какого рода мысли приходят в голову, и вам не нужно напоминаний об этом с моей стороны. Если вы еще никого не теряли – вот и хорошо, желаю вам еще маленькую вечность не знать, что это такое.

Я сказала «прощай», я сказала «пока» и собиралась встать, чтобы отправиться домой, но тут мое внимание привлек серебристый блеск металла возле моей ноги. Это был кончик пилочки для ногтей, которой не оказалось в косметичке Алины, и этот кончик был погнут и зазубрен. Я наклонилась к нему, убирая в сторону мусор, – я не собиралась оставлять здесь ни одной вещи, принадлежавшей моей сест-

ре, – и поперхнулась воздухом, не веря своим глазам.

Я тешила себя надеждой, что Алина умерла быстро. Что она не лежала в этой пустынной аллее, медленно истекая кровью. Но она не могла умереть быстро, поскольку ей хватило времени, чтобы достать пилочку для ногтей и нацарапать на камне послание.

Я стояла на коленях, разгребая мусор, сдувая пыль и грязь.

Я была одновременно разочарована и благодарна, что она не написала больше. Разочарована потому, что детальная информация мне бы не помешала. Благодарна потому, что краткость послания свидетельствовала – Алина умирала несколько минут, а не часов.

1247 Ла Ру, Мл – вот что я прочитала.

– Инспектора О'Даффи, пожалуйста, – быстро сказала я. Я схватилась за телефонную трубку, как только вернулась в «Книги и сувениры Бэрронса», и тут же набрала номер участка «Гарды» на Пирс-стрит. – Да, да, я могу подождать.

Я нетерпеливо барабанила пальцами по стойке кассира, за которой обычно сидела Фиона, и ждала, когда дежурный полицейский на другом конце линии переключит меня на детектива, занимавшегося расследованием убийства Алины. У меня была очередная улика для него, адрес, выцарапанный на камне – 1247 Ла Ру. И я собиралась пойти вместе с ним проверить это место, а если он не возьмет меня с собой, то-

гда я просто начну следить за ним. С опытом слежки, приобретенным мною за последнее время, я не сомневалась, что мне удастся проделать этот фокус.

– Да, мисс Лейн? – раздался усталый голос детектива, поднявшего трубку, и я быстро объяснила, что звоню, чтобы поделиться своей находкой.

– Мы уже проверили это, – сказал О'Даффи, когда я закончила.

– Что проверили? – спросила я.

– Адрес, – ответил он. – Во-первых, нет никаких доказательств того, что это она написала. Кто угодно мог...

– Инспектор, Алина называла меня Младшей, – прервала я его. – И ее пилочка для ногтей лежала там же, зазубренная и исцарапанная от попыток выцарапать слова на камне. Даже не зная того, что означают буквы «мл», я не думаю, что вы не смогли сложить два и два.

Не говоря уж о косметичке, которая лежала там же. Они что, вообще не исследовали место преступления?

– Мы видели адрес, мисс Лейн, но к тому времени как мы стали осматривать место преступления, его уже истоптали множество зевак. Если вы были там, то наверняка заметили, сколько мусора валяется в той аллее. Мы не могли включить в описание каждую мелочь. И не знали, что из вещей, рассыпанных по парку, могло лежать в ее сумочке.

– А вам не показалось странным то, что адрес выцарапан у самого ее тела? – спросила я.

– Конечно, показалось.

– И?.. Вы были там? Вы проверили это место? – нетерпеливо спросила я.

– Мы не смогли этого сделать, мисс Лейн. Такого адреса не существует. *Нет* в Дублине дома под номером 1247 по Ла Ру. Ни авеню, ни улицы, ни бульвара, ни проспекта. Даже аллеи с таким названием нет.

Я прикусила губу, задумавшись.

– А может, это не в самом Дублине? Может, это в близлежащем городке?

– Это мы тоже проверили. Но в Ирландии нет такого адреса. Мы даже попробовали проверить созвучные названия, Ларукс или что-то, сокращением чего могла быть Ла Ру. Но дома под номером 1247 нигде не оказалось.

– Ну, а может это... в Лондоне или где-то еще, – упорствовала я. – Вы проверили другие города?

Инспектор О'Даффи глубоко вдохнул, и я ясно представила, как он качает головой, сидя в своем кабинете на другом конце провода.

– Как вы думаете, сколько стран мы можем обыскать, мисс Лейн? – спросил он.

Я задержала дыхание и прикусила язык, стараясь не выпалить: «Да сколько угодно, лишь бы вы нашли убийцу моей сестры! Пусть даже тысячу!»

Не дождавшись моего ответа, он сказал:

– Мы направили данные в Интерпол. Если они что-то об-

наружат, нас тут же поставят в известность. Я сожалею, но пока мы ничем не можем вам помочь.

Вооружившись копьем и фонариком, я торопилась по вечерним улицам в сторону кафе-магазина на Темпл Бар Дистрикт, в котором был большой выбор разнообразных карт, начиная от прекрасных ламинированных карт Дублина и заканчивая подробными картами Ирландии и дорожными атласами, а также путеводителями Рэнда МакНелли. Я купила по одной штуке каждого вида, потом, на всякий случай, взяла еще и карты Англии и Шотландии. Затем я вернулась в свою временную спальню. За окном была кромешная тьма, а я сидела по-турецки на кровати и изучала карты. У ирландской «Гарды» не было и сотой доли той мотивации, которой обладает жаждущая мести сестра.

Я окончила поиск около полуночи, и то лишь потому, что ползание носом по мелкому шрифту названий превратило мою пульсирующую головную боль в бригаду работников, которые отбойными молотками сокрушали череп изнутри. Я нашла множество вариантов Ла Ру, но мне не попалось ни 1247, ни 1347, ни 1427, ни чего-то хоть приблизительно напоминающего тот номер, который оставила Алина. Я не верила, что Алина могла ошибиться, выцарапывая адрес. Она оставляла это сообщение, зная, что умирает, и я просто не представляла, как можно ошибиться в таких условиях. Скорее, это я чего-то не заметила, что-то пропустила.

Я осторожно помассировала виски. Я абсолютно не выношу головной боли, поскольку она приходит ко мне редко, но если уж приходит – я умираю от нее и на следующее утро просыпаюсь как зомби. Свернув карты, я положила их стопкой на полу у кровати. Бэрронс может знать, подумала я. Бэрронс, похоже, знает все на свете. Но я спрошу его завтра. А сейчас мне нужно каким-то образом выпрямить затекшие ноги и попытаться хоть немного поспать.

Я поднялась на ноги, осторожно потянулась, потом шагнула к окну, отдернула занавеску и уставилась в ночь.

Снаружи был Дублин, бескрайнее море крыш. А под этими крышами был мир, которого я никогда не могла себе представить.

И была тьма в покинутом районе. Интересно, если я останусь здесь на месяц и все так же буду выглядывать из окна, – Боже, надеюсь, что этого не произойдет! – замечу ли я, что она разрастается?

Внизу стояли три машины, на которых приехали подручные О'Банниона. Кто-то забрал «майбах» и закрыл дверцы оставшихся автомобилей. Но все шестнадцать стопок одежды так и остались лежать на земле. Мне действительно придется что-то предпринять по этому поводу. Для того, кто знает их происхождение, это все равно, что смотреть в окно на шестнадцать трупов.

А еще снаружи были Тени, смертоносные маленькие уродцы, скользящие по аллее, граничащей с Темной Зоной, и

пульсирующие по периметру светлого пятна. Похоже, они злились на Бэрронса из-за того, что он держал их в загоне со стенами из яркого света, смертельного для них.

Внезапно я задохнулась.

Внизу был еще и человек. Он шел в сторону заброшенного района, двигался от безопасного островка света в полную тьму.

И у него не было фонарика!

Я подняла руку, чтобы постучать по стеклу. Я не помню, о чем думала в тот момент, наверное, хотела привлечь его внимание и позвать назад, не дав совершить глупость.

Но я застыла, немного не донеся пальцы до стекла. Бэрронса можно было назвать каким угодно, но не глупым. И он никогда и ничего не делал без причины.

Высокий, темный, грациозный, как пантера, скользящая в ночи, он был одет во все черное под длинным черным же плащом, и я видела, как блестят при ходьбе стальные накладки на ботинках. А потом и блеск стали исчез, поскольку свет уже не отражался в ней, и Бэрронс превратился еще в одну тень, чуть более светлую, чем другие.

«Вы никогда, мисс Лейн, никогда не должны входить в заброшенный район ночью», – сказал он мне не так уж и давно.

Ага, а ему, значит, можно? Что вообще происходит? Я помотала головой и очень пожалела об этом, поскольку стук маленьких молоточков по внутренней стороне черепа стал нестерпимым – *pat-ta-ta-ta-Ta-Ta!* Я схватилась за вис-

ки и непонимающе уставилась вниз.

Тени не обращали на Бэрронса ни малейшего внимания. Кстати, если только это не было плодом моего большого воображения, темные маслянистые комки тьмы буквально шагахались от него, словно шагающий мимо Иерихон Бэрронс вызывал у них сильнейшее отвращение.

Я видела шелуху, которую оставляли за собой Тени. Я видела доказательства их ненасытного аппетита. Единственным, что могло их напугать, был свет. «Они осушают своих жертв с вампирским проворством», – сказал мне когда-то Бэрронс, и я даже записала эту фразу в дневник, поскольку она показалась мне очень выразительной.

Я смотрела, как он уходит вглубь заброшенного района, черное пятно в окружении темноты, до тех пор, пока ночь не поглотила его. Я долго еще глядела вниз, на аллею, по которой он прошел, и пыталась понять, что я только что видела.

Было лишь два варианта объяснения: либо Бэрронс солгал мне начет Теней, либо у него какой-то договор с этими кроважадными тварями из рода эльфов.

Как бы то ни было, я только что получила ясный и четкий ответ на вопрос, могу ли я ему доверять.

Ответом было большое и красивое «НЕТ».

Когда я наконец отвернулась, почистила зубы, сполоснулась, умылась, намазалась увлажняющим кремом, пробежала расческой по волосам, нырнула в любимую ночную футболку и штаны и зарылась в одеяло, я мало в чем была уве-

рена, кроме одного. Я не собиралась спрашивать Бэрронса по поводу загадочного адреса.

На следующее утро я проснулась и поняла, что знаю ответ на мучивший меня вопрос.

Несколько лет назад я прочитала какую-то книгу, автор которой сделал интересный вывод: человеческий мозг мало чем отличается от компьютера. Когда основные функции нашего мозга находятся в спящем режиме, он словно перезагружается, проверяет новое программное обеспечение, подпрограммы считывают резервные копии файлов. Мозг дефрагментируется и вычищает из закоулков сознания мусор, чтобы на следующий день мы проснулись свежими.

Пока я спала, подпрограммы сознания разобрали кучу моих предположений по полочкам, избавились от бесполезной информации, исследовали оставшуюся и позволили мне увидеть то, что я могла бы увидеть и раньше, если бы внутри меня не клубился хаос. Я хлопнула бы себя по лбу, если бы не боялась спугнуть прекрасное ощущение только что утихшей головной боли.

Я выскочила из кровати – мне не нужно было включать свет, поскольку лампы и так светили все до единой, как им предстоит светить еще не один год, – и начала перебирать карту за картой, изучая дату печати. Все были свежими, как и положено хорошим туристическим картам, и содержали информацию максимум прошлогодней давности.

Но Бэрронс сказал мне, что город «забыл» одну из своих внутренних территорий – заброшенный район. Что у «Гарды» не осталось никаких записей о нем и коммунальные службы города понятия не имели о существовании подобных адресов. Означало ли это, что в Дублине были улицы, о которых никто не помнил? А если да, то могли ли они «выпасть из карты»?

Если мне удастся посмотреть другую карту – скажем, пятилетней давности, – будет ли Дублин на ней выглядеть так же, как на этих ламинированных страницах, которые я сейчас держу в руках? Или некоторых частей на новой карте не хватает? Неужели ответ на мой вопрос был у меня прямо перед носом, с другой стороны оконного стекла?

– Бинго! – Я ткнула в карту своей любимой фиолетовой ручкой. – Вот ты где!

Я только что нашла улицу Ла Ру, и – как я и ожидала – она находилась в заброшенном районе.

Прошлым вечером, когда мне нужны были карты, я автоматически отправилась в место, где раньше видела их в продаже. Мне и в голову не пришло, что карты могут продаваться в самом магазине Бэрронса. Поднявшись на третий этаж, я нашла большое количество карт и атласов, стащила на свой любимый диван около дюжины трофеев и начала поиски заново.

То, что я обнаружила, шокировало и испугало меня. Темная Зона возле магазина Бэрронса была не единственным пропавшим участком Дублина. Были еще два района, которые отображались на старых картах, но исчезли уже с прошлых годов. Они были гораздо меньше и находились на окраинах, но без сомнения также были заражены Тенями.

Кровожадные Невидимые распространялись по городу, словно рак. Я начала гадать, как они пробрались в эти отдаленные районы из нашего, но потом подумала, что гораздо интереснее узнать, как они вообще пробрались в город. Возможно, кто-то перевозил их с места на место, не зная, что перевозит – они вполне могли прятаться в картонных

коробках. Или, возможно... Мог ли Бэрронс распространять этих паразитов? Мог ли он переносить их в новые охотничьи угодья в обмен на право безопасного прохода? Были ли Тени достаточно разумны, чтобы с ними можно было заключить сделку? И что они делали на протяжении дня? В какие темные закоулки они прятались? Насколько маленькими они могут становиться, учитывая, что они нематериальны? Может ли сотня Теней поместиться в спичечном коробке? Я помотала головой. Я не могла сейчас размышлять о том, как распространяются по городу Тени. Алина оставила мне след. И если я наконец-то смогу пройти по нему до конца, то единственное, о чем мне нужно думать, – это о том, как найти то, что она хотела мне передать.

Я положила ламинированные карты города на столик перед собой, аккуратно совместив края, и некоторое время смотрела на них. Правая карта была новенькой, левая была выпущена семь лет тому назад.

На современной карте в квартале отсюда находилась Коллинз-стрит, которая шла строго параллельно Ланкспур-лейн. На карте семилетней давности между двумя этими улицами находилось *восемнадцать жилых* кварталов.

Я одновременно покачала головой, пожала плечами и фыркнула, чтобы полностью выразить то, как странно я чувствовала себя по этому поводу. Это было отвратительно. Кому-нибудь вообще *об этом известно!* Известно Бэрронсу и мне, – но кто знает, кем является сам Бэрронс? Я точно не

знала. Но неужели никто больше не догадался, что происходит на самом деле? «На самом же деле ваш мир на всех парах несется в ад», – сказал мне Бэрронс. Повторив про себя эти слова, я заметила то, что раньше ускользнуло от моего внимания. Он сказал «ваш» мир. Не «наш» мир. Мой. Значит ли это, что он не из этого мира?

Как обычно, у меня был миллион вопросов. Я никому не доверяла, плюс мне ничего больше не оставалось делать, кроме как идти вперед. Путь назад отныне был для меня отрезан.

Я вырвала страницу из своего дневника – в нем оставалось всего четыре чистых листа, – положила на ламинированную карту и начала перерисовывать нужный мне путь, квартал за кварталом, царапая поверх улиц их названия. Сама карта была слишком неудобной для переноски. А мои руки должны быть свободны. Ла Ру находилась почти в центре Темной Зоны, к ней вел извилистый путь через четырнадцать кварталов. Сама улица была короткой, всего два квартала, это был один из тех коротких перешейков, которые оказываются меж двух больших дорог у крупной транспортной развязки.

Оглядываясь назад, я удивляюсь тому, что решила отправиться в заброшенный район в одиночку. И удивляюсь, что выжила после этого. Я не помню, о чем я тогда думала. В основном, вспоминая о прошлом и рассказывая вам эту историю, я могу подробно припомнить мысли, что меня тогда занимали. Однако сейчас я говорю об одном из тех дней, ко-

которые – видимо из-за большой насыщенности событиями и постоянного внутреннего напряжения, – начинаются для меня как в тумане, а заканчиваются в плотной тьме.

Возможно, я размышляла о том, что день только начался, что Тени опасны лишь по ночам, что у меня есть копьё, благодаря которому я буду в безопасности. Возможно, я оцепенела от огромного количества стрессовых ситуаций, в которые попадала, и поэтому не чувствовала страха.

А может, после всех постигших меня потерь я просто наплевала на осторожность. В ту ночь, когда мы ограбили Мэллеса, Бэрронс назвал меня мисс Радугой. Несмотря на его пренебрежительный тон, эта кличка мне понравилась. Однако радугам, чтобы жить, необходимо солнце, а его в последние дни мне явно недоставало.

Как бы то ни было, я встала, приняла душ, тщательно подобрала одежду, взяла копьё и фонарики и в одиночку отправилась искать 1247 Ла Ру.

Было около полудня, и я слышала тихое мурлыканье «седана» Фионы, который подъезжал к магазину со стороны фасада. Я вышла с черного хода и отправилась в район, который вскоре все ши-видящие начнут называть придуманным мной названием. Я не знала, что наступит день – и до него осталось совсем недолго – когда по всему земному шару начнут появляться такие районы. Темная Зона.

Я не обернулась.

С того дня как я впервые побывала на этих жутких, пустынных улицах покинутого всеми района, прошло не много времени, но мне казалось, что это было в другой жизни.

Хотя, вполне возможно, так оно и было.

Та Мак, которая последовала указанию незнакомой женщины и вошла в пустошь посреди современного города, носила низко сидящие на бедрах капри в розовую полоску, с широкими штанинами, коротенькую розовую облегающую футболку из шелка, любимые серебристые сандалии и соответствующее количество серебряных побрякушек. У нее были длинные, прекрасные белокурые волосы, собранные в высокий хвост на затылке. Хвост доходил до середины спины и задорно подпрыгивал при ходьбе.

Эта Мак носила темную стрижку до плеч – так легче спрятаться от монстров, которые охотятся за Мак версии 1.0. Эта Мак была одета в черные джинсы и черную футболку: их было не жаль испачкать в крови эльфов. Розовый педикюр прятался в теннисных туфлях: в них удобнее убегать, спасая свою жизнь. Обмундирование завершала безразмерная черная куртка, которую Мак 2.0 стянула с вешалки у двери: куртка закрывала длинный наконечник копья, заткнутого за пояс джинсов (острие было увенчано «заглушкой» из комка фольги, и это был единственный серебристый аксессуар в

тщательно подобранном наряде).

В задних карманах джинсов и во внутренних карманах куртки были спрятаны фонарики.

Исчезла энергичная походка, звуки которой далеко разносились в тишине кварталов. Мак 2.0 шагала решительно и следила за тем, чтобы ноги мягко опускались на тротуар.

В этот раз я продвигалась в глубь Темной Зоны и понимала, что означали мои первоначальные ощущения – приступы тошноты, страх, желание перейти на бег. Мои чувства шивидящей обострились, стоило мне пересечь Ланкспур-лейн и непреднамеренно оказаться в исчезнувшей со всех карт секции из восемнадцати кварталов, отделяющих ее от Коллинз-стрит. Думаю, Тени отступали в дневное время и прятались в местах, куда не проникал солнечный свет. Тут у них наверняка достаточно темных тайников. Вокруг чувствовалось присутствие Невидимых – как и в первый раз – но тогда я не знала, кто я такая, и не понимала, где именно оказалась.

В этот раз было еще кое-что. Я поняла, что в маленьком плане, который я перерисовала с карты, нет никакой необходимости. Что-то буквально тащило меня в юго-восточном направлении, что-то манящее и в то же время отталкивающее. Это чувство заставило меня вспомнить о кошмаре, который произвел на меня незабываемое впечатление.

В том сне я была на кладбище. Была ночь, шел дождь. Я знала, что в нескольких метрах от склепа, у которого я стояла, находилась моя собственная могила. Я не видела ее, я

просто знала, что она там, как часто бывает с подобными знаниями во сне. Часть меня хотела убежать, мчаться по скользкой от дождя траве между надгробий, нестись со всей доступной мне скоростью и не оглядываться. Эта часть боялась, что стоит ей взглянуть на могилу и прочитать надпись, и она лишится своей судьбы. Однако другая моя половина знала, что у меня не будет ни одной спокойной секунды в жизни, если я побоюсь подойти к надгробию и посмотреть на него, прочитать свое имя и дату собственной смерти.

Я проснулась прежде, чем смогла что-то выбрать.

Но я не была настолько глупой, чтобы ждать пробуждения от *этого* кошмара.

В упор не замечая останки людей, которые ветер гонял над пустынными, залитыми туманом тротуарами, я решила не доставать карту из переднего кармана джинсов и позволила себе идти вслед за мрачной мелодией моего внутреннего Гаммельнского Крысолова. Я заметила, что в этот раз заброшенный район выглядит как-то иначе, чем раньше.

Словно кладбище.

Я вспомнила слова инспектора О'Даффи, вспомнила, как он жаловался во время нашего первого разговора: «Произошел острый всплеск насилия. Исчезают люди. Я никогда раньше такого не видел. Словно половина этого чертова города сошла с ума».

Нет, не половина города, до половины, думаю, еще далеко, – однако я могла представить, как инспектор О'Даффи

работает по делам трупов, которые оставляют такие, как Серый Человек в том баре. Однако здесь было множество пропавших людей, о которых говорил инспектор.

Они были вокруг меня. Повсюду.

Возле покинутых машин, в кучках одежды. Их носил ветер, крутя над тротуаром, они были наполовину засыпаны мусором, который никто никогда не уберет, поскольку эти улицы исчезли со всех карт и из баз данных коммунальных служб города. Думаю, какой-нибудь добросовестный дворник или мусорщик мог заглянуть сюда мимоходом, осмотреться и сказать: «Э, ну и нагажено», а потом, без сомнения, следовало философское: «Не мой участок, не моя проблема».

Основная опасность Темной Зоны заключалась в том, что, хоть эти улицы и проспекты и исчезли со всех карт, ничто не могло остановить людей от того, чтобы заехать сюда или зайти, как зашла я в первый день в Дублине. Чем ближе к Темпл Бар Дистрикт, тем гуще становился поток машин, и я думала о том, сколькими из них управляли туристы, которые под влиянием *крайка* не заметят, как изменилось все вокруг, до тех пор, пока не станет слишком поздно. У машины был шанс проехать здесь без происшествий, если будут включены и фары, и свет в салоне, – при условии, что водителю не приспичит остановиться и выйти на улицу, например, повинаясь зову выпитого пива, – но лично я не рискнула бы.

Я заметила еще одну странность, ускользнувшую от моего

внимания в первый раз: здесь не было животных. Ни одного шипящего бродячего кота, ни одной крысы с глазами-бусинками, ни одного голубя. Это действительно была мертвая зона. И самые маленькие клочки «пергамента» тоже стали понятными.

Тени ели все.

– Кроме Бэрронса, – пробормотала я, расстроенная этим фактом куда меньше, чем могла себе признать. В ту ночь, когда мы охотились за Серым Человеком, я почувствовала, что мы с моим загадочным учителем похожи. Мы были *командой*. Мы избавили город от монстра. Пусть я и провалила свой дебют, но результат того стоил, и в следующий раз я справлюсь лучше. Я заморозила тварь – Иерихон убил. Больше ни одна женщина в Дублине не потеряет из-за монстра красоту и молодость. Никто не умрет ужасной смертью. И я чувствовала себя *прекрасно*. Думаю, часть моего сознания надеялась на то, что, когда я найду убийцу Алины, Бэрронс поможет мне отомстить ему.

У меня не осталось иллюзий на тот счет, что полиция или окружной суд смогут посодействовать мне в поисках справедливости. Я не сомневалась, что убийца (убийцы?) Алины окажется тем, кого можем видеть только я, Бэрронс и другие ши-видящие. И я знала лишь одного ши-видящего, способного мне помочь. Я не то чтобы забыла о старой леди или справедливо заключила, что в битве с Невидимым или десятком ему подобных от нее будет мало толку. Я *не хотела* ее

помощи. И не хотела больше ее видеть. Пусть мне всегда казался нечестным древний обычай казнить гонца, но обычаи потому и становятся обычаями, что в них есть рациональное зерно. Я злилась на старую леди точно так же, как злилась на ее слова.

Покачив головой, я вернулась к мыслям о сестре. «1247 Ла Ру, Мл», – написала Алина, умирая. Она хотела, чтобы я пришла туда и что-то нашла. Я надеялась, что там окажется ее дневник, но не могла понять причину, по которой Алина стала бы прятать его в заброшенном районе. Я сомневалась, что найду там таинственную, смертоносную «Синсар Дабх», поскольку, хоть я и испытывала типичную слабость, предупреждающую о близости эльфов, с чем мне, кстати, становилось все легче справляться, я не чувствовала ничего похожего на ту убийственно сильную тошноту, которую вызвали у меня фотокопии страниц Темной Книги. Я ощущала лишь странную силу, ведущую меня на юго-восток, и удивительную уверенность, что там меня ждет какая-то сверхъестественная опасность, которая, однако, была приглушенной, словно... дремлющей.

Меня эта мысль не особо успокаивала, поскольку «дремлющая» было лишь эвфемизмом для обозначения того, кто может проснуться в любой момент, а, судя по последним событиям в моей жизни, если по соседству окажется дремлющий вулкан, он обязательно начнет извергать лаву на мою бедную голову, и сделает это скорее раньше, чем позже.

Вздохнув, я нырнула в сгустившийся туман.

1247 Ла Ру оказалась вовсе не тем, чего я ожидала.

Я думала, что увижу склад или один из тех заброшенных домов с выбитыми стеклами, которые встречались все чаще по мере того, как жилая часть квартала сменялась производственной.

Вместо этого я очутилась возле высокого, причудливого кирпичного здания с богато украшенным побеленным фасадом, которое казалось крайне неуместным в окружении множества кварталов, застроенных лишь коммерческими фабриками и складами.

Наверное, в свое время хозяин или хозяйка здания отказались продать этот дом, когда началась общая перестройка квартала, а потом оказалось слишком поздно. Этот особняк выглядел здесь так же неуместно, как «Блуминдейл»²² посреди стандартных дешевых новостроек.

Перед домом был огромный двор, огороженный кованой железной решеткой; он был затянут туманом, сквозь который виднелись три засохших дерева со скелетообразными ветвями. Ни листьев, ни птиц, и думаю, что не ошибусь, если скажу: если бы кто-то вздумал копать тут землю, червей он бы тоже не обнаружил. Сады на террасах пересохли, а каменный фонтан у главного входа с портиком давно высох.

Это была Пустошь.

---

²² «Блуминдейл» – один из крупнейших универсальных магазинов Нью-Йорка.

Я опасливо покосилась на элегантный особняк. Его внешний лоск, красоту и богатство портило лишь то, что сотворили с множеством его высоких стрельчатых окон.

Все стекла были замазаны черной краской.

И я боялась того, что могло припасть к этим стеклам, которые казались огромными черными глазами, с той стороны, наблюдая за мной.

– Что дальше, Алина? – прошептала я. – Мне действительно придется зайти внутрь?

Мне так этого не хотелось...

Я не ожидала ответа, и я его не получила. Если ангелы и смотрят на нас с небес, как верят некоторые люди, то мне достались глухонемые наблюдатели. Это был чисто риторический вопрос.

Я никак не могла отвернуться от этого дома и уйти. Алина позвала меня сюда, и я собиралась войти, даже если это станет последним, что я сделаю в жизни. Мне вдруг стало ясно, что этот поступок действительно может стать последним.

Я не стала осторожничать. Если кто-то или что-то следило за мной, то не было смысла прятаться. Ссутулив плечи, я глубоко вдохнула, прошагала по тропинке из бледного кирпича к главному входу, поднялась по ступенькам и постучала тяжелым молоточком по двери.

Никто не ответил. Я снова постучала, выждав несколько минут, потом толкнула дверь. Владелец дома явно не отличался осторожностью – дверь была не заперта и открылась в

пышное фойе. Черно-белый мраморный пол мерцал под искрящимся канделябром. За изысканным столиком, на котором стояла огромная ваза с белоснежными шелковыми цветами, начиналась элегантная винтовая лестница, обрамленная резными перилами, которая вела на верхний этаж.

Я шагнула внутрь. Если экстерьер здания попортило время и он нуждался в таких вещах как водосточные желоба и ремонт крыши, то интерьер был оформлен в стиле Людовика XIV: плюшевые стулья и диваны, между которыми стояли дворцовые колонны с пилястрами, богато украшенные столы с мраморными столешницами и прекрасные янтарно-золотистые светильники. Я не сомневалась, что мебель в спальне окажется невероятно большой и украшенной в соответствии со стилем Короля-Солнца. Стены были увешаны огромными зеркалами в позолоченных рамах и картинами, изображавшими сцены из различных, подчас трудноопределимых, мифологий.

Несколько минут я прислушивалась, а потом направилась внутрь тускло освещенного здания, с фонариком в одной руке и копьём в другой. Я пыталась составить психологический портрет здешнего обитателя. Но чем больше комнат я видела, тем меньше понимала. За короткое время, проведенное в Дублине, я встретила столько мерзости, что ожидала лишь увеличения ее количества, особенно в этом пустынном районе, однако хозяин этого дома представлялся мне богатым, явно образованным и воспитанным, с хорошим вкусом и...

Я мысленно треснула себя по лбу, — не здесь ли жил тот, с кем встречалась Алина? Она дала мне адрес своего убийцы?

Десятью минутами позже я нашла ответ в спальне второго этажа, за массивной кроватью, в огромном шкафу, заполненном такой одеждой, какой я не видела и у Бэрронса. Кем бы или чем бы ни был владелец этого дома, он покупал только лучшее. То есть — до абсурда лучшее, вещи, за которые платят бешеные суммы, лишь бы быть уверенным, что такого больше нет ни у кого в целом мире.

Возле коллекции обуви, которой хватило бы, чтобы обуть целую армию моделей Армани, я нашла небрежно брошенный ежедневник Алины, ее фотоальбомы и два конверта с фотографиями. Это были обычные конверты, такие же, как те, в которых вы забираете свои фотографии из любого фото-пункта на Темпл Бар Дистрикт, где фотографии печатаются за час. Я засунула ежедневник и альбомы во внутренний карман своей слишком большой куртки, но оставила в руке конверты с фотографиями.

Быстро осмотрев оба шкафа и оставшуюся часть спальни, чтобы убедиться, что я ничего не пропустила, я быстро сбегала вниз по ступеням, стремясь оказаться как можно ближе к выходу, если придется удирать.

Потом я села на нижнюю ступеньку лестницы, под золотисто-хрустальной люстрой, и открыла первый пакет с фотографиями.

Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.
Чистая правда.

Я должна признаться: с тех пор как я впервые услышала описание парня, с которым встречалась Алина, – старше ее, богатый, привлекательный, не ирландец, – меня преследовала параноидальная мысль.

Что, если я *в точности* повторяю путь Алины? И попала именно к тому человеку, который предал ее? Была ли моя сестра влюблена в Иерихона Бэрронса? Неужели мой таинственный хозяин и предполагаемый защитник убил ее?

Когда я, чуть раньше, входила в этот дом, часть меня подумала:

«Ага, так вот куда он ходил той ночью! Вот где его настоящий дом, здесь, а не в книжном магазине. Значит, он в самом деле Темный эльф, которого ни я, ни Алина почему-то не можем увидеть».

С чего я это взяла? Да просто это исчерпывающе объяснило бы те странные вспышки симпатии, которые я несколько раз испытывала к Бэрронсу, вспышки, похожие на те, что насылал при помощи чар В'лейн. Возможно, Иерихон был таким же, несущим смерть через секс эльфом, сумевшим хорошо замаскироваться. Возможно, он очень хорошо скрывал свою сущность. Может, у него есть талисманы или заклятия, способные скрыть от таких, как я, истинное эльфийское обличье. Я видела слишком много необъяснимого, чтобы поверить – в этом мире может существовать что угодно.

Я колебалась, думая то так, то этак: сегодня я считала, что Бэрронс никак не может быть одним из них, а на следующий день была убеждена, что он эльф.

Теперь я узнала правду. Парнем Алины был определенно не Иерихон Бэрронс.

Я пустилась в путешествие по фотографиям последних месяцев жизни Алины, которые я уже не надеялась увидеть. Я начала с фотографий, сделанных в тот день, когда она приехала в Ирландию, потом перешла к ее снимкам в Тринити, с однокурсниками в пабах, танцующей в толпе друзей. Алина была счастлива здесь. Я медленно, с любовью перебирала снимки, касалась пальцем ее румяных щек, проводила по краю длинных белокурых волос. Я одновременно смеялась и старалась не заплакать, поскольку заглянула в мир, который не ожидала увидеть – Алина в нем была *жива*, а город был полон сумасшедшего *крайка*, как, впрочем, и монстров... Боже, как я по ней скучала! Увидеть ее такой, как на снимках, было словно удар в солнечное сплетение! Глядя на фотографии, я ощущала ее присутствие так сильно, словно Алина стояла у меня за спиной и говорила: «Я люблю тебя, Младшая. Я здесь, с тобой. Ты справишься. Я знаю, что ты сможешь».

Потом фотографии изменились, судя по датам, отпечатанным на снимках, это произошло на четвертый месяц ее пребывания в Дублине. Фотографии во втором конверте были десятками изображений одной Алины, в самых разных угол-

ках города. По тому, как она смотрела на фотографа, было ясно, что она в него безумно влюблена. Я с неудовольствием отметила, что мужчина, который фотографировал ее, сделал самые лучшие снимки моей сестры, которые я когда-либо видела.

Всем хочется верить в разделение на черное и белое, на добро и зло, на героев, которые во всех отношениях герои, и на злодеев, которые невероятно злы, однако то, что я узнала за последний год, свидетельствовало, что в жизни такого не бывает. Хорошие парни способны творить по-настоящему отвратительные вещи, а плохие могут иногда поразить вас невероятным геройством.

Этот плохой парень умудрился поймать и запечатлеть самое лучшее в моей сестре. Не просто ее красоту, а тот уникальный внутренний свет, который отличал Алину от всех остальных.

А потом он погасил этот свет.

Я не могла понять, почему никто не мог описать мне его. Он ездил с моей сестрой по всему городу, и все-таки никто не помнил даже того, какого цвета у него волосы.

Они были цвета мерцающей меди, отсвечивающей золотым блеском, и ниспадали до талии. Ну и как, как люди умудрились этого не запомнить? Он был выше Бэрронса, и под его дорогой одеждой скрывалось тело, которого многие добиваются лишь благодаря долгим часам в спортзале и строгой самодисциплине. На вид ему было лет тридцать, одна-

ко с тем же успехом могло быть меньше или больше; в нем чувствовалось что-то неподвластное времени. Кожа его была смугло-золотистой. Даже когда он улыбался, его странные, медно-карие глаза оставались высокомерными, как у потомственного аристократа. Теперь я понимала, почему он оставил свой дом с экстравагантной пышностью, свойственной Королю-Солнцу, построившему дворец в Версале: этот стиль подходил парню Алины, словно перчатка. Я бы не удивилась, узнав, что он и был королем – одной из тех маленьких стран, о которых многие люди даже не слышали. Единственным, что портило его красоту, был длинный шрам на левой щеке, который тянулся от скулы до уголка рта. Впрочем, этот шрам его не то чтобы портил, он лишь делал парня моей сестры более загадочным.

Фотографии, на которых они с Алиной были вместе, явно снимал кто-то другой, но никто не только не смог описать этого человека полиции, никто даже не вспомнил его имени.

Вот они держатся за руки и улыбаются друг другу. Вот они гуляют по магазинам. Вот они танцуют на столе в одном из пабов Темпл Бар Дистрикт.

А вот они целуются.

Чем дольше я рассматривала фотографии, тем сложнее мне было поверить в то, что этот человек – злодей. Алина выглядела очень счастливой рядом с ним, и он выглядел таким же счастливым, обнимая ее.

Я резко помотала головой. Она тоже так думала. Она ве-

рила ему до того самого дня, когда позвонила мне и оставила испуганное сообщение: «Я думала, что он помогает мне, – сказала она, – но – Господи, поверить не могу, что я была такой душой! Я думала, что влюблена в него, а он один из них, Мак! Он один из них!»

Один из кого? Невидимых, способных каким-то образом превращаться в людей и обманывать даже ши-видящих? Я снова задумалась над тем, возможно ли такое в принципе. Если он не Невидимый, тогда кто же он такой и почему он действует заодно с монстрами? Этот человек должен был быть невероятно талантливым актером, чтобы обмануть Алину. Но она раскусила его только перед смертью. Что, если она заподозрила его и проследила за ним до этого здания? Дом стоит в Темной Зоне, в месте, которое заставляет инстинкты ши-видящей криком кричать о близости к источнику сверхъестественной опасности.

Размышляя о сверхъестественной опасности, слишком увлеченная исследованием дома, адрес которого дала мне Алина, и рассматриванием фотографий, я даже не поняла, что источник странного, манящего и одновременно пугающего чувства, которое вело меня сюда, находился не в самом доме. Он был сзади. За домом.

И становился сильнее.

Намного сильнее. Словно пробуждался ото сна.

Я собрала фото обратно в конверты, засунула во внутренний карман куртки и поднялась. Когда я торопилась через

весь первый этаж к черному ходу, который мне еще предстояло найти, я заметила, что с зеркалами на стенах что-то очень и очень не так. Настолько не так, что я, заглянув в некоторые из них, перестала даже смотреть в ту сторону и ускорила шаг, проходя мимо. Эти сюрреалистического вида стекла впервые дали мне понять, что такое истинная «чуждость» эльфов. Пусть Видимые и Невидимые ходят и говорят точно так же, как мы, но они принадлежат к совершенно иному виду.

Я нашла заднюю дверь, заставила себя выйти и зашагала прямо к приоткрытой, сделанной из рифленого железа двери склада, который располагался за аллеей, метрах в двадцати от 1247 Ла Ру.

Что бы ни манило меня к себе, оно находилось там.

Судя по всему, в тот день я сошла с ума. Пусть я и двигалась почти бесшумно и держалась поближе к стене, но я туда зашла. Температура воздуха рухнула куда-то далеко вниз в тот момент, когда я переступила порог и нырнула в темное нутро склада. В этом здании можно было запросто обустроить несколько футбольных полей. Это была старая оптовая база, слева и справа от меня находились стеллажи высотой около десяти метров, а в пространство между ними могли бок о бок въехать два грузовика. Проход был заполнен завернутыми в пластик плитами, которые не успели разгрузить и уложить на стеллажи. Неровный бетон пола был завален деревянными ящиками, кое-где стояли вилочные погрузчи-

ки, замершие на половине подъема, словно склад внезапно опустел. В дальнем углу склада я заметила яркий, но мрачный свет и услышала голоса.

Я начала пробираться к источнику света, перебегая от ящиков к погрузчику, стараясь ступать бесшумно и доверившись своим инстинктам, которых я не могла понять и которым не могла противиться. Чем ближе я подходила, тем холоднее становилось вокруг. К тому времени как я добралась до третьего с краю ряда погрузчиков, отделявших меня от того, что находилось впереди, я дрожала от холода и наблюдала, как замерзает прямо в воздухе пар от моего дыхания.

Возле предпоследнего ряда ящиков я скорчилась у подъемника, металл которого настолько остыл, что его больно было касаться.

Добравшись до последнего ряда, я ощутила такой приступ тошноты, что вынуждена была сесть, чтобы немного успокоиться. Между мной и тем, к чему я стремилась, оказалось нагромождение множества ящиков, коробок, погрузчиков, сдвинутых в таком беспорядке, словно кто-то поспешно убирал их, освобождая огромное пространство посреди склада. Из-за этой баррикады я видела лишь верхнюю часть того, что находилось в центре зала, и походила эта часть на большие камни. Отблески света, проникавшие в мрачный закуток, в котором я скорчилась, были ненормальными. Это был тяжелый, какой-то черный свет, и ни один из объектов, на которые он попадал, не отбрасывал тени.

Я не знала, сколько времени понадобится моему желудку, чтобы побороть тошноту. На это могло уйти пять минут, а могло и полчаса, но вдруг я поняла, что способна стоять и даже продолжать двигаться. Я понимала, что двигаться дальше мне *не стоило бы*, что я должна была просто «мчаться прочь сломя голову», как советовал Бэрронс, и не оглядываться, но перевесила манящая часть этой привлекательно-отпугивающей штуки. Я *должна* увидеть, что там находится. Мне нужно знать. Я зашла слишком далеко, чтобы теперь поворачивать назад.

Я выглянула из-за угла сваленных в стопку плит и тут же нырнула обратно, прижимая руку к сердцу, которое пыталось вырваться из груди и сбежать куда подальше. Я очень жалела, что вообще встала с кровати сегодня утром.

Несколько раз глубоко, осторожно вдохнув, я наклонилась вперед и снова выглянула. Думаю, я надеялась, что в первый раз мне просто показалось.

Я ошиблась.

Рассматривая подобные вещи в путеводителях и на открытках, я ожидала увидеть такую штуку посреди пасторального пейзажа, но не в центре промышленного склада, посреди коммерческого района в самом сердце города. К тому же раньше я считала, что они должны быть поменьше. Этот был огромным. Я попыталась представить, как его сюда затащили, но потом вспомнила, что имею дело с нечеловеческими методами транспортировки. А для эльфов нет ничего невозможного.

можного.

За спинами Носорогов и других разномастных Невидимых, — которые не отбрасывали тени в странном свете, струившемся из него, — возвышался дольмен. Два опорных столба стояли метрах в шести друг от друга, а длинная необработанная каменная плита, которая их венчала, завершала сходство мегалита с дверью.

На полу вокруг дольмена были выбиты символы и руны. Некоторые светились кроваво-красным, некоторые пульсировали тем же черно-синим светом, которым светился украденный у Мэллиса камень. Лицом к дольмену стоял человек в красной мантии, глубокий капюшон скрывал его лицо.

Арктический ветер был настолько холодным, что мои легкие словно окаменели и дрожали чуть ли не сильнее плоти. Темный ветер задувал прямо в душу, вгрызался в нее острыми ледяными зубами, и я внезапно поняла, что если я просто здесь еще немного, то начну медленно забывать все надежды и мечты, которые когда-либо рождались в моем сердце.

Но не пронизывающий душу ветер, не Носороги и даже не фигура в красной мантии, к которой кто-то обратился «Гроссмейстер», заставили меня спрятаться в тени.

Огромные каменные «двери» дольмена были открыты. И сквозь них шагала *орда* Невидимых.

Я не буду утомлять вас детальным описанием монстров, которые прошли в тот день через врата. Мы с Бэрронсом обсуждали их позже, пытаясь идентифицировать касты, и вы так или иначе скоро с ними познакомитесь.

Достаточно сказать, что их были сотни – высоких и низких, крылатых и копытных, толстых и тощих, и все они были пугающе отвратительными. Выходя из портала, они собирались группами из десяти или около того тварей возле каждого из Носорогов. По обрывкам разговоров, которые я уловила, Невидимые сторожевые псы получили приказ приспособить новую смену к жизни в этом мире.

В моем мире.

Я сжалась за стопкой плит и смотрела, слишком напуганная, чтобы двигаться. Наконец последний монстр прошел врата. Гроссмейстер в красной мантии забормотал громче, замахал черно-золотым жезлом над мерцающими символами, и проход закрылся. Руны и значки на полу потемнели, ледяной ветер стих. В помещении стало светлее, как будто даже ярче, Невидимые снова начали отбрасывать тени. К моему застывшему лицу и пальцам постепенно возвращалась чувствительность, а в сердце – способность надеяться.

– Вы получили инструкции, – сказал Гроссмейстер, и я удивилась, что у такого злобного типа может быть такой кра-

сивый голос.

Преклонив колена, как перед богом, Носороги начали подталкивать своих новоприбывших сородичей к выходу из склада. Группа из тридцати разномастных монстров осталась стоять за спиной Гроссмейстера.

Я распласталась за стопкой плит, а новоприбывшие, один за другим, проходили мимо по проходу, не более чем в полуметре от меня, каждая группа – за своим «тренером». Это были несколько самых страшных минут в моей жизни. Я смотрела с минимального расстояния на существ, которые даже в страшном сне не могли присниться земным создателям фильмов ужасов. После того как последние чудовища прошагали, проползли, пролетели, проскользили по длинному проходу и вышли из здания, я прислонилась спиной к стопке плит, закрыла глаза и не стала их открывать.

Так *вот* что хотела передать мне Алина: за 1247 Ла Ру находится дверь в ад и здесь Гроссмейстер вызывает своих темных слуг из ранее безупречно закрытой тюрьмы для Невидимых и выпускает их на волю в наш мир. Ладно, я это узнала.

Но что мне делать теперь с этим знанием? Алина сильно переоценила меня, если думала, что я могу и стану предпринимать что-то по поводу этой проблемы. Это не моя проблема. Моя проблема – найти ублюдка, который предал ее, и по мере сил воздать ему по заслугам. Если он человек, я отдам его под суд. Если он Невидимый, который притворяется человеком, он умрет на конечнике моего копья. И больше

мне ни до чего нет дела.

«Нам нужно найти "Ши-саду", – сказала Алина. – От этого зависит все».

Что от этого зависит? Я понимала, что ответ на этот вопрос наверняка содержит слова «Судьба Всего Мира». И не хотела слышать ни о какой «Судьбе Всего Мира». Это не моя сфера деятельности, Я наливаю спиртное в рюмки, я смешиваю коктейли, я вытираю стойку бара и мою стаканы. И подметаю заведение в конце смены.

Алина хотела, чтобы я нашла Темную Книгу, поскольку где-то между ее зашифрованных страниц спрятан способ победить Гроссмейстера и уничтожить его портал Невидимых? А почему я должна этим заниматься? Это же в Дублине, а не в Джорджии! Это проблема ирландцев. Пусть сами с ней и разбираются. К тому же если мне каким-то невероятным способом удастся заполучить эту глупую Темную Книгу, как я буду ее переводить? У Бэрронса есть два нужных камня, но я не была уверена в том, за какую команду он играет. И понятия не имела, где находятся оставшиеся два камня, как их найти и как потом ими пользоваться, – в том случае, если я вообще смогу взять их в руки.

Ну и чего от меня хотела Алина? Чтобы я осталась в Дублине на неопределенное время, искала все эти у-у-у жуткие штуки и жила в постоянном страхе? Посвятила этому *свою* жизнь? И была готова умереть за это?

Это слишком сложная задача для маленького бармена. Я

бы фыркнула, если бы последние полчаса все мои силы не уходили на то, чтобы не намочить в штаны от страха.

Она умерла за это.

Я сжала челюсти и еще сильнее зажмурилась. Я никогда не соответствовала уровню Алины, и никогда не смогу ему соответствовать. Я не хотела открывать глаза. Я могла увидеть что-то еще из того, за что, по мнению сестры, должна была нести ответственность, с возмущением думала я. Я собиралась выбраться отсюда. Я собиралась уносить ноги как можно дальше от этого портала, от Гроссмейстера в красной мантии и ото всей Темной Зоны.

Я вздохнула.

Я действительно собиралась. Вот только брошу быстрый взгляд на то, что творится за углом. Вдруг там окажется то, что мне необходимо знать. Не то чтобы я намеревалась делать что-то с полученной информацией. Просто, раз уж я здесь, стоит выяснить все, что только можно. Может, я передам эти сведения навязчивой старой леди или В'лейну, и кто-то из них займется этим делом. Если В'лейн действительно играет за хороших ребят, то ему и его Королеве следует действовать незамедлительно и каким-то образом плотно заткнуть эту дыру между двумя нашими мирами. Разве Бэрронс не говорил о Договоре? Разве в том, что творилось, не было нарушения сделки?

Я открыла глаза.

И чуть не разорвалась пополам от двух неимоверно силь-

ных, но противоречивых желаний – выскочить из собственной шкурки и провалиться сквозь землю.

Мы с Бэрронсом размышляли над тем, где может быть и что может делать Мэллис. Теперь я знала – где и что.

В десяти шагах от меня Мэллис скалил клыки в окружении шести мутноглазых Носорогов.

Попытка исчезнуть не удалась, так что я просто взорвалась, зашипела, заколотила и захлопала руками по всему, до чего могла дотянуться.

В отличие от другой ночи, когда я пыталась убить Серого Человека, в этот раз у меня не было времени подумать о том, что я делаю, поэтому я действовала чисто инстинктивно.

Как оказалось, мои инстинкты были *потрясающими*.

Копье осталось за ремнем, так что я пользовалась обеими руками. Внутри меня словно включилась самонаводящаяся система, как в бомбардировщике «Стеле», вычисляя и фиксируя положение Носорогов, расположившихся в нескольких шагах от меня.

Как только Мэллис отступил назад, позволив шести Носорогам приблизиться ко мне, я раскинула руки в стороны, с хлопком впечатав ладони в бочкообразные тела двух Невидимых. Развернувшись, попала еще двоим по ребрам, упала на пол и хлопнула ладонями в третий раз.

Стоя на коленях, я откинула упавшие на лицо волосы и оценила обстановку. Я заморозила шестерых тварей быстрее

чем за две секунды.

Но сколько времени будет длиться заморозка? Вот в чем вопрос.

Мэллис тоже застыл – думаю, он никогда раньше не видел Нуля в действии, – но мгновенно пришел в себя и плавно заскользил в мою сторону. Я сунула руку под куртку, хватаясь за копьё, но вспомнила, что говорил мне Бэрронс, точнее, чего он не говорил – способно ли копьё убить вампира? Мэллис не был эльфом, так что я не могла позволить себе проткнуть или заморозить его, а потом посмотреть на результат. Если, по словам того же Бэрронса, на Мэллиса не подействует кол в сердце, так с какой стати подействует копьё? Я вытащила руку из-под куртки. Я не собиралась показывать, что держу козырь в рукаве, пока у меня был выбор. Предположим, просто предположим, что мне удастся подобраться к Гроссмейстеру. И предположим, что я смогу использовать копьё против него. После чего мне останется лишь надеяться на то, что я успею заморозить всех Невидимых и обогнать вампира. Звучит как план действий. Единственный, что пришел на ум.

Я поднялась на ноги и попятилась. Похоже, этого вампиру и было нужно. Я не отводила глаз от его желтого взгляда, а он заставлял меня пятиться в сторону дольмена, прямо к окружавшим его Невидимым Носорогам и кучке разнообразных монстров.

– Что там, Мэллис? – Хоть он стоял у меня за спиной и я

не могла его видеть, но голос Гроссмейстера я не перепутала бы ни с чем. Он был богат обертонами, глубокий и музыкален, как и у В'лейна.

– Я услышал шум за этими завалами, – ответил Мэллис.
– Она Нуль, Гроссмейстер. *Еще один.*

Я ничего не могла с собой поделать. Я должна была узнать.
– Ты говоришь про Алину, не так ли? Еще один Нуль – это Алина Лейн? – Я не спрашивала, я обвиняла.

Странно застывшие лимонные глаза вампира нахмурились. Он обменялся долгим взглядом с тварью в красной мантии, что стояла за моей спиной.

– Что ты знаешь об Алине Лейн? – мягко спросил Гроссмейстер своим мелодичным голосом. В этом голосе было нечто большее, чем жизнь, – такой голос мог принадлежать лишь архангелу... павшему.

– Она была моей *сестрой!* – зарычала я, резко оборачиваясь. – И я собираюсь прикончить ублюдка, который убил ее. Что ты знаешь о ней?

Из-под кроваво-красного капюшона раздался смешок. Я сжала кулаки и прижала руки к бокам, чтобы не поддаться искушению и не вытащить копье, бросившись на фигуру в красном. Спокойствие, сказала я себе. Внимание. Я сомневалась, что у меня будет больше одного шанса.

– Я говорил тебе, что она придет, Мэллис, – сказал Гроссмейстер. – Мы используем ее для того, чтобы закончить начатое ее сестрой. – Он поднял руки, привлекая внимание

всей группы монстров, затем указал им на меня. – Когда все встанет на свои места, я открою портал и выпущу всю тюрьму Невидимых в этот мир, как и обещал вам. Задержите ее. Она отправится с нами.

– Это было просто глупо, мисс Лейн, – заявил Бэрронс, сокрушенно покачав головой, как только приземлился возле меня и полы его плаща медленно опали. – Вы так хотели сообщить им, кем являетесь? Они и сами могли это выяснить, причем довольно быстро.

Я моргнула, остолбенев.

Думаю, Гроссмейстер, Мэллис и все остальные точно так же обалдели от столь внезапного вторжения, поскольку мы дружно уставились на Бэрронса, а потом синхронно посмотрели вверх. Я просто хотела увидеть, откуда, черт возьми, он взялся. Остальные, думаю, проверяли, нет ли там еще кого-нибудь. Должно быть, он прошел сюда по верхним стеллажам. По десятиметровым стеллажам. И никакой болтающейся веревки, по которой он мог спуститься, я нигде не заметила.

Когда я вновь опустила взгляд, главарь Невидимых откинул с лица капюшон и внимательно посмотрел на Бэрронса. Ему явно не нравилось то, что он видел.

Я со всхлипом втянула воздух, замерев.

С недоверием и удивлением я смотрела на бойфренда Алины, Гроссмейстера. Лидер Невидимых не был эльфом! Даже Бэрронс выглядел удивленным.

Гроссмейстер выплюнул приказ и повернулся, взмахнув мантией. Десятки Невидимых внезапно оказались совсем близко.

И все понеслось вскачь, я даже сейчас затрудняюсь распределить те события в хронологическом порядке. Как только подручные Гроссмейстера направились к нам, козел, использовавший и убивший мою сестру и собиравшийся проделать со мной то же самое, приказал взять меня живьем, и только живьем, и убить второго.

А потом меня окружили Невидимые и я больше не могла видеть Бэрронса. Где-то в отдалении я слышала заклинания, руны на бетонном полу вновь начали наливаться светом.

И я закрыла свое сознание для всего, кроме битвы.

Я сражалась за свою сестру, которая умерла в одиночестве на грязной аллее. Я сражалась за женщину, которую медленно убивал Серый Человек, пока я ела картошку фри, и за другую, которую он уничтожил несколько дней спустя, на что я смотрела в бессильном ужасе. Я сражалась за тех людей, которых убила Многоротая Тварь. Я сражалась за пустые человеческие оболочки, которые носятся на ветру над забытыми улицами между Коллинз-стрит и Ланкспур-лейн. Возможно, я сражалась даже за некоторых подручных О'Банниона. И я сражалась за двадцатидвухлетнюю молодую женщину, которая приехала в Дублин чертовски уверенной в себе и которая больше ничего о себе не знала, ни того, откуда она пришла,

ни того, куда она направляется, ни того, об кого она только что сломала третий ноготь, покрытый лаком «Айсберри Пинк».

Наконечник копья стал карающей молнией в моей руке, я уклонялась, хлопала и колола. Я чувствовала, что превращаюсь во что-то совсем иное, и мне это нравилось. В один из моментов я заметила ошарашенное лицо Бэрронса, который смотрел на меня, и поняла, что, судя по выражению его лица, на меня стоило посмотреть. Я чувствовала себя тем, на что стоит посмотреть. Я превратилась в идеально отлаженную, хорошо смазанную машину, у которой было лишь одно предназначение: убивать эльфов. Хороших или плохих. Всех до единого.

И я делала это, я убивала Невидимых одного за другим. Шаг назад, хлопок, укол. Они падали вниз, быстро и тяжело. Копье было для них чистым ядом, и мне невероятно нравилось смотреть, как они умирают. Я не знаю, удалось бы мне победить в тот день, если бы там были только эльфы, но я ошиблась и проиграла.

Я забыла про Мэллиса.

Когда он подкрался ко мне сзади, я ощутила его присутствие, как ощущала присутствие эльфов – внезапно мой внутренний радар засек нечто инородное внутри определенного периметра, – поэтому я развернулась и загнала наконечник копья ему в живот.

Я тут же поняла свою ошибку, но не знала, как ее испра-

вить. Вампир представлял для меня куда большую угрозу, чем любой из Невидимых, даже Тени, – я, по крайней мере, знала, как справиться с этими тварями, высасывающими жизнь, – с помощью света. Я понятия не имела, в чем слабость этой твари, высасывающей кровь, – и есть ли у него вообще слабости. Бэрронс говорил так, словно убить вампира просто невозможно.

На мгновение я замерла. Мое оружие погрузилось в живот Мэллиса, и я надеялась, что оно как-нибудь сработает. Если оно и произвело на вампира какое-то действие, то я этого не заметила. Я просто глупо смотрела в злобные желтые глаза, сияющие на мертвенно бледном лице. А потом ко мне вернулся разум, и я попыталась вырвать копье, чтобы еще раз ударить вампира, на этот раз в сердце, – может, Бэрронс ошибался, мне же нужно делать хоть что-то, – но острое, как бритва, лезвие застряло в хряще, кости или чем-то там еще и не поддавалось.

Мэллис положил ладонь на мою руку, обхватившую копье. Прикосновение было холодным, мертвым.

– Маленькая сучка! Где мой камень? – прошипел вампир.

И тут до меня дошло, почему он не спросил об этом раньше, в тот момент, когда увидел меня. Он обманывал Гроссмейстера и не мог рисковать, боясь выдать себя перед Носорогами.

– О Боже, а ведь он даже не знает, что камень у тебя *был*! – воскликнула я. И в тот же момент поняла, какую глупость

совершила. Мэллису есть что терять, и за обман Гроссмейстера он получит куда душевнее, чем за случайно убитую в пылу схватки ши-видящую. Умная я только что подписала себе смертный приговор.

Я изо всех сил вцепилась в копьё. Мэллис оскалился, оружие поддалось, и я качнулась назад. Потеряв равновесие, я ударила снова – но на миллисекунду опоздала. Вампир тыльной стороной ладони хлестнул меня по лицу, и я спиной вперед полетела по воздуху, ноги и руки болтались, как у сломанной куклы – именно так, как у виденного мной охранника в ту ночь, в Доме готов.

Я врезалась в сложенные стопкой плиты, которые сработали ничуть не хуже кирпичной стены. Голова откинулась назад, и боль рикошетом заметалась по черепу. Я слышала, как что-то во мне сломалось.

– Мак! – донесся до меня вскрик Бэрронса.

Я сползала по пластиковой обертке плит и размышляла о том, как странно слышать, что он называет меня «Мак». Он всегда говорил только «мисс Лейн». Я не могла дышать. Грудную клетку словно заклинило, и я подумала о том, что сломанные ребра могли проткнуть легкие. Копьё выскользнуло из моих пальцев. Леденящий ветер вернулся, замораживая душу и тело, и я вяло подумала о том, что ворота снова открыты.

Веки казались тяжелыми, как пресс-папье, и я моргала очень медленно. Лицо было мокрым. Я не уверена, но, ка-

жется, я плакала. Я не могла умереть. Я только что узнала, кто убил мою сестру. Я взглянула ему в лицо. Я еще не отомстила за нее.

Перед моими глазами возник Бэрронс.

– Я вытащу тебя отсюда. Держись, – сказал он мне голосом, который напоминал замедленное кино, и исчез.

Я снова с трудом моргнула. Я не могла дышать, и зрение буквально плавало, особенно в одном глазу. В какой-то миг все потемнело, а потом снова появился Бэрронс. Они с Мэллисом кружили друг возле друга, постепенно сближаясь. Вампир сверкал глазами, полностью обнажив клыки.

Когда очередная попытка вздохнуть не удалась, я подумала о том, что такого мог сотворить Бэрронс, от чего невероятно сильный вампир перелетел стопку ящиков и врезался в вилочный погрузчик. И как я оказалась у Бэрронса на руках, и куда он собирался отнести меня с такой головокружительной скоростью.

Я очень надеялась, что в больницу.

Во время нашего бегства я трижды приходила в себя.

В первый раз на время, достаточное, чтобы понять – я не умерла, что было просто поразительно. В прошлый раз я видела, как Мэллис отбрасывает кого-то к стене, этим кем-то был мужчина вдвое больший, чем я, и он умер мгновенно, истекая кровью из разнообразных отверстий.

Должно быть, я пробормотала что-то об этом, поскольку

грудь Бэрронса зашевелилась у моего уха.

– Копье что-то сделало с ним, мисс Лейн. Я не уверен, как и почему, но оно замедлило его реакцию.

В следующий раз, когда я пришла в себя, он спросил:

– Вы можете перебросить руку мне за голову и придерживаться за шею?

Ответ был положительным. Одну – могу. Вторую – не могу, она болтается как тряпичная, от плеча до кончиков пальцев.

Этот человек умел бегать. Мы были в канализации, это я определила по всплескам под его ногами и по запаху. Я лишь надеялась, что не тешу себя глупым оптимизмом, но мне действительно казалось, что я не слышу погони. Мы оторвались от них? Ото всех?

– Они не знают подземелий настолько хорошо, насколько знаю их я, – сказал Иерихон. – Никто не знает.

Как странно. Я была болтушкой, но даже не подозревала об этом. Я умудрялась задавать вопрос за вопросом, даже несмотря на боль? Или он просто читает мои мысли?

– Я не телепат, мисс Лейн, – сказал Бэрронс. – Просто ваши мысли сразу же отображаются на лице. Вам следует поработать над этим.

– Разве мне не нужно в больницу? – путано спросила я, очнувшись в третий раз. Я лежала на спине, в кровати моей временной спальни в «Книгах и сувенирах Бэрронса». Должно быть, я отключилась надолго. – Думаю, у меня сломаны

кости.

– Левая рука, два ребра, несколько пальцев. И все тело в синяках. Вам повезло. – Бэрронс прижал холодный компресс к моей щеке, и я резко передернулась от последовавшей боли. – По крайней мере, скуловая кость не расщепилась, когда он вас ударил. Я боялся этого. Но все выглядело страшнее, чем оказалось, мисс Лейн.

– Больница? – снова попыталась я.

– Они не смогут сделать для вас больше, чем уже сделал я, и лишь будут засыпать вас вопросами, на которые вы не сможете ответить. Если я привезу вас в таком состоянии, а вы не скажете им, что случилось, они обвинят во всем меня. Я уже вправил вам руку и пальцы, – сказал Иерихон. – Ребра заживут. Лицо будет выглядеть... кхм... да. Со временем все будет хорошо, мисс Лейн.

Это прозвучало зловеще.

– Зеркальце, – слабо выдавила я.

– Простите, но у меня нет ни одного под рукой.

Я попыталась пошевелить левой кистью, размышляя о том, где и как Бэрронс добавил к своему бесконечному резюме умение накладывать гипс. Но он его не добавлял. Моя рука оказалась в лубках, точно так же, как и несколько пальцев.

– Разве не нужно загипсовать?

– Пальцам достаточно и лубков. А перелом вашей руки не настолько серьезный, чтобы требовался гипс. Если я загип-

сую вам руку, это приведет лишь к атрофии мускулов. Вы должны поправиться как можно быстрее. Если вы не заметили, мисс Лейн, у нас прибавилось проблем.

Я уставилась на него мутным левым глазом. Правый глаз полностью заплыл и не открывался, снизу его подпирала невероятно распухшая щека. В той оптовой базе, после того как Мэллис меня ударил, Бэрронс назвал меня «Мак». Несмотря на все мои сомнения по поводу Бэрронса, на все мои страхи из-за его возможной договоренности с Тенями, он пришел туда за мной, когда все это случилось. Он пришел ради меня. Он спас мне жизнь. Он нес меня на руках, и теперь я в безопасности, я лежу на кровати в его доме и знаю, что он будет охранять меня, пока я не встану на ноги. При таких обстоятельствах глупо продолжать называть меня «мисс Лейн», я так ему и заявила. Возможно, кстати, я отвыкну называть его «Бэрронс».

– Ты можешь называть меня Мак, э-э... Иерихон. И спасибо, что спас меня.

Одна темная бровь удивленно изогнулась.

– Ограничьтесь «Бэрронсом», мисс Лейн, – сухо ответил он. – Вам нужно отдохнуть. Спите.

Мой здоровый глаз тут же закрылся, словно Иерихон произнес какое-то заклинание, и я перенеслась в счастливое место, в коридор, заклеенный фотографиями моей улыбающейся сестры. Теперь я знала, кто убил ее, и собиралась отомстить. Я была на полпути к дому. Я не буду называть его

«Иерихон», если он против. Но я хочу, чтобы он называл меня «Мак», сонно бормотала я. Я устала находиться в тысячах миль от дома и чувствовать себя одинокой. Было бы приятно слышать, как кто-то называет меня сокращенным домашним именем. Кто угодно, пусть даже и Бэрронс.

– Мак, – произнес он мое имя и рассмеялся. – Ну что за имя для такой, как ты? Мак.

Он снова засмеялся.

Я хотела знать, что он имеет в виду, но у меня не осталось сил на вопросы.

А потом его пальцы легко, словно крылья бабочки, коснулись моей разбитой щеки, и Бэрронс мягко заговорил, но не по-английски. Это было похоже на один из тех мертвых языков, что звучали в фильмах, на которые я натыкалась, быстро переключая каналы. Теперь я жалела, что не посмотрела парочку таких фильмов, чтобы знать, к чему теперь стоит готовиться, если вообще стоит.

Кажется, он поцеловал меня тогда. И это не было похоже ни на один из тех поцелуев, которые мне доводилось раньше испытывать.

А потом стало темно. И я заснула.

– Нет, не так. Ты *размазываешь* его. Первый слой должен быть тонким, – сказала я. – Это не торт, который нужно покрыть кремом. Это ноготь.

Мы сидели в зимнем саду на плоской крыше «Книг и сувениров Бэрронса», – я даже не подозревала о существовании этого места, пока Фиона, которая, увидев мои повреждения, огорчилась куда сильнее, чем я ожидала, не рассказала мне о нем. Послеобеденные часы я провалялась на кушетке, притворяясь, что читаю, но на самом деле ничего не делая. Когда включились прожекторы, стоявшие по периметру крыши, и сумеречный сад оказался ярко освещенным, я хорошенько присмотрелась к своим поломанным ногтям. После чего сходила за маникюрным набором, вернулась наверх и, приготовившись хорошо поработать, разложила все инструменты на милом столике со стеклянной крышкой и железными ножками. Однако как бы я ни старалась, мне не удавалось накрашивать ногти на правой руке, удерживая кисточку в сломанной, затянутой в лубки, левой. А потом приехал Бэрронс и я, не теряя времени, усадила его за работу.

Он стиснул зубы, на щеках заходили желваки.

– Напомните мне еще раз, почему я это делаю, мисс Лейн?

– Ха! – сказала я. – Потому что у меня сломана рука.

Я помахала лубком у него перед носом, на тот случай, если

он забыл об этом маленьком неудобстве.

– Думаю, вы просто недостаточно старались, – сказал Бэрронс. – Думаю, вам следует попробовать еще раз. Если вы повернете лубок под таким углом, – он показал, в процессе закапав лаком для ногтей изразцовый пол садика, – а потом положите руку вот так. – Он кивнул сам себе. – Попробуйте. Думаю, это работает.

Я холодно посмотрела на него.

– Ты таскал меня по всему городу, ты заставлял меня охотиться за ОС, но я же не жаловалась все время? Нет. Так что не выкручивайся, Бэрронс. Ты можешь как минимум накрасить мне ногти, пока у меня сломана рука. Я же не прошу тебя красить мне ногти на ногах.

Кстати, я действительно нуждалась в чьей-то помощи с педикюром. Поскольку работа над пальцами ног требует обеих рук.

Бэрронс сердито дернулся от перспективы снимать с меня туфли и красить ногти подходящим по цвету мерцающим золотистым лаком, который назывался «Румянец Ледяной Принцессы». Это название всегда казалось мне смешным оксюмороном, таким же, как «огромный коротышка». Ни одна из ледяных принцесс, с которыми я была знакома по старшей школе и колледжу, не относилась к тому типу, который умеет краснеть.

– Некоторые парни, – высокомерно сообщила я, – прыгали бы от счастья, если бы получили шанс накрасить мне ногти.

Бэрронс склонил голову над моей рукой, с суровой осторожностью нанося бледно-розовый лак на ноготь безымянного пальца. Иерихон был большим, мускулистым, мужественным и выглядел очень глупо, раскрашивая мои ногти. словно римский центурион, обшивающий кружавчиками боевую кольчугу начальника. Я прикусила щеку изнутри, чтобы не расхохотаться.

– Уверен, что прыгали бы, мисс Лейн, – сухо ответил Бэрронс.

Он все еще называл меня «мисс Лейн».

После всего, что мы пережили. словно не он нашел мою карту с фиолетовой точкой, которую я на ней нечаянно оставила, после чего помчался за мной в Темную Зону. словно не он меня спасал, перевязывал, накладывал лубки и ледяные компрессы, менял повязки на глазу и, кажется, даже целовал.

Я нахмурилась, изучая его темную макушку. Я знала, как он нашел меня. Фиона рассказала мне, что позвонила ему сразу после того, как заметила, что я иду в заброшенный район. Судя по тому, как виновато она поглядывала на мои раны, я была свято уверена, что она *не сразу* позвонила Бэрронсу, в общем, вы меня поняли.

Но это было все, что я знала. С тех пор как мы вернулись с 1247 Ла Ру, я провела три дня в медикаментозном сне, просыпаясь лишь затем, чтобы Бэрронс мог меня чем-то накормить и снова приказать мне спать.

Спина и бедра были в синяках, различные части тела потеряли чувствительность и подвижность, ребра были перевязаны так туго, что мне было больно дышать, но, в качестве хорошей новости, мой глаз практически пришел в норму и снова открывался. Я все еще не набралась смелости взглянуть в зеркало, я несколько дней не принимала душ, но мысли мои вертелись вокруг совершенно других вещей. Несколько вопросов просто пожирали меня изнутри весь день.

– Итак, Бэрронс, час расплаты наступил.

– Я не буду помогать вам брить ноги! – тотчас же вскинулся он.

– Ой, не надо. А то я тебе позволю. Я имела в виду вопросы.

– О.

– Что ты такое? – Я выплеснула на него этот вопрос, как ведро холодной воды.

– Не улавливаю смысла, – сказал Бэрронс с элегантным галльским пожиманием плечами.

– Ты прыгнул с десятиметровой высоты без страховки. Ты должен был что-нибудь себе сломать. Например, обе ноги. Так что же ты такое?

Еще одно пожатие плечами.

– Мужчина с веревкой?

– Ха-ха. Я не видела там веревки.

– Ничем не могу помочь. – Он сухо и устало посмотрел на меня, чего вполне хватило для того, чтобы меня одолели

сомнения по поводу той ночи. В конце концов, я довольно сильно стукнулась тогда и надолго выпала из реальности. К тому же у меня не было абсолютной гарантии того, что он не воспользовался одной из тех новомодных штук, которыми пользуются воры в кино. Я попыталась сменить тактику.

– Ты отправил Мэллиса в продолжительный полет. И он сначала проехался по ящикам, а потом влип в погрузчик.

– Я достаточно силен, мисс Лейн. Хотите пощупать мои мускулы? – Бэрронс показал зубы в оскале, который определенно не был улыбкой, и мы оба об этом знали. Две недели назад он напугал бы меня.

– А мне все равно, насколько ты силен. Мэллис сильнее по определению. Он вампир.

– Возможно. А возможно, и нет. Его последователи, судя по всему, считают его погибшим.

– Какой чудесный день, – довольно промурлыкала я. – Минус один.

Оставалось уничтожить еще около тысячи, по моим прикидкам, и я очень боялась признаться себе, что сильно, очень сильно просчиталась.

– Рано радуетесь, мисс Лейн. Не верьте в чью-либо смерть, пока не сожжете тело, не развеете пепел по ветру и не подождете пару дней, чтобы убедиться, что из пепла ничего не проросло.

– Ты шутишь. Неужели некоторых так трудно убить?

– Некоторых, мисс Лейн, – ответил Иерихон, принимаясь

за второй слой маникюра, – вообще невозможно убить. Однако я не считаю Мэллиса одним из упомянутых существ. Его останки видели.

Я выпалила следующий вопрос:

– Почему Тени позволяют тебе спокойно ходить по Темной Зоне, Бэрронс?

Он измазал розовым лаком весь мой указательный палец. А потом взглянул на меня с таким раздражением, словно это сделала я.

– Черт побери, Бэрронс, ты не мог бы внимательнее следить за тем, что делаешь? – Я отдернула руку. – Намочи один из ватных шариков вот этим. – Я показала на флакончик жидкости для снятия лака.

Иерихон взял флакончик, глядя на меня тяжелым взглядом.

– Вы шпионили за мной, мисс Лейн?

– Нет, случайно заметила, Бэрронс. Я выглянула в окно и увидела, как ты занимаешься какими-то темными делишками, и мне интересно только, сколько раз ты совершал что-то мерзкое, когда я не выглядывала в окно? Где «майбах»?

Быстрая улыбка скользнула по его губам, мимолетная, довольная улыбка мужчины, заполучившего новую игрушку.

– О'Банниону он больше ни к чему. А полиция даже не видит того, что вы назвали.... Темной Зоной, верно? Он останется там навсегда. Какая утрата.

– Ах ты, отмороженный... – задохнулась я. – О'Баннион

ведь тогда был мертв меньше суток!

– Военный трофей, мисс Лейн.

– А ты не мог заодно убрать эти кучки одежды?

Бэрронс пожал плечами.

– Вы скоро перестанете их замечать.

Надеюсь, что нет. Поскольку это будет означать одно – что-то во мне умерло так же, как и в нем.

– Так что за договор у тебя с Тенями, Бэрронс?

Я ожидала уверток, даже встречного вопроса, но я не была готова к тому, что он сказал мне вместо ответа. Шелковым голосом он поинтересовался:

– Почему вы не рассказали мне о вашей стычке с В'лейном, мисс Лейн?

Я подпрыгнула.

– Откуда ты знаешь?

– В'лейн сказал мне.

– Откуда *ты* знаешь В'лейна? – настаивала я.

– Я все знаю, мисс Лейн, – ответил Иерихон.

– Да неужели? – Я превратила свой голос в сахарный сироп. – Тогда скажи мне, кто такой Гроссмейстер? Ответь. Он не эльф, это точно. Но было в нем что-то... не совсем человеческое.

– Любовник вашей сестры, – безо всякого выражения ответил Бэрронс. – И какой вывод на основании этого я должен сделать о вас, мисс Лейн?

Когда я тупо уставилась на него, он пояснил:

– Я нашел фотографии в кармане вашей куртки.

Я чуть не стукнула себя по лбу. Фотографии! Я совсем забыла о том, что нашла в особняке Гроссмейстера.

– А куда ты дел остальные вещи из моей куртки? – спросила я.

Я не заметила в своей спальне ни фотоальбомов, ни ежедневника. Мне нужно будет пройтись по ее расписанию частым гребнем. Там может оказаться много полезной информации: имена, адреса, даты.

– В вашей куртке больше ничего не было.

– Нет, было! – запротестовала я.

Иерихон покачал головой.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Я внимательно изучала выражение его лица. Он говорит неправду? Могли они выпасть, когда я дралась? Или он по какой-то причине забрал их? С тяжелым чувством я поняла, что мне, возможно, придется возвращаться на 1247 Ла Ру, чтобы убедиться в этом.

– Я не знала, что парнем моей сестры был Гроссмейстер, – начала оправдываться я. – Она тоже не знала. Помнишь ее сообщение? Она сказала, что он все время обманывал ее. И что он оказался одним из них, и она до самого конца не догадывалась об этом. Он обманул ее и использовал, – едко сказала я. – Ну вот, я ответила на твой вопрос. Теперь ты ответь на мой. Почему Тени позволяют тебе свободно разгу-

ливать по Темной Зоне?

Бэрронс долгое время молчал, покрывая мои ногти вторым слоем лака и осторожно касаясь кутикул. Он действовал гораздо лучше многих маникюрш: этот человек был перфекционистом во всем. Я уже не надеялась на то, что он ответит, когда Иерихон наконец заговорил.

– Все мы обладаем... даром, мисс Лейн. Вы являетесь Нулем. Я... чем-то иным. Чем я точно не являюсь, так это вашим врагом. Точно так же я не на стороне Теней. Вам придется поверить мне на слово.

– Мне было бы гораздо проще поверить тебе, если бы ты просто ответил на мой вопрос.

– Я не понимаю, почему вы об этом спрашиваете. Я мог бы солгать вам сто раз. Но посмотрите на мои действия. Кто спас вам жизнь?

– Ага, но ОС-детекторы не работают после смерти, не так ли? – парировала я.

– Я прекрасно справлялся и до вашего появления, мисс Лейн, и вполне способен в будущем обходиться без вас. Да, вы можете находить ОС, но, честно говоря, без вас моя жизнь была куда проще. – Он вздохнул. – Проклятье, я так скучаю по тем дням, когда вы еще не появились в моем магазине!

– Прошу прощения за причиненные неудобства, – огрызнулась я, – но *моя* жизнь с тех пор тоже не напоминает тарелку черешни.

Некоторое время мы оба молчали, глядя в темноту, и ду-

мали каждый о своем.

– Что ж, по крайней мере, теперь я знаю, кто убил Алину, – сказала я наконец.

Бэрронс резко взглянул на меня.

– Вы слышали в том складе что-то, что я пропустил, мисс Лейн?

– А то! Ее парень был Гроссмейстером, и она этого не знала. Наверное, она один раз проследила за ним, выяснила, кто он на самом деле, точно так же, как и я. И он убил ее за это.

Это было настолько очевидно, что я недоумевала, как мог Бэрронс этого не понимать.

Но он явно не понимал. Сейчас он был стопроцентным воплощением скептицизма.

– Что? – спросила я. – Я что-то пропустила? Думаешь, мне не следует заниматься этим?

– О, нам определенно придется заняться этим, – сказал Бэрронс. – Обратите внимание на слово «нам» в этом предложении, мисс Лейн. Еще раз попытайтесь в одиночку выступить против чего-то большого и злого, и я лично надеру вам задницу так, что монстры обзавидуются. Я хочу убить Гроссмейстера по одной простой причине: мне не нужны чертовы монстры в моем городе. Однако жизнь научила меня одной простой вещи: предположение – это ты и я в заднице.

– Забавно, – сказала я, повторяя его последние слова по слогам²³.

---

²³ «Assume» – предположение, «ass» – задница, «и» – ты, «те» – я.

– Я не стараюсь вас развлечь, мисс Лейн. Я говорю о том, что вы можете лишь предполагать, кто убил вашу сестру, пока у вас на руках не окажется твердых доказательств или признания. Предположения, – мрачно сказал он, – могут засунуть даже лучших из нас в места похуже задницы.

Я была готова спросить «В какие, например?», но внезапно на меня накатила такая тошнота, что я не могла выдавить из себя ни слова. Желчь без предупреждения хлынула ко рту, и словно кто-то проткнул ножом мою голову, – я буквально чувствовала, как его лезвие входит в один висок и выходит из другого.

Я, шатаясь, встала на ноги, врезалась в столик и испортила остатки маникюра, пытаюсь удержаться. Я упала бы на землю и наверняка еще раз сломала больную руку, если бы Бэрронс не подхватил меня. Думаю, меня стошнило.

Прямо перед тем, как я потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, я лежала на кушетке, а Бэрронс стоял рядом, возвышаясь надо мной. Он выглядел строгим и собранным.

– Что? – настойчиво спросил он. – Что случилось, мисс Лейн?

– О Б-б-боже, – слабо произнесла я. Я никогда не чувствовала ничего подобного раньше и никогда не хотела бы ощутить это вновь. Все, хватит. Я еду домой. Я бросаю это все. Поиск ради мести окончен. С меня достаточно. Подаю в официальную отставку с поста ши-видящей.

– Что? – снова спросил Бэрронс.

– Я н-н-н-не-е м-м-м-огуп-п-п-рекр-р-атить д-д-д-д... – Я замолчала. Я хотела сказать «дрожать», но зубы стучали так сильно, что слова мне не давались. Кровь застыла в моих венах. Мне было холодно, очень холодно. Я думала, что никогда не смогу согреться.

Бэрронс стянул пиджак и укутал меня.

– Лучше? – Иерихон подождал секунды две. – Ну? Что? – нетерпеливо переспросил он.

– Она б-была тут, – справилась я с непослушными словами, показывая здоровой рукой на край крыши. – Г-г-где-то внизу. Д-д-думаю, в машине. И она удаляется. Ее уже нет.

– Что тут было? Чего уже нет?

Содрогнувшись напоследок, я снова обрела контроль над собственным телом.

– А как ты думаешь, Бэрронс? – сказала я. – «Синсар Дабх».

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Я поняла кое-что об этой книге, чего не понимала раньше. Она такая злобная, что поглощает любого, кто к ней прикоснется, – без исключения.

– О Боже, мы живем в сложном мире, правда? – выдохнула я.

Никто из нас не поднимал этой темы, но я знала, что мы оба думаем о Невидимых, которые прошли сквозь дольмен в тот день, и о том, что их знакомят с нашим миром, трени-

ругают их способность пользоваться чарами, чтобы они могли взаимодействовать с нами и убивать нас.

«Когда все встанет на свои места, – сказал Гроссмейстер, – я открою портал и выпущу всю тюрьму Невидимых в этот мир».

Я не знала, насколько велика тюрьма Невидимых, и не хотела этого узнавать. Но у меня было отвратительное предчувствие, что скоро я это выясню.

– Есть ведь еще ши-видящие, Бэрронс? – спросила я. – Кроме нас?

Он кивнул.

– Хорошо. Поскольку они нам понадобятся.

Приближалась война. Я чувствовала это всем телом. Война до последнего вздоха.

А человечество об этом даже не знало.

ГЛОССАРИЙ

ИЗ ДНЕВНИКА МАК

Видимые: «светлые», или «прекрасные», эльфы, принадлежащие к кругу, которым управляет Видимая Королева Эобил. (Определение Иерихона Бэрронса.)

Друиды: в дохристианском кельтском обществе друиды руководили правящим религиозным культом, их орден обладал законодательной и судебной властью, они занимались философией и обучением элитной молодежи, которую после привлекали в орден. Друиды приносили человеческие жертвы и ели желуди, готовясь пророчествовать. Они верили, что день сменяет ночь, и превратили это убеждение в учение о метемпсихозе. Друиды утверждали, что человеческая душа не умирает, а возрождается в иной жизненной форме. В древние времена считалось, что друиды посвящены в тайны богов, могут управлять физической материей, пространством, даже временем. В своем первоначальном значении ирландское слово «друи» означает «маг», «волшебник», «прорицатель». (Мифы и легенды Ирландии.)

Копье Луина (известное также как Копье Луга, Копье Лонгина, Копье Судьбы, Пылающее Копье) – копье, пронзившее тело Христа после его распятия. Не человеческое оружие – Светлая Реликвия Туата Де Данаан, одна из немногих вещей, способная уничтожить эльфов – вне зависимости от ранга и силы. (Определение И. Б.)

Королевские Охотники: средняя каста Невидимых. Разумны и агрессивны, внешне полностью подходят под классическое описание Дьявола: раздвоенные копыта, рога, вытянутые, похожие на козлиные, морды, кожистые крылья, хвосты, светящиеся оранжевые глаза. Их первоочередная функция: уничтожение ши-видящих. Оценка угрозы: смертельны. (Определение И. Б.)

Многоротая Тварь: омерзительный Невидимый с мирадами похожих на пиявок ртов, дюжинами глаз и гипертрофированными половыми органами. Каста Невидимых: в данное время неизвестна. Оценка угрозы: в данное время неизвестна, теоретически убивает способом, о котором я и думать не хочу. (Личный опыт.)

Невидимые: «темный» круг. Туата Де Данаан. Согласно легенде Туата Де Данаан, Невидимые были заперты на сотни тысяч лет в тюрьме, из которой невозможно сбежать. (Ага, невозможно. Козлы.)

Носороги: средняя каста Невидимых, что-то вроде сторожевых псов и шпионов, которых рассылают высокопоставленные эльфы. (Личный опыт.)

Нуль: ши-видящий со способностью временно замораживать эльфов, коснувшись их руками (например, я). Чем выше и сильнее каста эльфов, тем менее длительным будет время заморозки. (Определение И. Б.)

ОС: сокращение от «Объект Силы», реликвия эльфов, обладающая мистическими свойствами. (Определение Мак.)

При-йя: женщина, пристрастившаяся к сексу с эльфами. (Я так думаю. Определение следует.)

Реликвии: восемь древних реликвий, дарующих безмерную силу. Четыре принадлежали Светлым, четыре – Темным. Светлыми реликвиями считаются камень, копье, меч и котел. Темными – зеркало, шкатулка, амулет и книга («Синсар Дабх», или Темная Книга). (Алфавитный определитель артефактов: истинных и мифологических.)

Серебряный (Серебристый) Коридор: искусно сделанный зеркальный лабиринт, когда-то служивший основ-

ным способом перемещения эльфов между реальностями. Однако с тех пор как Круус наложил на него запретное заклинание, ни один эльф не отваживается зайти в Серебристый Коридор. (Определение И. Б.)

Серый Человек: невероятно уродливый, заживо гниющий Невидимый, который питается украденной у человеческих женщин красотой. Оценка угрозы: может убить, однако предпочитает оставлять свою жертву ужасно обезображенной, но живой, чтобы насладиться ее страданиями. (Личный опыт.)

«Синсар Дабх» («Sinsar Dubh»): Темная Реликвия, принадлежащая мифологической расе Туата Де Данаан. Написанная на языке, известном только старейшинам их расы, книга учит, как завладеть смертоносной магией, заклинаниями которой заполнены ее зашифрованные страницы. Принесена в Ирландию Туата Де во время вторжений, описанных в псевдоисторической «Книге захвата Ирландии» («Leabhar Gabhala Eireann»), затем украдена вместе с другими реликвиями Темных, и, по слухам, попала в мир Людей. Авторство приписывается Темному Королю Невидимых, написавшему ее миллион лет назад. (Алфавитный определитель артефактов: истинных и мифологических.)

Тав'ры (Таб'ры): порталы эльфов, сквозь которые они

могут переходить из мира в мир, обычно спрятаны внутри повседневных человеческих объектов. (Определение И. Б.)

Телепортация: способ перемещения эльфов, со скоростью мысли. (Сама видела!)

Темная Зона: территория, захваченная Тенями. В течение дня выглядит как обычный заброшенный, полуразрушенный район. С наступлением ночи превращается в смертельную ловушку. (Определение Мак.)

Тени: одна из низших каст Невидимых. Могут чувствовать, но неразумны. Они голодны – они питаются. Они не выносят прямого попадания света, поэтому охотятся только по ночам. Они похищают жизнь тем же способом, каким Серый Человек похищает красоту, осушают своих жертв с вампирским проворством. От жертвы остается лишь кучка одежды и высохшая оболочка. Оценка угрозы: смертельны. (Личный опыт.)

Туата Де Данаан, или Туата Де (Туа де дана, Туа де): (смотри «Эльфы», ниже) высокоразвитая раса, прибывшая на Землю из иного мира. (Определение следует.)

Убивающие сексом эльфы (например, В'лейн): эльфы, которые настолько сексуально «могучи», что люди уми-

рают от секса с ними, если эльф не защитит человека от полного влияния своего смертоносного эротизма. (Определение следует.)

Чары: иллюзии, при помощи которых эльфы маскируют свой истинный вид. Чем сильнее эльф, тем сложнее проникнуть сквозь эту маскировку. Обычные люди видят только то, что эльфы хотят им показать. Особой частью эльфийской магии является небольшой периметр искаженного пространства, окружающий их, он отпугивает людей и не позволяет им наткнуться на эльфов или нечаянно задеть их. (Определение И. Б.)

Четыре камня: полупрозрачные сине-черные камни, покрытые выгравированными руническими письменами. Ключ к пониманию древнего языка, которым написана «Синсар Дабх», находится в этих камнях. Каждый из камней по отдельности может пролить свет на небольшую часть текста, но лишь все четыре камня, объединенные в один, помогут расшифровать текст полностью.

Ши-видящие: люди, на которых не действует магия эльфов, способные видеть сквозь иллюзии, или «чары», с помощью которых эльфы скрывают свою истинную сущность. Некоторые ши-видящие способны также видеть Тав'ры, тайные порталы между реальностями. Некоторые способны чув-

ствовать близость объектов сил, принадлежащих Видимым и Невидимым. Каждый ши-видящий индивидуален, различные степени чувствительности к близости эльфов. Некоторые ограничены, некоторые наделены несколькими «особыми силами». (Определение И. Б.)

Эльфы (смотри также Туата Де Данаан): разделены на два двора: Видимый, или Двор Света, и Невидимый, или Темный Двор. К обоим дворам, относятся различные кланы эльфов, каждой кастой управляет королевский дом. Всего королевских домов четыре. Видимая Королева и избранный ею супруг управляют Светлым Двором. Темными управляют Темный Король и его нынешняя любовница. (Определение И. Б.)